

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ

ВСЕ, ЧТО МЫ
ОСТАВИЛИ
ПОЗАДИ

«Напряженная,
загадочная,
романтическая
история».

RT BOOK
REVIEWS

Annotation

В результате несчастного случая внутри Джеймса оказались заперты две личности – оба художники, но с непохожими судьбами. Выходцы из разных стран и семей. Возлюбленные разных женщин. Носители различных ценностей.

Чтобы разорвать этот порочный круг, Джеймс решает отказаться от одной из судеб, но делает неверный выбор. Воспоминания о прежней жизни застилают жизнь нынешнюю, и последние шесть лет напрочь стираются из его памяти. Не потеряться в этой новой действительности ему помогают дневники Карлоса – одной из личностей, – который подробно описывал все то, что происходило с ним в течение шести лет.

- [Кэрри Лонсдейл](#)

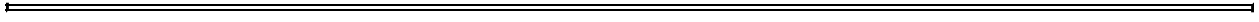
-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Эпилог](#)
- [Эпилог](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Слова благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

Кэрри Лонсдейл

Все, что мы оставили позади

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается моим родителям, сохранившим веру

Пролог

Джеймс

Шесть месяцев назад

18 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Ему снова снилась *она*. Глаза ее были настолько яркими и горящими, что, казалось, прожигали душу. Когда она перекатывалась через него, целуя его разгоряченную кожу, ее темные вьющиеся волосы ласкали его грудь. Через два месяца они должны были пожениться. Он не мог дождаться той поры, когда будет каждое утро просыпаться рядом с ней, уже как с женой, и нежно любить ее – так же, как она любила его сейчас.

Ему нужно было сказать ей что-то очень важное. И что-то очень срочное сделать. Нечто, что все время ускользало от него, скрывалось в окутанных туманом уголках сознания. Он старательно сфокусировался на этой мысли, пока наконец...

«Я должен ее защитить».

Он должен был защитить свою невесту. Его брат уже покусился на ее честь и попытается обидеть ее снова.

И он увидел своего брата – с решительным упрямством во взгляде. Граничащим с безумием. Они были на яхте. У брата было ружье, и он угрожал. Потом брат навел оружие на него. Поскольку было ясно, что он выстрелит без малейших колебаний, – он нырнул в воду. Океан оказался бурным, тут же потащил его на глубину. Он почувствовал, что тонет. Пули между тем чиркали по поверхности, проскальзывая мимо его головы и туловища, едва не попадая в цель.

Все сильнее ощущая нехватку воздуха, он греб руками все сильнее и быстрее, подгоняемый самым что ни на есть великим страхом, что ему довелось когда-либо испытать. *Он должен ее защитить.*

Высокие могучие волны яростно швыряли его на скалистый берег. Его лицо, руки, ноги раздирало жгучей болью. Океан не отпускал его – однако

его воля, намерение защитить любовь всей своей жизни оказались сильнее. Он должен был успеть добраться до нее до того, как к ней прикоснется его брат. Течение все норовило затянуть его под воду, и он плавал, стараясь держаться на поверхности, будто дрейфуя по волнам – вперед-назад, вверх-вниз.

Потом вдруг наступил мрак.

– *Papá! Papá!* – завопил детский голос.

Он резко распахнул глаза. Над ним, сбивая простыни, скакал маленький ребенок. Вокруг кровати, радостно смеясь, подпрыгивал мальчик постарше.

– *Despiértate, papá! Tengo hambre*^[1], – кричал ему по-испански малыш.

Он напряг мозги, извлекая из памяти курс испанского в далеком колледже. Ребенок был голоден и к тому же называл его папой.

«Куда ж это меня, к чертям собачьим, занесло?»

Он резко сел в постели и тут же, передумав, откинулся обратно, к изголовью. Находился он в спальне, в окружении многочисленных фотографий в рамочках. На многих снимках он обнаружил самого себя – однако ни на миг не помнил, как на них фотографировался. Окна, расположенные справа от него, выходили на балкон, а там, дальше, простирался океан.

«Какого черта?!» Кровь словно отлила от лица, тело прошибло холодным потом.

Ребенок подскочил ближе, подпрыгивая на кровати и крутясь в воздухе вокруг своей оси:

– *Quiero el desayuno!*^[2] *Quiero el desayuno!*

– Хватит прыгать, – прохрипел он и поднял руки, чтобы защититься от мальчишки, оказавшегося уже совсем рядом с его лицом. Он совершенно не понимал, где он и кто он. Необъяснимая паника своими жуткими пальцами схватила его за горло. – Прекрати сейчас же!!!

Малыш замер. Пару мгновений ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами, потом торопливо скатился с постели и убежал из комнаты.

Он зажмурил глаза и мысленно досчитал до десяти. Когда он откроет глаза, все должно вернуться в нормальное состояние. Он просто перенервничал: работа, предстоящая свадьба, неприятности с братьями. В этом, должно быть, все дело. Все это только сон.

Наконец он открыл глаза. Ничего не изменилось. Грудь словно

сдавило, дыхание стало резким и тяжелым. Это был не сон. Это оказался ночной кошмар, и он сейчас был в самом его эпицентре.

На тумбочке у кровати он заметил мобильник. Взял его в руку, активировал экран. Когда высветилась дата, сердце замерло. «Ведь должен же быть май. Какого черта там декабрь, причем... через шесть с половиной лет после свадьбы?!»

От входа послышался какой-то шум, и он вскинул голову. В дверях стоял мальчик постарше с сильно побледневшим кофейно-загорелым лицом.

– *Рарá?*

Он снова сел в постели:

– Кто ты такой? И кто я? Что это за дом?

Похоже, его вопросы напугали мальчугана, однако из комнаты он не ушел. Вместо этого подтянул к стенному шкафу стул, забрался туда и вытащил с самой верхней полки небольшой металлический ящик. Спустившись со стула, поднес ящик к нему и потыкал в кнопочную панель, вводя четырехзначный цифровой код. Замок со щелчком открылся. Мальчик поднял крышку и, оставив ящик, медленно попятился из комнаты, не сдерживая бурных слез.

Внутри металлического ящика оказались разные государственные документы: паспорта, свидетельства о рождении и о браке, и тут же, о смерти некой Ракель Селины Родригес. В самом низу лежали несколько флешек и компьютерных дисков, а рядом с ними – помолвочное кольцо. Он узнал это кольцо. Она его носила.

Подняв кольцо к свету, недоуменно уставился на него: «Почему же она теперь его не носит?»

Он положил кольцо обратно в металлический ящик, и тут глаза наткнулись на белый конверт. Письмо было адресовано ему. *Джеймсу*.

Он вскрыл конверт и вытащил оттуда письмо:

«Пишу я это в пору неизвестности, рано или поздно ожидая неизбежного конца.

Боюсь, настанет день, когда я вспомню, кем я был, и забуду, кто я есть. Меня зовут Джейми Карлос Домингес. Некогда я был известен как Джеймс Карлине Донато.

Если я читаю эту записку, совершенно не помня, как ее написал, – то должен знать одно: я – это ты»^[3].

Глава 1

Джеймс

Настоящее время

21 июня

Сан-Хосе, Калифорния

Умереть намного легче, чем вернуться к жизни. Кипы документов, необходимых для восстановления его личности, хватило бы для того, чтобы снова высосать из него жизнь.

Возможно, ему следовало оставаться мертвым. Потому что здесь для него не осталось ничего ценного. Это было чертовски ясно.

Мысль прошла по мозгу Джеймса, словно мяч, посланный на бейсбольном поле, с силой ударившийся о внешнюю стенку. Она оставила тупую боль в виске и пустоту в груди.

Джеймс уставился на небо над Сан-Хосе, глядя на него из окна кабинета своего брата Томаса в «Донато Энтерпрайзес». Заходящее солнце отразилось в стеклянных стенах зданий, окрашивая их в сияющие золотистые и оранжевые тона. Потеряно шесть с половиной лет, и он ни черта не может сделать, чтобы вернуть это время.

Но он помнил тот день, когда оставил Эйми, как будто это произошло вчера.

Он шагал взад и вперед вдоль окна, преследуемый тем разговором, который у них состоялся ночью, перед его уходом. «Меня не будет меньше недели, ты даже не успеешь по мне соскучиться». Потом он поцеловал ее и занялся с ней любовью. Его пальцы ласкали лунный свет в ее волосах, Джеймс уверял, что их будущее будет только таким, каким они хотят, он освободится от своих обязанностей перед «Донато Энтерпрайзес». Он хотел заниматься искусством. Его губы прошлись по изящным линиям ее бедер, по изгибам икр, он пообещал заботиться о ней до конца своей жизни.

Но не смог сдержать это обещание. Он предал ее.

Столько времени потеряно. Такая часть его жизни пропала. Его дом. Его искусство. Его личность.

Любовь всей его жизни.

Эйми.

Ее имя шепотом прошло через него.

Знает ли она, что он вернулся в Штаты? Знает ли она, что вернулся он, ее Джеймс?

Они не виделись с тех самых пор, когда больше пяти лет назад она нашла его в Мексике. Она выяснила, что он жив, а не погиб, как уверил всех его брат Томас. Мерзавец даже организовал похороны Джеймса и поставил памятник на семейном кладбище.

Томас сказал ему, что это для его защиты, иначе Фил снова попытался бы убить его, чтобы спасти собственную задницу.

Старший брат воспользовался его амнезией: Джеймс абсолютно ничего не помнил о себе. Томас даже создал для него новую личность, новую жизнь.

Джейми Карлос Домингес. Художник. Вдовец. Отец.

Он совершенно не помнил приезда Эйми в Мексику, как не помнил и того, что влюбился в Рабель, своего физиотерапевта, женился на ней, усыновил ее сына Джулиана и стал отцом для их общего сына Маркуса. Рабель умерла, рожая Маркуса. Томас рассказал о его жизни в Мексике под именем Карлоса, но у Джеймса не осталось об этом никаких воспоминаний. Он не мог вспомнить, как очутился в Мексике.

Память сохранила только то, как он оказался на пляже Сикатела, окровавленный, ничего не понимающий и не имеющий ни малейшего представления о том, кто он и откуда.

Но у него остались дневники, которые больше шести лет вел Карлос, они были аккуратно сохранены им на флешке. Ежедневные записи прекратились за два дня до того, как он снова стал Джеймсом.

Этот чертов парень вел дневник.

Из горла Джеймса вырвался странный звук. Ирония судьбы: каждый раз, когда он ругал Карлоса, он ругал самого себя. Но, когда он отделял себя от Карлоса, ему было легче смириться с потерянным временем.

В этом Карлосе было много такого, чего Джеймс не понимал. Но вот параноидальный страх Карлоса потерять свою личность был ему понятен. Потому что, когда Джеймс вернулся, снова появился на страницах газет и журналов, а мозаика фотографий в рамках на стенах и металлический ящик с кодовым замком со свидетельствами короткой жизни Карлоса остались в прошлом, он оказался навсегда потерян для этого мира.

Джеймс вспомнил вещи, хранившиеся в том ящике с замком. Фотографии, свидетельства о рождении и смерти. Кольцо Эйми, которое Джеймс подарил ей на помолвку.

Его пальцы коснулись граней бриллианта на этом кольце, которое он сунул глубоко в карман. Тонкий габардин костюмных брюк царапал бедра, давно привыкшие к широким шортам. А кольцо было твердым, холодным напоминанием о том, что всю оставшуюся жизнь он будет расплачиваться за свои ошибки не только шрамами, покрывшими его тридцатишестилетнее тело. Рубец от правого виска до подбородка, неправильно сросшийся нос, неровная кожа на бедре – след от пули, как полагал Джеймс. С этими шрамами он мог справиться. Но вот с тем, что он никогда не разделит жизнь с Эйми, потому что сам все испортил, Джеймс смириться никак не мог.

Он подумал о своих сыновьях, которые ждали его в конференц-зале. Одиннадцатилетний Джулиан ненавидел Джеймса. Он был убежден в том, что Джеймс не хочет быть их отцом и собирается отправить их на Гавайи к сводной сестре Ракели, Наталии Хейз. Шестилетний Маркус боялся его с того самого дня, когда отец вдруг заговорил по-английски. Джеймс уже не тот *рара́*, что прежде.

Одному богу известно, как он сумеет устроить своих сыновей в новом доме и в новой для них стране. Будут ли они доверять ему, как отцу, когда они все вместе попытаются начать новую жизнь?

Но Эйми не станет частью этой жизни.

Джеймс вздохнул, преодолевая боль глубоко в груди.

– Она с тобой не встретится.

Джеймс сжал в кулаке кольцо, медленно отвернулся от окна и свирепо посмотрел на брата. Томас сидел за письменным столом, бездумно постукивая ручкой «Монблан» по стеклянной поверхности. У Джеймса шевельнулись уши, ловя звук. Ручка царапала стекло. Джеймс крепче сжал бриллиант, и камень впился ему в ладонь. Захотелось ударить Томаса, ощутить тошнотворный треск сломанных костей, чтобы камень завибрировал в его руке. Это желание захватило Джеймса. Почти.

«Держи себя в руках, Джеймс».

Томас выдержал взгляд младшего брата, его бровь изогнулась, как будто он ждал возражений Джеймса.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джеймс, снова отворачиваясь к окну. – Ты не видел ее пять лет.

Постукивание ручки прекратилось.

– Я с ней не разговаривал.

В декабре, когда Джеймс начал бомбардировать Томаса вопросами об Эйми, брат не смог на них ответить. После возвращения в Штаты она обратилась в суд, и судья установил для Томаса временный запрет на приближение к ней. Эйми не хотела иметь дела ни с Томасом, ни с семьей Донато. Когда запрет был снят, они обменялись несколькими электронными письмами, и Томас оставил ее в покое.

Джеймс не винил Эйми. Если бы он не настолько полагался на помощь Томаса, чтобы вернуться к привычной жизни, он бы тоже вычеркнул его из своей жизни. Джеймс даже подумывал о том, чтобы подать в суд на Томаса за нарушение его человеческих прав. Но собственный стыд и уважение к матери остановили Джеймса. Три сына Клэр Донато уже достаточно сделали для того, чтобы разрушить семью. Кроме того, Джеймс заслужил то, что с ним произошло. Из-за собственных ошибок он оказался там, где оказался, покинутый и практически забытый.

– Я видел Эйми, – пробормотал Томас.

Джеймс надел кольцо на мизинец. Он облокотился на стекло, постучал по нему пальцем и задумался, прав ли Томас. Захочет ли Эйми видеть его?

Колесики кресла прокатились по плотному ковру, и отчетливый хруст дорогой ткани всколыхнул воздух. Томас тоже подошел к окну и встал рядом с Джеймсом.

– Лос-Гатос – маленький город. Я прохожу мимо ее кафе почти каждый день. Я не могу не видеть ее или Яна. Или их дочку.

Джеймс уперся лбом в стекло.

– Ей пришлось двигаться дальше, – продолжал Томас. – Ребенок. Муж. Она любит Яна. Она счастлива.

Джеймс это знал, знал с того самого дня, когда в декабре позвонил ей, но номер оказался отключенным. Никогда в жизни он не был так напуган.

Зато когда он позвонил Томасу, брат ответил после первого гудка. Через двадцать четыре часа Томас уже был в Мексике и все рассказал.

Томас вцепился в плечо Джеймса:

– Не разрушай ее брак.

– Так, как ты разрушил мою жизнь?

Томас поморщился:

– Я же говорил тебе, что пытался ее наладить. Ты не желал иметь со мной дела, когда ты был Карлосом. – Он наклонил голову вниз и посмотрел на вечерний поток автомобилей внизу. – Я не смог заставить тебя уехать из Мексики, сколько бы ни старался убедить.

Солнце скрылось за горизонтом, небо потемнело. Их отражения в темном стекле с каждой минутой становились все отчетливее. Джеймс

впервые в жизни заметил, что он крупнее Томаса. И выглядел он намного моложе, чем предполагали два года разницы со старшим братом.

Когда в декабре Джеймс впервые увидел собственное отражение, именно это удивило его больше всего: как сильно он постарел. Длинные волосы, как у сёрфера, и шрамы на лице шокировали его. За шесть с половиной лет морщинки вокруг глаз и рта стали глубже, кожа на ребрах натянулась, как будто он часто жарился под мексиканским солнцем. Но Карлос держал тело в отличной форме. Помимо пробежек и горного велосипеда, он вел активную жизнь на природе.

Томасу повезло меньше. Он обладал очень коротко подстриженными тускло-серыми волосами, белой кожей, которой не хватало витамина D, и худощавым телом, выживавшим, как предполагал Джеймс, на кофеине, сигарах и алкогольной диете. Бар в офисе Томаса был отлично укомплектован, и дымный, въевшийся запах сигар бил в нос, когда Томас стоял рядом. От резкого запаха курева, исходившего от костюма брата, у Джеймса заслезились глаза.

Трудно было поверить, что Томасу меньше чем через два года будет сорок. Он выглядел намного старше.

– Я не планирую встречаться с Эйми, – с покорным вздохом ответил Джеймс. Во всяком случае, пока. Он не был уверен, что выдержит эту встречу, зная, что Эйми больше ему не принадлежит.

Он отошел от окна и остановился возле стола Томаса. Там лежал большой конверт, адресованный Джеймсу.

– Это оно?

– Да, принесли сегодня утром.

Джеймс вскрыл конверт, посмотрел содержимое. Ключи от родительского дома и документы на него. После смерти отца мать переехала в дом престарелых. Теперь родительский дом принадлежал Джеймсу, там он мог растить своих мальчиков. Но он намеревался продать его как можно скорее.

Он проглядел остальные бумаги. Список банков и номера инвестиционных счетов, школьные регистрационные формы для мальчиков. Ключи от машины. Новая жизнь.

Если бы все было так просто.

Джеймс подумал о своих сыновьях. Из-за него из их жизни исчезло все привычное: дом, школа, друзья. Они потеряли мать, а совсем недавно и отца, которого они знали. По мнению Джулиана, Джеймс оказался плохой заменой.

– На этой неделе я продал оставшиеся у тебя акции «Донато

Энтерпрайзес». Дом мамы и папы твой, делай с ним, что хочешь, – объяснил Томас. – Имуущество, которое ты отправил из Мексики, доставлено. Твои полотна упакованы в ящики.

Джеймс вытащил документ из конверта. Томас подошел к столу и постучал по бумаге своей ручкой.

– Мальчиков приняли в школу Сент-Эндрюс.

Это была частная школа рядом с домом, в котором они с Томасом выросли. Они тоже ходили в эту школу.

– У них отличная программа «английский язык как второй родной».

– Они бегло говорят по-английски. Судя по всему, я за этим проследил. – Джеймс насмешливо фыркнул.

Он убрал бумаги обратно в конверт и хлопнул им о бедро. Джеймсу хотелось уйти. Он устал, проголодался, и мальчики тоже, он это знал. Они приехали сюда сразу после того, как приземлился их рейс из Мехико.

– Тебе что-то от меня нужно?

Томас покачал головой.

– Тогда на этом все. Я позвоню, если мне что-то понадобится. Без причины я тебе звонить не стану.

«Никогда не стану», – хотел бы сказать Джеймс. Но что бы он ни пытался поймать в жизни, Томас оказывался там, чтобы перехватить мяч. «Пенальти», – хотелось крикнуть Джеймсу. Ему просто было нужно, чтобы Томас оставил его в покое, черт побери.

Джеймс повернулся к дверям.

– В следующий вторник из тюрьмы выходит Фил, – сообщил Томас, когда Джеймс уже был у двери. – Его выпустят. Он будет свободен.

Томас развел руками.

– И ты только теперь мне об этом говоришь? – Джеймс пристально посмотрел на брата. Он думал, что Филу сидеть еще несколько месяцев. Глаза Джеймса сузились. – И как давно ты об этом знаешь?

Томас принялся внимательно рассматривать ручку, которую держал в руке.

– Будь ты проклят! – Брат все знал достаточно давно, Джеймс вполне бы мог уехать подальше отсюда. Томас был преисполнен решимости наладить все, что только можно, в жизни Джеймса, включая его возвращение в Лос-Гатос.

– Я уже говорил тебе, что Фернандо Руис, глава картеля Идальго, был арестован, предстал перед судом и получил срок. Сомневаюсь, что у Фила остались связи с картелем Идальго. И все же, – Томас постучал ручкой по костяшке большого пальца, – будь осторожен. У нас нет никаких

доказательств, но я нутром чую, что он пытался тебя убить. И я понятия не имею, что он сделает, когда выйдет на свободу. Он еще не знает, что ты жив.

Джеймс ударил кулаком по двери.

– Иисусе, Томас, в самом деле? Ты должен был сказать ему об этом. – Джеймс подумал, что тогда у него было бы время посетить Фила *до того*, как он выйдет из тюрьмы. – Ты действительно думаешь, что он снова попытается убить меня? Зачем? Все решено. Федералы получили того, кого хотели, а ты отправил Фила в тюрьму.

– Фил попытается выяснить, есть ли у тебя доказательства его участия в попытке убить тебя.

– Мы не знаем, он или кто-то другой пытался меня убить, – подчеркнул Джеймс. – Я ни черта не помню.

– Совсем ничего?

– Ничего.

Томас выругался сквозь зубы.

– Ты бы сказал мне, если бы что-то вспомнил, верно? Как только вспомнишь, сразу свяжись со мной.

Джеймс коротко кивнул. Возможно, это важно для Томаса, но для Джеймса что случилось, то случилось. Он сам все испортил, погнавшись за Филом без какого-то бы ни было плана. Он был в ярости из-за того, что Фил попытался изнасиловать Эйми. Испытывал отвращение из-за того, что Томас не проявил никакого интереса к тому, что Фил отмывал деньги. Джеймса бесил план Фила разорить семью. В результате Джеймс подвел всех, особенно Эйми.

Он толкнул дверь, массивную, из красного дерева.

– Джеймс!

Он повернул голову к Томасу, но не посмотрел на него.

– Хорошо, что ты вернулся.

Джеймс вышел из офиса и тихо закрыл за собой дверь. Он посмотрел через холл и с облегчением увидел, что сыновья все еще в конференц-зале. Мальчишки, воспитание которых Карлос никогда не доверил бы Джеймсу.

Глава 2

Карлос

Пять с половиной лет назад

1 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

На террасе бара на пляже гостиницы «Каса-дель-Соль» сидел тот самый парень, который приехал вместе с Эйми. Ян, так его звали. На его плече висел фотоаппарат, и он слишком часто смотрел на меня. Почему он все еще здесь? Ему следовало бы уехать вместе с ней.

Имельда Родригес, владелица отеля и женщина, изображавшая мою сестру, сказала мне, что Эйми улетела домой днем раньше, через несколько часов после того, как я высадил ее у гостиницы. Мне была известна только одна причина, по которой я снова пришел в отель сегодня после полудня. Я хотел ясно дать понять Имельде, чтобы она держалась подальше от меня и моих сыновей. Она мне не сестра, а им не тетя. Я не хочу, чтобы она была в нашей жизни. Она плела интриги, она манипулировала, она лгала. Только бы не потерять свою гостиницу, за которую она не могла выплатить кредит. Томас Донато заплатил ей, чтобы она поддерживала ту придуманную жизнь, которую он создал для меня.

Я так и не узнал, почему он почувствовал потребность впутать в дело Имельду. И в этот момент мне было плевать на него. Сидя у стойки бара, я выпил шот текилы «Патрон» и вытер губы тыльной стороной руки.

Два дня назад Имельда призналась, что я не Джейми Карлос Домингес. Меня зовут Джеймс Чарльз Донато, и девятнадцать месяцев я прожил в состоянии диссоциативной фуги, оно продолжалось и сейчас. В любую минуту, в любой день, в любом месте я могу выйти из него. Бум! И я снова Джеймс. Настоящий я. Когда это произойдет, я забуду все, что со мной случилось после того, как я очнулся в больнице под гул аппаратов, с трубками, прикрепленными к моим рукам и в окружении тошнотворного запаха засохшей крови, антисептика и собственного немытого тела. Я

понятия не имел, кто я такой и откуда. В моей голове не осталось ни одного воспоминания, кроме этого, первого: врач склонился надо мной и спрашивает, как меня зовут.

Когда я выйду из фуги, я забуду, как сильно я любил свою покойную жену, Ракель, и своих сыновей. Не вспомню, как меня обнял Джулиан, когда узнал, что я усыновил его. Я забуду и тот первый раз, когда Маркус сжал мой палец и улыбнулся мне беззубой улыбкой.

Я забуду, что я был Джейми Карлосом Домингесом.

Девятнадцать месяцев я не проживал ложь. Я был ложью. Мужчина с фальшивой личностью и без прошлого.

Что же до моего будущего, то его у меня может и не оказаться. Мой мозг переключится с Карлоса на Джеймса, и мужчина, которым я был сегодня, завтра исчезнет. Когда это случится, у моих сыновей будет отец, который их не знает и вряд ли захочет их воспитывать.

«*Dios!*^[4] Что будет с моими сыновьями?»

Я пропустил еще несколько шотов и проглотил обжигающую текилу. Я собирался пойти домой после разговора с Имельдой, но к черту все. Мне нужно было пропустить стаканчик или два. Я опустошил еще один шот. Всего получилось пять.

Текила узлом скрутила мой пищевод. Я выдохнул сквозь зубы, ударил себя в грудь кулаком, потом откашлялся.

Я посмотрел на часы. Отлично, у меня еще есть время. Наталия, сводная сестра моей покойной жены, присматривала сейчас за мальчиками. В качестве представителя отцовской компании «Хейз Боардс», она приехала в Пуэрто-Эскондидо на ежегодный *torneo de surf*^[5]. Она собиралась уехать утром, но, учитывая ядерную бомбу, которая взорвалась в прошлый уик-энд, она осталась еще на неделю. Мне нужно было разобраться с последствиями, не волнуясь о том, кто позаботится о Джулиане и Маркусе.

Мне нужно было напиться.

Налив еще несколько шотов, я быстро проглотил их один за другим – один, второй, третий – опуская стаканчик на стол после каждого раунда. Выпив девятый шот, я уставился на свое отражение в зеркале за барной стойкой. На меня смотрели покрасневшие глаза на лице с трехдневной щетиной. Зеркало покачнулось.

– Вау! – сказал парень, сидевший на соседнем табурете. Он подтолкнул меня назад.

– *Lo siento*^[6]. – Я положил локти на стойку и опустил голову на руки.

– Пустяки, приятель. – Парень похлопал меня по вспотевшей спине. Выгоревшие на солнце волосы упали ему на лоб. Он отбросил их назад и улыбнулся.

– Тебе хватит, Карлос. Я тебе больше не налью, друг, – сказал мне испански бармен Педро. Он забрал со стойки мой стакан и отправил его в мойку, где он звякнул о другие грязные стаканы.

Я схватил бутылку текилы, на дне которой плескалось на палец алкоголя, и сполз с табурета. Педро окликнул меня, когда я уходил. Я помахал рукой:

– Запиши на мой счет.

Я шагнул с террасы бара и утонул в песке. Вечернее солнце обожгло лицо, на мгновение ослепив меня. Сощурившись, я побрел по песку и нашел убежище в тени одинокой пальмы. От сухой жары защиты не было.

Текила не помогла, подумал я, вытирая пот со лба. Я оставался парнем с фальшивым именем и мрачным будущим. И никак не мог контролировать ситуацию.

Прислонившись к стволу пальмы, я смотрел, как солнце садится в море. Я почувствовал во рту привкус желчи, желудок свело, как сводит в ситуации «меня сейчас вырвет». Я потер грудь и посмотрел на ближайший мусорный бак. Щелкнул фотоаппарат. Я вызверился на фотографа.

Ян опустил фотоаппарат и прикрыл глаза рукой, защищая лицо.

– Освещение феноменальное. Это был хороший снимок.

Я отмахнулся от Яна.

Он поднял вверх руки.

– Эй, мне следовало сначала спросить.

– Забудь об этом.

Я сам, вероятно, забуду. Однажды. Я предложил ему почти пустую бутылку.

– Выпьешь?

Ян взял бутылку, вытер горлышко рубашкой и выпил. Его губы растянулись, обнажая зубы, пока горечь напитка опускалась в желудок. Он вернул мне бутылку, теперь уже пустую.

– Почему ты все еще здесь?

Он надел крышку на объектив.

– Имельда добывает для меня кое-какую информацию.

Я швырнул бутылку в ближайший мусорный бак и промахнулся. Она упала на песок. *Проклятье.*

– Я бы не верил тому, что она скажет.

– Моя ситуация никак не связана с твоей.

– Хочешь сказать, что ей не заплатили за то, чтобы она тебе лгала? – Я оттолкнулся от ствола пальмы, и горизонт покачнулся.

– Не падай, парень. – Ян схватил меня за руку. Он подобрал бутылку и покрутил ее перед моим носом. – Ты один все это выпил? – спросил он, выбрасывая бутылку в бак. Она упала на кучу пустых бутылок из-под пива, оставшихся после турнира.

Я покачал головой. «Нет, слава богу». Я был пьян, но не в коматозном состоянии. В бутылке было чуть меньше половины, когда Педро начал наливать мне шоты. Кстати, о шотах...

– Мне нужно выпить. – Я покачнулся и отошел от дерева.

Ян скрестил руки на груди.

– Знаешь, ты точно такой же, как он.

– Разумеется, я выгляжу, как Джеймс. – «Ты, идиот».

Он кивком указал на отель «Каса-дель-Соль».

– Я говорил о твоём брате Томасе.

О мерзавце, который срежиссировал мою жизнь-неразбериху. Его я точно видеть не хотел. Не могу сказать, что бы я с ним сделал, если бы увидел. В первую очередь он бы узнал, что значит приходить в себя после восстановительной лицевой хирургии и иметь поврежденные связки в плече.

Это было мое второе воспоминание. Открыв глаза, я увидел женщину, сидевшую у моей постели. В белой блузке и серой юбке, мускулистые ноги скрещены и слегка наклонены вбок. Красива настолько, что перехватывает дыхание. Это была моя первая мысль о ней. Как экзотическая модель из каталога дорогой одежды. Или одна из тех, кого фотошопом доводят до совершенства на глянцевых страницах журналов, таких как тот, который она перелистывала. Я поднял голову, чтобы увидеть, что она читает, и застонал, когда плечо взорвалось острой болью.

Женщина резко вскинула голову. Она отбросила в сторону журнал и нагнулась ко мне. Ее рука, мягкая и прохладная, нашла мою руку, и тут она улыбнулась, ее глаза цвета какао засияли.

– Не двигайся, тебе надо отдохнуть, – сказала она успокаивающе. – Тебе надо восстановить нос и скулы. Чем меньше ты будешь двигаться, тем меньше боли будешь чувствовать.

Ее пальцы легко пробежались по моему лицу, привлекая внимание к бинтам, окутывавшим мою голову.

Женщина кивнула в сторону моего правого плеча.

– У тебя выбито плечо.

Она объяснила, что опухоль наконец уменьшилась достаточно, чтобы

доктор Мендес смог вправить плечо. Шевелить плечом мне нельзя, потом мне назначат лечение.

Мой взгляд скользил по ее лицу, по острым углам скул и прямой линии носа, намекающей на европейских предков. Я нахмурился. Откуда я могу это знать, если я понятия не имею, кто она такая, да и собственное имя для меня загадка?

– Кто ты? – прошептал я потрескавшимися губами.

– Имельда. – Она разгладила юбку ладонями. – Имельда Родригес. Я – твоя сестра. И я намерена позаботиться о тебе, Карлос. *Sí?*^[7]

– *Sí.*

У меня есть сестра.

Я не знал, почему это важно. Но это было чертовски важно. Эта женщина присмотрит за мной, пока я буду выздоравливать. В тот момент я почувствовал себя в безопасности.

Я посмотрел на Яна, стоявшего в нескольких шагах от меня, и меня охватило неприятное чувство, усугубляя тошноту, появившуюся из-за слишком большого количества спиртного, выпитого всего лишь за двадцать минут. Интересно, был ли я сегодня в большей безопасности, чем в те времена, когда я еще не вошел в состояние фуги.

Педро оставил свой пост за стойкой бара и вышел через заднюю дверь, возможно, покурить. Он даже не узнает, что я вернулся в бар еще за одним шотом.

– Я собираюсь выпить. Ты как?

Ян покачал головой и сунул руки глубоко в карманы шорт-карго.

– Если ты напьешься до неменяемого состояния, это не решит твои проблемы.

Я с отвращением фыркнул.

– Кстати, твой брат тоже напился. С момента своего приезда сюда, уже два дня он не вылезает из бара в вестибюле гостиницы.

– Мне плевать. Что же до моих проблем, то эти шоты проделали феноменальную работу, позволив мне забыть о проблемах.

Я направился к бару.

– Можно дать тебе совет?

Теплый песок под моими ногами и выпитая текила довели мое тело до жидкого состояния. Я смотрел на Яна и покачивался. Он ничего не сказал, только склонил голову к плечу и поднял в ожидании брови. Я вздохнул и сделал жест рукой. «Давай, парень, выкладывай». Мне нужно идти.

– Поговори с ним, – посоветовал Ян.

– В самом деле? – Я хмыкнул и развернулся, чтобы уйти.

– Тогда пойд и набей ему морду. Поверь, вы оба почувствуете себя лучше.

– Я не хочу его видеть, – выговорил я непослушным языком. Наверное, мне не стоило пить еще. Не хочу, чтобы Имельда везла меня домой.

– Как пожелаешь. – Ян на долю секунды встретился со мной взглядом, потом отсалютовал и пошел прочь. Вполне вероятно, что он пошел собирать вещи, чтобы улететь обратно в Штаты. К Эйми.

– Ты любишь ее, – сказал я, когда он подошел к ступеням в том месте, где патио отеля переходило в песчаный пляж.

Он развернулся, наши взгляды встретились.

– Да, люблю. Очень сильно.

– Береги ее. Судя по всему, у меня это не слишком хорошо получилось. Ян коротко кивнул и взбежал вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Мой телефон зажужжал. Сообщение от Наталии:

Ты будешь дома к ужину?

Я вытер пот, заливавший глаза, и ответил:

Нет. Не сегодня.

Я не хотел появляться дома пьяным, пока мальчики не уснули. Незачем им видеть, в какую развалину превратился их отец. Но Наталия...

Дождись меня.

Пожалуйста.

Она ответила через пару секунд:

Дождусь. Береги себя.

Она за меня беспокоилась. И сказала мне об этом, когда я выложил ей свою трагическую историю, словно только что пойманную рыбу, со вспоротым брюхом, очищенную от чешуи и от костей. Я чувствовал себя как такая рыба. Я барахтался, пытаюсь найти во всем этом смысл. Ложь, коварство. Предательство. Моя семья бросила меня здесь, словно разорванный шлепанец, потерянный в песке. Наталия смотрела на меня глазами размером с полную луну, ее рот приоткрылся. Потом она заплакала и попыталась утешить меня. Я не хотел ее сочувствия и еще больше не хотел ее жалости. Я стукнул кулаком по стене и отправился на пробежку. Я бежал быстро и интенсивно, пробежал несколько миль. Потому что, если бы я остался с ней, она бы тоже увидела меня плачущим.

Сунув телефон обратно в карман, я посмотрел на океан и подумал о том, куда идти дальше. Рядом был бар на пляже. За моей спиной – гостиница. Ян исчез за дверью вестибюля, и Томас был где-то там, внутри. Скорее всего в баре. «Ты такой же, как он». Слова Яна возвращались снова

и снова, как набегающие волны. Никакой текилы. Мне нужно рисовать.

* * *

Я перебрал картины, написанные до фуги, те самые, которые привез Томас, утверждая, что они мои. Я рассматривал их, как будто видел впервые в жизни. Это были его картины. То есть мои.

Джеймса.

«Не важно».

Я просмотрел холсты. Ландшафты, которые я, вероятно, когда-то видел. Дубовый лес в вечернем свете. Луг на закате. Океан в оттенках сланца и камня. Где были все эти места? Какое значение они имели для него?

Не для него, для *меня*, поправил я себя. Какое значение они имели для *меня*?

Никакого. Абсолютно, черт подери, никакого.

Я с грохотом вернул холсты на место у стены и распахнул окно. Вечерний бриз, насыщенный океанской солью и дымом грилей с тротуара внизу, ворвался в комнату. Я втянул пряный воздух, и острая боль, словно мастихин, пронзила мне череп, как будто мой мозг был шариком акриловой краски. Я прижал ладонь ко лбу. Похмелье завтра будет страшным.

Из дальнего угла мастерской надо мной смеялись портреты женщины, похожей на Эйми. Я писал ее больше года, женщину, к которой тянулся в своих снах. Ее изображение менялось от портрета к портрету, пока не стало почти точной копией той женщины, которую я нашел плачущей у двери в мою мастерскую.

Это сводило с ума: видеть ее сидящей здесь, прикоснуться к женщине, которая сбивала меня с толку в те ночи, когда она приходила ко мне. Всегда один и тот же сон – я тянулся к ней, целовал ее нежные губы, пока она не растворялась в воздухе, оставляя пустоту в руках и тоску в душе. Я чего-то хотел. Или это была другая часть меня, Джеймс, который тосковал по ней?

Эти сны пробуждали смесь основных эмоций. Радость, печаль, гнев и страх. Когда я внезапно просыпался, лоя ртом воздух, исчезало все, кроме страха. Страх еще долго цеплялся за меня после того, как я просыпался в поту, влажные простыни опутывали мои икры. Иногда мне требовалось несколько часов, чтобы снова заснуть. В другие ночи я не спал до первых лучей зари. Я зашнуровывал свои беговые кроссовки и выбегал на улицу, чтобы сжечь страх.

Но он никогда не уходил полностью. Теперь я знал. Честно говоря, я боялся с того самого дня, когда я пришел в себя в больнице. Я думал, что этот страх спровоцировала потеря памяти, но, возможно, что-то еще предупреждало меня о том, что все, рассказанное Имельдой и врачами о моем прошлом, придумано. Какая-то похороненная часть меня понимала, что это все ложь. Я сам был ложью.

Я потер лицо обеими руками, ненавидя этот кошмар. Я ненавидел образ Эйми, манивший меня. Она олицетворяла собой все, что я не мог вспомнить, и все, что я обязательно потеряю. Будь она проклята. Гореть ей в аду.

Я зарычал, схватил один из более ранних вариантов ее портрета и грохнул его об стол. Деревянная рама треснула. Я ударил еще раз. И еще раз, и еще, и еще. Господи, как я ее ненавидел. Мне было ненавистно то, что она мне снилась. Ненавистно, что она искала меня и приехала сюда. Она разрушила мою жизнь. *Нет!* Я еще раз ударил картиной о стол. Имельда разрушила мою жизнь. Томас уничтожил меня. Они уничтожили шансы моих сыновей на нормальную жизнь.

На теле выступил пот, на руках проступили вены, пока я делал все, чтобы уничтожить картину. Деревянная рама развалилась, холст порвался. Я схватил другую картину.

– Джеймс!

Я развернулся, оскалившись. На пороге стоял Томас, костюмные брюки помяты, белая сорочка расстегнута у ворота, рукава закатаны до локтя, пиджак свисает с плеча. Волосы не расчесаны, в карих глазах дикое выражение. У нас с ним глаза одинакового цвета.

Я ухмыльнулся. Он вцепился в косяк двери, его грудь вздымалась, как будто он бежал. Как давно он здесь стоит? Сколько раз он окликал меня по имени?

Нет, он называл не *мое* имя. Я не был Джеймсом.

– Не надо, Джеймс. Не уничтожай свои картины.

– Это не мое имя, – выпалил я. – Я не *он*.

Я не хотел быть им. Я это я. Мое тело, моя жизнь.

– Отлично, Карлос. Мне все равно, каким именем тебя называть. Ты по-прежнему мой брат.

Я ткнул пальцем в его сторону и сократил расстояние между нами.

– Ты не мой брат. – Я ударил его в челюсть. Голова Томаса резко дернулась, он отступил на несколько шагов. Боль раскаленной иглой пронзила мою руку от костяшек пальцев до плеча. «Как больно!» Я потряс рукой.

Он схватился за косяк, чтобы устоять на ногах. Потом прижал пальцы к подбородку, поводит челюстью.

– Черт! Полагаю, я это заслужил.

Он заслужил намного больше. Мне хотелось снова ударить его, бить до тех пор, пока его нос не разлетится и скула не треснет. Ему лучше уйти. Уйти прямо *сейчас*. Я ткнул в него пальцем.

– Убирайся.

У меня два сына, о которых надо было думать. Если я приду домой пьяный, избитый и окровавленный, Наталия выйдет из себя, а Джулиан станет задавать вопросы. Ему почти шесть, он умный мальчик. Он поймет, что его отец подрался, и захочет узнать, почему.

«*Mierda!*^[8] Как я расскажу им о себе?»

Я не могу. Не сейчас. Они слишком малы, чтобы понять. Я и сам едва мог осознать это своим поврежденным мозгом.

Сжав пальцы в кулак, я повернулся к Томасу спиной. Подобрал с пола поврежденный холст. Он разорвался по центру, прямо по прекрасным глазам, околдовывавшим меня многие месяцы. Я бросил испорченную картину на стол, гадая, придет ли Эйми ко мне во снах теперь, когда я знаю, кто она. Или это другая моя часть пыталась общаться, пока я спал? Именно это, как я думаю, делал Джеймс. Он хотел, чтобы я что-то узнал.

Томас вошел в комнату, остановился у противоположной стороны стола.

– Нам надо поговорить.

– Нет, не надо. Имельда и Эйми рассказали мне достаточно.

– Они сказали тебе только то, что знали.

И это было больше, чем я хотел понять. Чем больше я узнавал о Джеймсе, тем выше становились шансы на то, что я выйду из фуги.

– Я не хочу больше ничего слышать, особенно от тебя.

– Мне все равно, хочешь ты или нет, – резко сказал Томас.

– Это очевидно. Поэтому я здесь и оказался, – ухмыльнулся я, отталкиваясь от стола и разводя руки в стороны, обозначая эту комнату, этот город. Оахаку. Всю эту долбаную страну.

– Черт подери! – Кулак Томаса обрушился на стол. – Ты можешь просто послушать? *Пожалуйста*. Выслушай меня.

– Почему сейчас? Почему не девятнадцать месяцев назад, когда я был прикован к больничной койке? Почему не тогда, когда мое лицо опухло, когда у меня было выбито плечо, а я сходил с ума, гадая, кто я, черт подери, такой? – Память вернула меня в больницу, к мужчине, стоявшему у двери в палату. Очки «авиаторы», дорогой костюм, на лице – выражение горя. Гнев

вспыхнул во мне, обжег, словно спичка. – Ты был там, в больнице.

Томас переступил с ноги на ногу. Его губы разошлись на мгновение, потом сжались. Он кивнул.

– Ты отдал Имельде пакет со всеми моими документами.

– Да.

– Ты мне ни черта не сказал и заплатил ей за ложь!

Я схватил со стола банку с краской «карибская голубизна», с которой я так долго возился, чтобы она точно передавала цвет глаз женщины из моих снов. Глаз Эйми. Я швырнул банку в угол комнаты.

Брови Томаса взлетели на лоб. Он пригнулся. Банка разлетелась вдребезги, ударившись о стену за его спиной. Краска потекла вниз по стене, как на картинах Джексона Поллока, и собралась в лужицу на полу.

Томас отошел в сторону. Брызги краски попали на его рубашку, капли застыли на волосах. Голубой «горошек» был похож на нарисованных животных в одной из детских книг Джулиана. Сорочка Томаса была безвозвратно испорчена.

Я провел пальцами по волосам.

– Уходи. Просто уйди.

Томас замялся, потом вытащил визитную карточку из нагрудного кармана и положил ее на стол.

– Я спрятал тебя, чтобы ты был в безопасности. Фил пытался тебя убить.

– Тот самый тип, который напал на Эйми? Где он сейчас?

– В тюрьме.

– Тогда мне незачем о нем беспокоиться.

– Это не все... – Он замолчал, когда я поднял руку и потер нос. – Как хочешь. Но пока, я думаю, тебе лучше оставаться в Пуэрто-Эскондидо.

– Я и не собирался уезжать.

Томас бросил на меня взгляд, потом направился к выходу. Он подобрал с пола свой пиджак, который уронил, когда я его ударил, и повесил его на руку.

– Обещай мне, что позвонишь, если передумаешь.

– Передумаю о разговоре или об отъезде из Пуэрто-Эскондидо?

– И о том, и о другом. – Томас печально улыбнулся. – Береги себя и... будь осторожен.

С этими словами он вышел из комнаты.

Глава 3

Джеймс

Настоящее время

21 июня

Сан-Хосе, Калифорния

– *Rará* рассердится.

– Кого это волнует? Он всегда сердится. К тому же он не наш настоящий *rará*.

Джулиан выговаривает Маркусу уже в миллионный раз, подумал Джеймс. Маркуса или Марка, как стал его называть Джеймс, должно быть, уже тошнит от отношения старшего брата. Джеймса определенно тошнило.

Стоя в дверях конференц-зала, он смотрел, как Джулиан бросил в стекло шарик из жеваной бумаги. Именно этим он и занимался все то время, пока Джеймс был с Томасом. Шарики из жеваной бумаги украшали стекло, словно падающий снег. Джулиан рвал салфетку, скатывал из нее шарики, смачивал слюной и выстреливал ими через пластиковую трубочку для содовой, которую дети нашли в комнате для ланча. Липкий шарик ударился в окно и прилипал к стеклу.

«Хватит».

– Джулиан, – властно сказал Джеймс. Этот тон он слишком быстро освоил после «первой встречи» с мальчиками в декабре.

Джулиан дернулся. Он бросил соломинку под стол для заседаний.

Джеймс, прищурившись, посмотрел на шедевр из жеваной бумаги. Ну и ужас.

Большинство офисных сотрудников уже ушли домой. Он оставил мальчиков в конференц-зале с пакетами чипсов и содовой из автоматов. Вероятно, идея была не самая лучшая, но после отъезда из Штатов много лет назад у него были проблемы с хорошими идеями.

Джеймс посмотрел туда, где сидел Марк. Крошки от чипсов усыпали пол вокруг его стула и выглядели, словно облетевшая краска на занавесе.

– Давайте-ка уберем за собой. Нам пора идти.

Джулиан фыркнул. Короткий, резкий выдох поднял его челку.

– Куда?

– Домой.

– Мы продали наш дом.

– Не начинай, Джулиан, – предупредил Джеймс. – А теперь убери за собой.

Мальчик тяжело вздохнул, подобрал соломинку и бросил ее в корзину для мусора.

– Отличное попадание, – похвалил его Джеймс. Парнишка был природным спортсменом. Джеймс видел, как Джулиан вел футбольный мяч на пляже, где он и его приятели играли в футбол, как регулярно забрасывал трехочковые мячи в баскетбольную корзину на подъездной дорожке позади их дома в Пуэрто-Эскондидо.

Джулиан искоса посмотрел на Джеймса, закинул на плечо рюкзак, встал со стула и направился к двери.

– Ты ничего не забыл?

Плечи мальчика поникли, он развернулся, шаркая ногами. Джеймс указал на окно.

– Ладно, как скажешь. – Джулиан бросил рюкзак на стул, с которого только что встал.

– Ты тоже, Марк. – Джеймс указал на пол.

Малыш посмотрел вниз. Его губы округлились, он был явно удивлен беспорядком. Марк сполз со стула и начал подбирать крошки, отправляя некоторые в рот.

– Не ешь их.

Сын поднял глаза. На нижней губе повис чипс. Он смахнул его рукой.

– *Lo siento, pa...* То есть прости, папа.

Джеймс провел рукой по лицу. Опустился на колени рядом с Марком.

– Нет, это моя вина. Я не хотел набрасываться на вас. Давай-ка я тебе помогу.

Он сложил руки лодочкой и жестом показал Марку, чтобы тот высыпал в них крошки от чипсов.

– По этому ковру ходили люди. Что, если они до этого наступили на собачьи какашки?

Марк сморщился.

– Какашки? – Он хихикнул, слово показалось ему забавным, потом склонил голову к плечу. – Что такое какашки?

– Собачье дерьмо... – Джеймс спохватился и покачал головой. – Ну, по-

испански это *sasa*.

Губы Марка растянулись в стороны.

– Противно, да?

Марк закивал и вытер язык тыльной стороной руки. Джеймс рассмеялся:

– Думаю, с тобой все будет в порядке.

Он выбросил крошки в мусорную корзину, потом собрал цветные карандаши, разбросанные по столу. Его внимание привлек открытый блокнот Марка. набросок волчьей головы был примитивным, но явно превосходил возможности обычного шестилетки.

– Это нарисовал ты? – Джеймс указал на набросок.

Марк подтащил блокнот к себе, закрыл его и убрал в открытый рюкзак.

– Очень хорошо. – Джеймс передал малышу пенал с карандашами. Сын избегал отцовского взгляда, как будто похвала его смутила. Марк убрал пенал в рюкзак и закрыл «молнию».

Джеймс вздохнул, гадая, удастся ли ему достучаться до этого ребенка. Если не считать потери памяти, то он остался все тем же парнем. Он по-прежнему их отец. Остается надеяться, что когда-нибудь Марк это поймет. И Джулиан тоже.

Джеймс подошел к Джулиану, очищавшему окно, сам снял несколько шариков. Их руки соприкоснулись.

Джулиан отшатнулся:

– Я понял.

– Хорошо, – так же коротко ответил Джеймс. После шести месяцев, прожитых под одной крышей в Пуэрто-Эскондидо, они начали говорить одинаково. Возможно, всегда так было. Джеймс оставил мальчика заканчивать уборку.

Джулиан выкинул бумажные шарики в мусорную корзину, отряхнул руки, потом насухо вытер их о свои джинсы. Надев рюкзак, он вышел из конференц-зала. Марк обошел Джеймса по большому кругу и побежал следом за братом.

Джеймс с силой выдохнул, взял рюкзак Марка и закинул его на плечо. Один веселый день отцовства в Штатах заканчивался. И впереди их еще множество.

Джеймс стоял вместе с мальчиками в пустой прихожей дома, в котором он провел свое детство. Не считая нескольких предметов мебели – материнского дивана фирмы «Хенредон и Шонер» в гостиной и антикварного итальянского стола из древесины грецкого ореха в столовой, – дом был пуст.

Джулиан бросил рюкзак на пол и ударом ноги послал его к стенке.

– Жуть. Где мы будем спать?

Хороший вопрос. Есть надежда, что остались хотя бы кровати.

Было уже больше десяти. Слишком поздно, чтобы искать отель в этом районе, где жители работали полную рабочую неделю. Джеймс провел сыновей по дому, бросив коробку с остатками пиццы на стол в кухне.

Марк втянул носом воздух и сморщился:

– Здесь воняет.

Да, это точно. Как только они открыли дверь, Джеймс сразу почувствовал застоявшийся, кислый запах «старого дома», который когда-то ассоциировался с его умиравшим отцом. Но был еще и тонкий аромат пудры, как будто испортились любимые духи его матери. Это напомнило Джеймсу о том, как он тут рос и почему проводил столько времени в доме Эйми.

– Дом долгое время стоял закрытый. Запах выветрится, как только мы откроем окна, – сказал он сыну.

Марк подошел к высоким стеклянным дверям большой комнаты и прижался носом и ладонями к стеклу. Он внимательно взгляделся в темноту заднего двора.

– А где пляж?

– Его здесь нет, – с этими словами Джулиан рухнул на кожаный диван. Эта вещь была слишком новой, чтобы принадлежать матери. Томас, должно быть, привез его сюда со склада Донато. Хорошо бы он привез еще и кровати.

– Здесь есть пляж. – Джеймс сурово посмотрел на Джулиана и подошел к Марку. – Но до него двадцать минут. Позади дома – лес. Утром я вам покажу. Мы сможем пойти в поход. Если нам повезет, мы увидим рысь.

Руки Марка сжались в кулаки. Он закусил нижнюю губу. Джеймс принял это за признак интереса.

– Так где мы будем *спать*? На полу? – Джулиан надел наушники и включил музыку на своем айфоне.

Джеймс вздохнул. Господи, только бы им не пришлось спать на полу. Томас сказал, что оборудовал дом всем необходимым. Полотенца, посуда, молоко, кое-какие продукты. Джеймс надеялся, что Томас не забыл про

одеяла и подушки. И про пиво.

Рот наполнился слюной. Джеймс не отказался бы от холодного темного пива после такого дня. Они провели на ногах почти двадцать четыре часа. Мальчикам удалось поспать несколько часов во время пересадки в Мехико, но Джеймс боялся закрыть глаза: вдруг мальчики исчезнут, когда он проснется. Поэтому он не спал.

Он с легкостью решил продать дом и галерею в Пуэрто-Эскондидо. Он бы еще раньше вернулся в Калифорнию, если бы не сыновья. Они не хотели уезжать. Сказав об отъезде впервые, он время от времени напоминал им о «большом приключении», давая возможность свыкнуться с этой идеей. Они закончили учебный год. Он решил подождать лета, чтобы было время привыкнуть к новой обстановке. Кроме того, ему пришлось ждать визу для мальчиков и собственные документы, удостоверяющие личность.

Вскоре Джулиан и Маркус привыкли к мысли о переезде. Но потом перед их домом появилась табличка «**ПРОДАЕТСЯ**». В этот момент идея стала реальностью, и Джеймс мгновенно превратился в «плохого парня».

И уже устал играть эту роль. Ему просто хотелось устроиться и навестать то, что он упустил в своей жизни. Дети приспособятся. В конце концов, они привыкнут к переезду и к нему. Джеймс на это надеялся.

Марк зевнул. Джеймс осторожно потянул его за рукав рубашки.

– Идем, сынок. Давай найдем тебе кровать.

Они нашли большие кровати с подушками, одеялами и постельным бельем в старых спальнях Джеймса и Томаса. Марк занял. Он не хотел спать один. Под нажимом Джеймса Джулиан неохотно предложил разделить кровать с младшим братом.

Джеймс принес багаж из машины, которую для него купил брат, помещанный на экологии, – капризную «Тойоту Приус», – и повел мальчиков по коридору.

– Какая комната? – Джеймс указал на дверь своей детской, потом на дверь комнаты Томаса.

– Вот эта. – Джулиан вошел в комнату слева. Бывшая спальня Джеймса. Он и сам удивился тому, как было приятно, но ни слова не сказал об этом Джулиану. Иначе парень тут же передумает.

Джеймс показал им ванную, потом подождал, пока они готовились ко сну. Как только мальчики устроились под одеялом, Джеймс нагнулся, как будто для того, чтобы поцеловать Марка в макушку. Пальцы мальчика сжали простыню, которую он натянул до подбородка. Джеймс замер, нависая над сыном. Все эти разговоры Джулиана о том, что Джеймс не их

«настоящий папа», привели к тому, что Марк был сбит с толку и держался с отцом отстраненно. Мальчик намного теплее относился к своим учителям и соседской собаке. Но Джеймс их хотя бы обнимал, а сам он уже и вспомнить не мог, когда кто-то обнимал его. Ему клали руку на плечо или дергали за руку, чтобы привлечь внимание.

Джеймс выпрямился и только взъерошил Марку волосы. Если бы он позволил себе большее, сын отстранился бы от него еще сильнее.

Марк улыбнулся и уютнее устроился под одеялом. Воздух в комнате был прохладнее по сравнению с сухими, солеными ночами в Пуэрто-Эскондидо.

Джулиан, одетый в поношенную футболку и спортивные шорты до колен, расположился поверх одеяла на другой стороне кровати и по-прежнему слушал музыку. Джеймс указал на свои уши и знаком приказал Джулиану снять наушники.

– Спать. Немедленно.

Джулиан выдохнул, раздувая щеки, словно рыба. Повернувшись на бок, он сорвал наушники и бросил их вместе с айфоном на прикроватную тумбочку. Он лежал к Джеймсу спиной, через несколько секунд его дыхание стало ровным. Он уже спал.

– Спокойной ночи, – прошептал Джеймс с порога. Он выключил свет и прикрыл дверь, оставив щелку, в которую проникала полоска света из ванной.

Произнесенное шепотом «спокойной ночи» настигло его, когда он уже отвернулся. Джеймс замер, смагивая подступившие слезы. Осознав слова Марка, он произнес про себя молитву.

Джеймс вернулся в кухню. Ставя в холодильник пиццу, он нашел на верхней полке упаковку пива. «Слава богу». Открыв бутылку, он вдохнул ореховый аромат эля. Мышцы, напряженные после путешествия, расслабились. Он выпил половину бутылки и только после этого прислонился к кухонному столу. Джеймс скрестил руки на груди, бутылка висела в его пальцах. Он вдохнул, долго и глубоко. Глаза закрылись.

Наконец-то он дома, но не по-настоящему дома.

Это был не его дом.

Впрочем, и в Мексике он не был дома, поэтому и оставил ту жизнь позади. И не только потому, что Калифорния ему знакома, но и потому, что у Карлоса было все то, что хотел иметь Джеймс до несчастного случая, – художественная галерея, чтобы выставлять свои работы, учебный класс, чтобы учить других, мастерская для работы, идеально расположенная, с полноценным дневным светом. И еще картины Карлоса, превосходящие

умения Джеймса.

Как бы ни было стыдно это признать, Джеймс завидовал тому человеку, которым он был в Мексике.

Он оттолкнулся от стола и вытянул руки над головой. Спина ныла, ноги болели. Чувствуя беспокойство, он выглянул в окно и подумал, не отправиться ли на ночную пробежку. Он бы так и поступил, если бы мог спокойно оставить детей одних. Они еще слишком маленькие, и это их первая ночь в чужой стране и в чужом доме. Именно здесь несколько месяцев жил Фил перед тем, как его арестовали.

Сквозь стекло Джеймс смотрел на темные дубы и ели, которые летом выглядели так мирно. Время возрождения и обновления. Но зимой деревья казались мрачными и зловещими, их ветки были голыми и изогнутыми, словно кости.

Скелеты, похожие на Фила.

Осталось шесть дней до его выхода на свободу. Шесть дней, чтобы придумать, как не встретаться с ним и с остальными членами семьи. Приедет ли Фил в этот дом, раз уж он жил в нем до тюрьмы?

Взгляд Джеймса метнулся к задвижкам на задней двери. Выругавшись сквозь зубы, он отправил себе напоминание по электронной почте.

СМЕНИТЬ ЗАМКИ.

Сунув телефон в задний карман, он оглядел комнату. Сдерживаемая энергия пробежала от дрожащих пальцев до сведенных судорогой икр. Может быть, его старая беговая дорожка все еще стоит в гараже.

Джеймс отправился туда, включил свет. Светодиодные лампы залили светом гараж на четыре машины, и Джеймс судорожно вздохнул. Он знал, что его вещи здесь, и из прошлой жизни, и те, которые доставили из Мексики. Но знать и видеть – это две разные вещи.

Куча его вещей занимала места двух машин, картонные коробки напоминали толстые квадратные колонны. В них было все, что он захотел сохранить из своей жизни в Мексике, которой лучше бы и не было вовсе, и из жизни до того, которой он жить не собирался. Залитые ярким светом, две его жизни слились на гладком бетонном полу.

Джеймс вошел в гараж, привлеченный крупными черными буквами на коробках. «**Материалы для живописи**». Он медленно провел рукой по словам, узнав почерк Эйми. Когда она это упаковала? До того, как нашла его, или уже после? Он не мог представить, насколько трудными были для нее месяцы после того, как Томас объявил о его смерти. От желания

уберечь ее, от одной только мысли об этом у Джеймса едва не остановилось сердце.

Слова расплылись, и во второй раз за этот вечер глаза Джеймса увлажнились. Он не сомневался, что Эйми сложила все его вещи аккуратно и по порядку, даже зная, что он никогда ими больше не воспользуется.

И скорее всего так оно и будет. Голод, заставлявший его творить, делиться своим видением мира, исчез.

И Эйми исчезла тоже.

Джеймс ударил кулаком по коробке и вернулся в дом.

Глава 4

Карлос

Пять с половиной лет назад

8 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Уже стемнело, когда я, спотыкаясь, свернул на подъездную дорожку к дому. На этой неделе я четыре вечера провел с текилой – жидким золотом и единственным средством, которое помогало мне скоротать одинокие вечера. Истратив еще один день на преподавание живописи, организацию выставок для следующего сезона в галерее и закончив несколько заказов, я оставлял машину возле галереи и приземлялся на табурете в баре «Ла Кантина де Перрито» на той же улице, что и моя галерея. Наталию это не радовало. Мальчишки спрашивали, почему я так редко бываю дома.

«Потому что ваш папа – это тикающая бомба времени, вот почему».

Я перевел взгляд на второй этаж. Окна их спален казались черными квадратами на фоне белой штукатурки дома. И я затосковал по ощущению нормальности. Мне захотелось вернуться к тому, что было до появления Эйми.

С поднятой вверх головой я отступил назад и наткнулся на бордюры клумбы, сильно ударившись плечом о расположенную рядом стену, ограждающую мой участок. Боль по спирали поднялась по дельтовидной мышце, разбудив старое повреждение. Я зашипел и ударил кулаком кирпичи.

– *Mierda!*

Мне нужно взять себя в руки. *El pronto!*^[9] Если не ради себя, то ради Джулиана и Маркуса. Я облизал разбитые костяшки пальцев и потряс рукой, стараясь унять боль.

Томас улетел в Калифорнию шесть дней назад. Имельда прислала мне сообщение, когда он выехал из отеля. Верный своему слову, хотя это ничего не говорило о его характере, Томас больше не выходил со мной на связь.

Имельда пыталась это сделать каждый день. Я отправлял ее звонки на голосовую почту, где всю неделю мигал ее номер в красном кружке.

Я попытался открыть замок. Входная дверь распахнулась. На пороге, подбоченившись, стояла Наталия и мрачно смотрела на меня. Она была одета в облегающий белый топ с узкими бретельками и юбку-«варенку», подметавшую пол. Черт, это было так же красочно, как и ее длинные волосы цвета меди, яркие и блестящие, с разнообразными оттенками. Я заморгал, пытаясь сфокусироваться, и вошел, споткнувшись о порог. Наталия подхватила меня, не позволив упасть лицом вниз. Мой подбородок врезался в ее плечо, покрытое кремом от загара. Кокос и соль. Она была на пляже с мальчиками. Проклятье, она практически жила на пляже, даже после всех этих лет участия в соревнованиях по сёрфингу. На доске она была звездой, как и ее отец, сёрфер мирового уровня Гейл Хейз.

Наталия пошатнулась под моим весом.

– От тебя несет, как от грязного коврика в баре.

Я выпрямился, сосредоточился на ее голове, чтобы комната перестала вращаться, и нежно потянул прядки ее волос.

– Такие красивые, – пробормотал я. Это относилось к сочетанию оттенков. Она была светлее Ракель. У них был общий отец, но обе пошли в своих матерей.

Наталия оттолкнула мою руку:

– Ты пьян. Опять.

– Ага. – Я опустил руку и сглотнул, мое горло было суше, чем склон холма по соседству. – Мне нужно попить.

Она пошла за мной в кухню и начала рыться на полках. Я налил воду в стакан. Наталия открыла крышку пузырька с аспирином, который нашла рядом с витаминами мальчиков, и высыпала мне на ладонь две таблетки.

– Это становится обычным делом.

Я глупо ухмыльнулся, бросил таблетки в рот и запил водой.

Она смотрела, как я пью, ее взгляд переходил от стакана к моему лицу, потом к моей руке. Наталия резко вдохнула.

– Карлос! – Она взяла у меня стакан, поставила его на стол и коснулась моей руки. Потом осторожно провела большим пальцем по ссадинам на пальцах. – Что ты натворил?

Я вырвал руку.

– Наткнулся на стену.

Этот вечер стал для меня очередным провалом. Всю неделю я бил кулаком. Стену в спальне, когда рассказал Наталии о том, что узнал от Имельды, потом Томаса, а теперь кирпичи забора. Пора мне бросать пить

и...

Мои мысли застопорились. «И что?»

Что, ради всего святого, я могу сделать, чтобы улучшить ситуацию? Как я могу гарантировать, что о моих сыновьях позаботятся, если я однажды проснусь Джеймсом?

Наталия вздохнула, и я поднял голову, словно искал в ее глазах ответ. Озарение было подобно восходящему солнцу, яркое и сияющее. Возможно, она и была ответом.

Наталия обняла меня.

– Идем, давай я отведу тебя наверх.

Она стояла со мной рядом, пока я умывался и чистил зубы. Потом отошла к балкону, чтобы приоткрыть его и закрыть жалюзи, давая мне возможность сбросить одежду и натянуть трусы-боксеры и футболку.

Я плюхнулся на кровать, широко раскинув руки. Голова у меня кружилась, и вентилятор под потолком только усугублял головокружение. Я застонал и закрыл глаза, слушая, как Наталия ходит вокруг кровати. Позвякивали серебряные браслеты, которые она всегда носила. По деревянному полу шлепали ее босые ступни. Шелестели хлопковые простыни, которые она вытаскивала из-под меня. Заворчав, я приподнял бедра, чтобы облегчить ей задачу. Наталия остановилась в изножье кровати. Я усмехнулся и поиграл бровями. Она всплеснула руками и посмотрела на меня с отвращением. Сходство этого жеста ударило меня в грудь, почти убив.

– Ты похожа на нее.

Ее лицо стало печальным, и мне захотелось взять свои слова назад. Проклятая выпивка. Текила развязала мне язык.

– Я не она.

«Нет. Ты не она».

Наталия потянула простыни вверх, накрывая меня, присела на край кровати.

– Ты всегда видишь ее, когда смотришь на меня? – спросила она, глядя мне в лицо.

Видел ли я свою покойную жену, когда клал руку на поясницу Наталии? Видел ли я ее, когда мне хотелось поцеловать Наталию? Даже если я и не пытался пока этого сделать, Наталия видела желание в моих глазах. Я тосковал по Ракели и всегда буду тосковать. Она была матерью моих сыновей. Но когда Наталия приехала к нам в гости, я увидел не Ракель.

– Я вижу тебя.

Ее плечи поникли, и я коснулся ее руки. Наши пальцы сплелись, и в моей голове возникла ужасная мысль, пробиваясь кверху, как делает это масляная краска, разведенная водой, эта мысль захватила меня целиком, заставляя отчаянно искать ответа:

– Это было по-настоящему? Ракель и я?

«Хоть что-то в моей жизни здесь было реальным?»

Наталия внимательно смотрела на наши соединенные руки. Она перевернула мою кисть и провела пальцем по линиям на ладони. От этого прикосновения мне стало щекотно.

– Нат, – взмолился я, мое сердце забилося быстрее. Я сжал ее пальцы. Неужели Томас подкупил и Ракель?

– Я думаю, что чувства моей сестры к тебе были реальными. – Она взяла мою руку в свои ладони. – Я никогда не видела ее такой счастливой, как с тобой. Она подарила тебе обоих своих сыновей.

Воздух ворвался в мои легкие.

– Хорошо. – Я откинулся на подушку. – Это хорошо.

Она прижала мою руку к груди.

– Отдохни немного, Карлос, – сказала Наталия, вставая. – Утром я уезжаю, а ты нужен мальчикам.

– Ты им тоже нужна. – Я поднял руку. – И мне.

– Я у них есть. – Она приоткрыла рот, замешкалась, коротко вдохнула и добавила: – У тебя я тоже есть. Ты нравишься мне, Карлос, очень нравишься.

Я покачал головой:

– Я не это имел в виду.

Она моргнула и отвернулась, покраснев от смущения.

– Ты мне тоже нравишься, но, послушай... – Я сунул обе руки в волосы.

Наталия снова села на кровать.

– В чем дело?

Мой взгляд метнулся в сторону коридора, по направлению к спальням Маркуса и Джулиана, и в груди стало тесно. Я сказал Эйми, что она никогда не получит назад своего Джеймса. Прошло уже почти два года, и я был убежден, что таким я останусь навсегда. Я всегда буду Карлосом. Но девять дней назад полное осознание своего состояния пробило крошечную дырочку в моей груди. Я понимал теперь, что никаких гарантий нет. Я мог остаться Карлосом до конца своих дней, а мог завтра проснуться Джеймсом. Все зависело от того, когда мой мозг будет готов справиться с травмой, которая спровоцировала это состояние.

– Когда я перестану быть собой, у них останешься только ты.

– Такого не случится, – ответила Наталия.

– Это может произойти. Существует реальная возможность. Я не доверяю никому из семьи Донато, так как же можно доверять человеку, которым я могу стать? Я не знаю, каким я был. Я могу оказаться таким, как Томас, или как тот, другой брат, о котором он мне говорил, – Фил. Тот самый, который попытался изнасиловать Эйми. Я не хочу, чтобы подобный человек оказался рядом с моими детьми, не говоря уже о том, чтобы он их воспитывал.

– Как ты можешь такое говорить? Ты и Джеймс – это один человек. То же тело, то же сердце.

– Но разум другой.

– У тебя та же самая душа. – Наталия положила руку мне на сердце, и я прижал ее к себе. – Я не могу поверить, что Джеймс может причинить детям боль. Став Джеймсом, ты будешь любить их так же сильно, как любишь сейчас.

– Мне бы твою уверенность.

Наталия раздвинула пальцы, лежавшие на моей груди.

– Возможно, однажды ты в это поверишь. А пока чем я могу тебе помочь? Что я могу сделать, чтобы ты успокоился?

– Я хочу, чтобы ты усыновила моих детей.

Она отпрянула.

– Что?

– Ты слышала.

Ее тяжелый взгляд уперся в меня. Я не отвел глаза.

– Ты говоришь серьезно?

– Очень серьезно. Я хочу, чтобы ты воспитывала их, если со мной что-то случится.

– С тобой ничего не случится. Ты пьян. Ты не понимаешь, о чем просишь.

– Да, я пьян, но я точно знаю, о чем прошу. Ты – их тетя. Джулиан больше связан с тобой, чем со мной, а Маркус тебя обожает. Это разумно.

– Это абсолютная глупость, – возразила Наталия. – Я живу на Гавайях. Ты ждешь, что я заберу сыновей у тебя, у единственного родного им человека?

– Но я перестану быть собой. – Я вцепился в ее руку. – Я не буду знать, кто они такие. Вполне вероятно, что мне будет на них наплевать, не говоря о том, что им может грозить опасность, если Джеймс увезет их обратно в Штаты. Я бы предпочел, чтобы они жили с тобой на Гавайях, а не в

Калифорнии с семьей Донато.

Наталия высвободила руку и встала.

– Я уеду рано утром. Я об этом подумаю, хорошо?

Она наклонилась ко мне, ее лицо оказалось меньше чем в футе от меня. Она положила ладонь на мою щеку.

– Тебе тоже следовало бы подумать об этом. Возможно, завтра ты отнесешься к этому иначе.

Я в этом сомневался.

Наталия поцеловала меня в лоб, а я положил руку ей на шею, заставляя ее губы задержаться на моей коже. Она чуть приподняла голову, ласково провела большим пальцем по моей щеке.

– Позаботься о своих мальчиках, Карлос. И береги себя.

– В последнее время это было нелегко.

– Я знаю. Но попытайся. Если я тебе понадобится, я буду в своей комнате внизу, а так – увидимся утром. – Она подошла к двери, ее босые ступни шепотом прошли по полу. – Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, Нат.

Глава 5

Джеймс

Настоящее время

22 июня

Лос-Гатос, Калифорния

Джеймсу следовало догадаться, что возвращение в дом детства вознаградит его беспокойной ночью. Он то засыпал, то просыпался. Холодный, мертвенно тихий дом, слишком большой для трех человек, не давал ему спать. Как и слишком активный мозг.

Джеймс ворочался в кровати, простыни обвилились вокруг его ног. Его тревожило, как сыновья адаптируются в новой стране. Он волновался, что они никогда не увидят в нем отца, которым он когда-то был для них. Он стал параноиком, ему казалось, что Фил идет по коридору. Джеймс не мог позвонить единственной женщине, с которой он хотел поговорить больше всего, той, с кем он раньше разговаривал каждый день.

Джеймс застонал и вскочил на ноги. Прошлепал босиком по дому, трижды проверил все запоры, потом изменил настройку термостата. Ожили вентиляторы. Лопасты поскрипывали, разгоняя воздух, стирая давящую тишину в доме. Возможно, белый шум поможет ему заснуть. Джеймс очень скучал по шуму океана за окнами спальни.

Ему не хватало Эйми.

Воспоминание грациозно скользнуло в мозг, как двигалась в его объятиях сама Эйми, когда они танцевали. И вдруг она снова оказалась с ним рядом, в его объятиях. Он кружит ее в переполненном зале на свадьбе Ника и Кристен. Ее ослепительная улыбка предназначена только ему.

– Я люблю тебя, – говорит она.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но в столовой прозвонили часы. Джеймс напрягся, потом вздохнул. Желание не осуществилось. Он ударил кулаком в стену. Не настолько сильно, чтобы причинить себе вред, но с достаточной силой, чтобы воскресить напоминание о том, что он один в

этой новой жизни. Ему не на кого было положиться, не на кого опереться так, как большую часть его жизни это было с Эйми.

«Господи, как же мне ее не хватает».

Он потер живот, чтобы унять боль, и вернулся в гостевую спальню, где он спал или пытался уснуть. Джеймс включил ноутбук и запустил браузер. Ему следовало бы заглянуть на сайт поиска коммерческой недвижимости. Но ради чего? У него не было никакого желания писать картины, а если не писать, то и нечего выставлять и продавать. Следовательно, он должен найти работу. На жизнь им пока хватит денег от продажи доли в «Донато Энтерпрайзес», но они когда-нибудь закончатся.

Джеймс зашел на сайт поиска работы и уставился на главную страницу. Он вышел из Стэнфордского университета с двумя степенями, по финансам и истории искусства. Так как отец ждал, чтобы он занялся семейным импортно-экспортным бизнесом, Джеймс выучил испанский. Благодаря опыту в «Донато» у него более чем достаточная квалификация, чтобы претендовать на высокие управленческие должности. Он мог получить диплом, дающий право преподавать искусство в старших классах школы или в колледже.

Обе идеи показались ему в высшей степени непривлекательными.

Джеймс открыл новое окно браузера и обнаружил, что смотрит на спутниковое изображение Лос-Гатоса. У него два сына, которых надо растить, ему нужно найти работу, он хочет купить новый дом, и определенно нужно сменить машину. Ему по-настоящему нужно снова заняться живописью. Но у него нет ни малейшего желания заняться чем-то другим вместо того, чтобы разглядывать тот дом, который когда-то принадлежал им с Эйми. Он уже не в первый раз рассматривал этот дом, бунгало с тремя спальнями и двумя ванными комнатами в самом центре города. И Джеймс сомневался, что делает это в последний раз.

Он увеличивал снимок до тех пор, пока линия крыши не заполнила экран. Джеймс не узнал машину на подъездной дорожке. Платаны на заднем дворе слишком сильно разрослись, трава сгорела на солнце. Его указательный палец беспорядочно постукивал по краю ноутбука. Ему не понравилось плохое состояние двора, и он гадал, не постигла ли та же участь дом внутри.

В этом доме они с Эйми собирались растить своих детей. У них были масштабные планы по расширению – достроить второй этаж и сделать пристройку сзади. Предполагалось, что с годами они будут любить друг друга сильнее и состарятся вместе. Вместо этого она вышла замуж за другого мужчину, и теперь у нее дочь.

«Как она назвала свою малышку?»

Джеймс выругался про себя и захлопнул крышку ноутбука.

Слава богу, Эйми больше не жила там. Он не знал, как реагировать на то, что она с другим мужчиной. Но, черт подери, он чувствовал себя как преследователь, когда искал с помощью Google ее или ее дом. Или ее кафе. Джеймс не мог с этим справиться. Тот же голод, который заставлял его писать картины, теперь заставлял узнавать об Эйми все, что только возможно.

Он не заслужил ее, и в самой глубине души понимал, что должен положить конец этой одержимости ею. Но и с этим он не мог справиться. Джеймс хотел, чтобы она вернулась, ему *нужно* было, чтобы она вернулась, точно так же, как нужен был воздух, чтобы дышать.

* * *

После утренней прогулки с сыновьями по заповеднику за домом, Джеймс оказался на тротуаре у «Кафе Эйми». Он не собирался заходить туда, но ближайшее свободное место для парковки было через три дома, а мальчики проголодались. Вернее, они умирали от голода, как уточнил Марк во время их экскурсии. Время завтрака давно миновало.

Над головой скрипнула вывеска, и Джеймс поднял глаза. Он мгновенно узнал логотип. Кофейная кружка под похожим на торнадо завитком пара. Джеймс сам набросал его, примитивный рисунок, далекий от того, что он мог бы придумать. Но ему хотелось подогреть интерес Эйми к открытию собственного ресторана, тогда как сам планировал открыть художественную галерею. В то время они оба работали на своих родителей. Джеймсу даже в голову не приходило, что Эйми использует этот простой набросок, но это глубоко тронуло его. Как будто она вплетала частицы Джеймса в свои мечты.

Одетый в мятую рубашку, шорты-чино и шлепанцы, Джулиан провел рукой по лицу и заглянул через стекло.

– Выглядит хорошо. Давайте поедим здесь, – сказал он по-испански, откровенно игнорируя просьбу Джеймса говорить по-английски. Занятия в школе начинались через два месяца, поэтому детям следовало привыкать постоянно говорить на английском.

– Нет, – отрезал Джеймс. Было позднее утро, и он тоже хотел есть. Но в это кафе он не войдет ни при каких обстоятельствах.

Джулиан насупился и закрыл уши своими вечными наушниками.

– Я есть хочу, – захныкал Марк на английском с сильным акцентом.

– Я тоже, приятель. – Джеймс потянулся к руке Марка и едва не споткнулся от удивления, когда крошечная ручка сына вцепилась в его пальцы.

– Я не вижу отсюда меню. – Джулиан проскользнул внутрь.

– Джулиан!

Марк вырвал руку и поспешил за братом.

Джеймс выругался, посмотрел вдоль улицы на ресторанчик, в который планировал отвести мальчишек. «И что теперь?» Ждать ли ему здесь, на тротуаре, как идиоту, и надеяться, что дети вернуться, когда поймут, что он не пошел за ними? Или наплевать на все и уйти?

Через окно он увидел, как Джулиан делает заказ.

– Вот дерьмо!

Ничего не поделаешь.

Джеймс распахнул дверь. Колокольчики у него над головой заплясали, описывая широкую дугу и ударяясь о зеркало в деревянной раме. Головы повернулись в его сторону. То самое внимание, которого он не хотел. Он коротко кивнул присутствующим и застыл. Дальние стены украшали фотографии, надписи и картины. Его картины.

После всех этих лет Эйми сохранила их. Он смотрел на них, не моргая: сельские амбары у подножия холмов, луга, покрытые утренней росой и смотрящие на океан, леса, пронизанные солнцем, или лунный свет, отражающийся от водопадов в Йосемитском заповеднике. Джеймс шумно выпустил воздух, рука скользнула в передний карман, схватилась за помолвочное кольцо, словно утопающий за соломинку.

– Джеймс?

Сухожилия вокруг ушей напряглись при звуке его имени. Он медленно обернулся и оказался лицом к лицу с сильно беременной женщиной. Она смотрела на него так, словно он воскрес из мертвых. В каком-то смысле, так оно и было. Губы женщины дрогнули, она ахнула и отступила назад. Ее глаза расширились. Этот васильковый цвет он узнал бы где угодно.

– Кристен, – произнес Джеймс скрипучим голосом. Она была прежней и в то же время другой. За семь лет жена его лучшего друга стала более зрелой и красивой.

– Это ты. Это в самом деле ты. – Кристен бросилась ему на грудь и обняла так крепко, как только позволял ее большой живот.

Это было первое объятие за долгое-долгое время. Лицо Джеймса напряглось, пока он боролся с нахлынувшими эмоциями, и все же он сумел взять себя в руки. Он не ответил на объятие Кристен, а лишь неловко

похлопал ее между лопатками.

Она отклонилась назад, чтобы посмотреть на него.

– Ник говорил мне, что ты возвращаешься домой, но я в это не поверила. Потом я так ждала, когда ты появишься. И вот ты здесь. – По ее щекам потекли слезы. Глупая улыбка широко растянула губы, и вдруг Кристен возбужденно подпрыгнула. – Господи, ты здесь! – взвизгнула она.

Джеймс поморщился. Его взгляд метнулся в сторону кухонной двери, потом в коридор в задней части зала, потом вернулся к Кристен. Та по-прежнему подпрыгивала и визжала. Улыбка все-таки добралась до губ Джеймса. Нет, Кристен не слишком изменилась, если не считать живота. Он глупо уставился на ее живот:

– Ты беременна.

Она фыркнула:

– Опять. Я знаю.

Ник однажды приезжал к нему в Пуэрто-Эскондидо. Когда он не смог дозвониться до Эйми, он позвонил Томасу. Номер Ника был третьим телефоном, который набрал Джеймс. Ему нужно было услышать от Ника, что все, сказанное Томасом, правда. Он был бы только рад, если бы это оказалось ложью, в отличие от всех тех выдумок, которыми Томас кормил его долгие годы. Но то, что его бросили в Мексике, оказалось абсолютной чудовищной правдой. Ник подтвердил это одной отрезвляющей фразой: «Да, все это так».

Через несколько дней Ник уже был у Джеймса в Мексике и рассказал о том, что произошло за те шесть с половиной лет, который выпали из его жизни. Джеймс узнал об Эйми, о том, что она продолжала его искать, потом нашла, но только для того, чтобы отпустить и позволить ему коротать свою жизнь в роли Карлоса. Ник тогда усадил Джеймса, потому что он мерил шагами гостиную, словно сумасшедший, запертый в тюремной камере, и сообщил холодные, суровые факты об Эйми. Она любит другого мужчину. Она замужем, и у нее дочь. Из всех новостей, которые услышал Джеймс, именно эта разбила ему сердце. Она едва не уничтожила его.

Джеймс швырнул в стену стакан с виски, и он разлетелся на серебрястые осколки, как и его сердце.

И вот теперь жена Ника беременна третьим ребенком.

Кристен провела рукой по животу и скорчила гримасу:

– Еще четыре месяца ходить.

– Ты хорошо выглядишь, – честно сказал ей Джеймс.

– Ты тоже, – ответила она. Ее неудержимое веселье испарилось. – Рада

тебя видеть. Я никогда не думала...

На кухне звякнули кастрюли. Оттуда донеслись голоса, привлекая его внимание. Сердце Джеймса забилося быстрее.

– Она...? – Он с тревогой посмотрел на Кристен. – Она здесь?

Та покачала головой:

– Она сегодня утром не приходила.

Джеймс шумно сглотнул. Эйми тут нет, и это к лучшему. При свидании с ней аудитория ему не нужна.

Джеймс почувствовал, что его тянут за подол рубашки. Он посмотрел вниз, на Марка.

– Можно мне пончик, пожалуйста?

– Мы не будем здесь есть, Марк.

– Вам что-то еще, сэр? – крикнула Джеймсу кассирша. Его старший сын, стоявший первым в очереди к кассе, с вызовом посмотрел на отца.

– Джулиан! – рявкнул Джеймс. Не едят они тут, как же. Он свирепо посмотрел на сына.

– Что? Я есть хочу. – Джулиан поднял руки, молча спрашивая, в чем проблема. На его лице появилось выражение показной невинности, когда он проходил мимо отца и Кристен. Брови Кристен взлетели почти к самым волосам, собранным в «конский хвост», а Джулиан миновал паутину беспорядочно расставленных столиков и плюхнулся на свободный стул.

Кристен фыркнула:

– Я смотрю, не у одной меня рук не хватает.

Джеймс заворчал, но уголок его рта пополз вверх. У них нашлось кое-что общее. Они были родителями.

– Почему бы вам не присоединиться к нам? Мы только что сели. – Она указала на столик неподалеку от Джулиана, за которым малышка в высоком стульчике с удовольствием ела овсянку. Еще одна девочка с испачканными джемом губами стояла на стуле и напевала.

– Сядь, Николь, – приказала Кристен.

Девочка села.

– Я рада, что этот будет мальчиком. – Она похлопала себя по животу.

– С мальчиками не намного легче, – признался Джеймс, думая о кругах, которые нарезали вокруг него Джулиан и Марк.

Кристен вздохнула.

– Они просто другие, насколько я понимаю, верно? – Она махнула головой в сторону кассы. – Иди, сделай заказ, и садитесь за наш столик.

Марк разглядывал столики. Джеймс подтолкнул его в сторону Джулиана.

– Садись с братом. Я принесу тебе пончик.

У прилавка Джеймс изучил меню и заказал кофе и омлет. Триш, как было написано на ее бейдже, стилизованном под меловую доску, повторила заказ. У Джеймса в горле поднялся гнев, когда она перечислила все заказанные блюда.

– С вас девяносто пять пятьдесят, – подвела она итог.

Джулиан заказал столько, что им троим хватило бы на завтрак, обед и ужин. Джеймс выудил бумажник из заднего кармана и расплатился картой. «Выбирай свои битвы, мужик. Выбирай свои битвы».

– Мы съедим здесь омлет, пончик и оладьи, остальное возьмем с собой.

– Конечно, сэр. – Триш улыбнулась и протянула ему чек.

Джеймс не стал звать мальчиков за столик Кристен, куда сел сам. Пусть едят одни. Пусть воспользуются этой краткой передышкой после последних двух дней.

Кристен передала старшей дочке салфетку.

– Николь, поздоровайся с мистером Донато. Он – друг папочки.

– Здрласти, – с набитым ртом произнесла девочка и помахала перепачканными джемом руками.

Джеймс помахал ей в ответ. Николь была точной копией своей матери, которую он знал с юности. К тому моменту, когда Триш принесла напитки – обычный кофе для Джеймса и две гигантские кружки горячего шоколада с горой взбитых сливок для мальчиков, – он узнал, что младшую дочку Кристен зовут Хлои, они коротко поговорили о детях, об их возрасте и любимых занятиях. На большую бумажную салфетку Джеймса Триш поставила большую чашку мексиканского кофе^[10].

– Это, должно быть, шутка? – пробормотал Джеймс.

Кристен подалась к нему, сотрясаясь от молчаливого хохота.

Джеймс посмотрел на нее.

– Я этого не просил, – признался он, не думая о более глубоком смысле этих слов.

Кристен оперлась подбородком на руку:

– Я знаю, что ты не просил. Но иногда самый лучший подарок в жизни – тот, о котором мы не знали, что он нам нужен.

Джеймс посмотрел на сыновей. У обоих были усы из взбитых сливок. Он хохотнул – звук завибрировал в груди – и почувствовал, что настроение немного улучшилось.

– Итак, *какие* у тебя планы? – спросила Кристен, возвращая его внимание к их столику.

Джеймс сделал глоток из кружки:

– Мои планы?

– Ну, чем будешь зарабатывать на жизнь, в какую школу пойдут дети, где будешь жить? – Она сделала широкий жест рукой, приглашая Джеймса рассказать.

– Ты хочешь услышать историю моей жизни?

– Да, а как только мы покончим с завтраком, я позвоню Наде. На этой неделе она по делам в контактном центре SoCall, но ей захочется все узнать.

Надя была тем клеем, на котором держалось трио Эйми-Надя-Кристен. Джеймс смотрел на пар, поднимающийся от его кружки, обдумывая вопросы Кристен.

– Ты собираешься позвонить и Эйми?

Она ответила не сразу:

– Не уверена. У нее сейчас трудное время, Джеймс. Она любит Яна, и они очень счастливы вместе. Но как только она узнает, что ты – это снова ты, прошлое вернется. – Кристен скомкала грязную салфетку Николь и уставилась на смятую бумагу так, словно в ней были все ответы. – Вам обоим придется решить, как двигаться дальше по разным дорогам.

* * *

Когда Джеймс доел, они договорились о новой встрече. Кристен пригласила их в выходные на барбекю в свой дом с бассейном. Возвращаясь домой, Джеймс объехал город. Он показал мальчикам школу, в которую они будут ходить, местный скейт-парк, полный ребятишек возраста Джулиана. Старший сын выпрямился, чтобы все хорошо рассмотреть через пассажирское окно. Джеймс мысленно отметил, что надо купить скейтборд. Джулиан занимался сёрфингом, возможно, скейтборд ему тоже понравится.

Домой они приехали уже после полудня. Когда Джеймс закрыл за собой входную дверь, они почувствовали аромат бекона и поджаренного хлеба. Мальчики подняли носы и втянули воздух. Джулиан сморщился от запаха яиц вкрутую и уксуса.

Несколько секунд Джеймс и Джулиан встревоженно смотрели друг на друга. В доме кто-то был.

Джеймс поставил на пол пакет с едой.

– Оставайтесь здесь, – приказал он мальчикам и осторожно пошел по

дому. Под мышками повлажнело от пота. Неужели Фила уже выпустили? Томас сказал, что у него есть еще шесть дней, это Джеймс точно помнил. Теперь осталось пять, так как разговор был вчера. Джеймс стиснул кулаки. Проклятье, ему пригодилась бы бейсбольная бита или ружье. Рубец на бедре запульсировал.

Джеймс обогнул угол коридора, за которым находилась кухня, и встал как вкопанный. Потом заморгал, пока мозг пытался осознать увиденное. У кухонного островка с мраморной столешницей его мать Клэр резала яйца.

– Что ты здесь делаешь? – Джеймсу следовало бы сиять от радости, ведь он впервые увидел ее после многих лет. Любой хороший сын обрадовался бы. Но он не был хорошим сыном, и Клэр никогда не была самой доброй из матерей.

Ему, в самом деле, нужно сменить замки, чтобы ни один из членов семьи уже точно не смог появиться без предупреждения.

Клэр отложила в сторону нож и критически посмотрела на Джеймса. Он не побрился утром, неглаженная рубашка не была заправлена в шорты. Незачем было спрашивать, прошел он осмотр или нет. Ответ Джеймс прочел на худощавом лице матери. Она постучала пальцем по подбородку, давая понять, что сыну следовало привести себя в порядок перед тем, как выйти из дома.

Ему тридцать шесть лет, плакать он не станет. Ей не удастся заставить его чувствовать вину за то, как он выглядит. Он и без того уже плавает в выгребной яме вины.

– Что все это значит? – Джеймс ладонью указал на еду.

– Я приготовила ланч, – ответила мать, аккуратно стряхивая крошки с рук. – Добро пожаловать домой, Джеймс.

Он услышал, как у него за спиной в кухню вошли мальчишки. Марк взвизгнул. Джулиан вытаращил глаза, а потом на его лице появилась улыбка, первая с того момента, как они приземлились в Калифорнии. Его лицо просияло:

– Сеньора Карла, что вы здесь делаете?

Глава 6

Карлос

Пять лет назад

17 июня

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Маркус опрокинул ведро себе на голову, взвизгнул и начал брыкаться пухлыми ножками, когда песок побежал по его голому тельцу, местами прилипая к намазанной солнцезащитным средством коже. Я добавил еще одну башню к замку, который строил, а Маркус был решительно настроен разрушать. Он замахал руками и сломал еще одну стену.

– Маркус! – Я схватил его под мышки и посадил подальше от нашего шедевра из песка. Я вручил ему ведерко и совок. – Давай, разрушай свой собственный замок.

Мальш улыбнулся и сунул горсть песка в рот.

– Не ешь это. – Я схватил сына за запястье и провел пальцами по его языку.

Маркус начал жевать, и я услышал хруст жестких гранул. Его лицо сморщилось, словно лист бумаги, карие глаза расширились, и сын посмотрел на меня, ничего не понимая.

– Видишь, что бывает, когда ешь песок?

Мальш издал «пукающий» звук. Из уголков его рта потекла слюна с песком.

Я фыркнул и вернулся к замку из песка, намереваясь восстановить стену, которую только что разрушил Маркус. Недалеко от входа на задний двор Джулиан играл в футбол с двумя своими приятелями, Антонио и Гектором. Он удачно не попал в нашу новую соседку, расположившуюся под зонтом от солнца, который она с большим трудом поставила на песке около получаса назад. Я закончил стену, добавил еще одну башню и начал искать свой телефон в куче наших полотенец. Наталия ждала фото последнего замка из песка, построенного Маркусом.

Я видел, как Джулиан отобрал мяч у Гектора и ударил по нему. Это был красивый пас. Мяч пролетел над головой Антонио и приземлился в самом центре зонта нашей соседки. Зонт упал, похоронив под собой владелицу. Она завизжала.

– *Santa mierda*^[11], – выругался Антонио.

Из-под зонта показались бледные ноги. Они колотили по земле с такой скоростью, будто работала взбивалка для яиц.

– Помогите!

Джулиан в ужасе замер.

Я подхватил Маркуса на руки.

– Помогите ей выбраться, – крикнул я Джулиану.

– Ох, сейчас, – ответил он, стряхивая с себя удивление. Он по моему настоянию говорил по-английски. Судя по крикам, доносившимся из-под зонта, наша соседка была американкой.

Я усадил Маркуса на песок и строго велел не двигаться.

– Снимите его с меня, снимите! – Ноги били по песку со всей силой. Показалась рука.

Я посмотрел на Гектора и Антонио:

– Беритесь за стойку. – Я обошел женщину и приподнял верхнюю часть зонта. – А теперь поднимайте.

Я закрыл купол, чтобы алюминиевые спицы не зацепились за ее волосы или одежду. Мы оттащили поврежденный зонт в сторону и бросили его на песок.

Наша соседка лежала в опрокинувшемся пляжном шезлонге. Его ножки утонули в песке. Женщина сняла широкополую шляпу, сползшую на глаза, и откинула назад влажные серебристые волосы, прилипшие к лицу. Тяжело дыша, с покрасневшимся лицом она указала на Джулиана костлявым пальцем с ногтем каштанового цвета:

– Ты... – начала она, наклоняясь вперед. Ее шезлонг покачнулся, и она обеими руками вцепилась в поручни.

Джулиан покачивался на пятках. Он провел рукой по мокрой от пота, покрытой песком голове, еще раз переступил с ноги на ногу и опять провел рукой по волосам. Густые короткие волосы встали дыбом.

– *Lo siento, señora.* – Его взгляд метнулся ко мне, потом опустился на собственные ноги. – Простите, леди, – повторил он по-английски.

– Еще бы ты не извинился. – Женщина выбралась из шезлонга и встала, возвышаясь над ним. – Я собиралась заорать: «Фантастический удар», – но тебе следует лучше целиться.

– *Sí, señora.* То есть да, леди. – Джулиан вытер руку о грудь, оставляя

песчаный след. Он стряхнул песок, расцарапав кожу.

Я схватил Джулиана за запястье и сурово посмотрел на него, чтобы он перестал суетиться.

Наша соседка разгладила свою тунику с узором «огурцами». Цвета сплетались в круговороте на прозрачной ткани. Золотые блестки украшали края рукавов и подол, сверкая на солнце.

– Судя по всему, я осталась без зонта, – констатировала соседка, оборачиваясь на сломанную конструкцию. Потом прищурилась от солнца. Оно было ослепительным, а воздух – сухим и душным. По моей груди и спине тек пот. На лице у нашей соседки тоже блестели капельки пота. Джулиан и его друзья переминались с ноги на ногу, потому что песок обжигал им ступни.

– Что ж, – наша соседка стряхнула песок с ладоней, – думаю, мне лучше уйти в дом, пока я не сгорела.

– Мы купим вам другой зонт, – предложил я, мои глаза сузились, когда я посмотрел на Джулиана. Придется ему провести следующие субботние утра, помогая Пиа, администратору моей галереи. Полы подметать, с экспонатов сметать пыль.

Джулиан пробормотал еще одно извинение.

Губы нашей соседки превратились в ниточки.

– В этом нет необходимости. Но, – она посмотрела на команду футболистов, постукивая пальцем по подбородку, – пусть твой сын и его друзья помогут мне отнести в дом шезлонг и сумку.

Я радостно согласился. Это было наименьшее, что они могли сделать.

– Мальчики? – поторопил я, когда ни один из них не двинулся с места.

– У меня есть лимонад, и я купила немного... Как вы их называете? – Она щелкнула пальцами. – *Biscochitos, sí?* Кажется, печенье называется именно так. Я вас с удовольствием угощу.

– *Sí, señora,* – хором ответили ребята. Они собрали вещи – шезлонг, сумку и полотенце – и побежали к ней во двор.

Я подхватил Маркуса, который как раз втирал песок себе в волосы.

– Кстати, я – Карлос, ваш сосед. – Я кивком указал на свой дом и протянул руку для пожатия. Соседка не приняла ее, потому что не заметила. Она не сводила глаз с Маркуса. Ее глаза заблестели. Я подумал, есть ли у нее внуки. Потом понял, что солнце сияло у меня за спиной. Я переместился немного, чтобы никому из нас не пришлось смотреть прямо на него.

Соседка несколько раз моргнула, на мгновение перевела взгляд на меня, потом снова посмотрела на Маркуса.

– Я Кл... – Она кашлянула. – Я – Карла. Это твой сын?
– Sí. Его зовут Маркус. – Я покачал его, и он хихикнул.
– *Mas! Mas!*^[12] – Малыш захлопал в ладоши, требуя покачать его еще.
Карла сложила руки на груди и сцепила пальцы.
– Сколько ему?
– Почти семнадцать месяцев. – Я посмотрел на Маркуса, махавшего Карле обеими руками. – Думаю, вы ему понравились.
Уголок ее рта чуть приподнялся:
– Он мне тоже нравится.
Маркус завертелся у меня на руках:
– *Por favor, papá!*^[13]
Карла засмеялась, и ее улыбка стала шире:
– *Papá.*
Она смотрела, как сын вертится у меня на руках. Ее глаза повлажнели, и она уставилась на песок.
– Ах, мне пора идти. – Карла вытерла ладони о бедра. – Твой сын и его друзья ждут угощения.
– Рад был с вами познакомиться. – Я снова протянул ей руку. На этот раз она ее пожала.
– Я тоже рада, Карлос, – сказала она. Ей явно было одиноко.
– Сеньора Карла, – окликнул я, когда она уже была у калитки. – Не хотите завтра вечером поужинать с нами? У нас вечер тако. Я приготовлю на углях зубатого терпуга.
Ее пальцы затеребили вырез туники:
– Я... я собиралась поужинать в ресторане.
– Если ваши планы изменятся, просто заходите к нам. В шесть часов.
Она подняла руку, как будто хотела помахать, и скрылась в своем дворе.
– Идем, Маркус. Давай-ка мы тебя вымоем.

Пять лет назад

18 июля

Солнце низко опустилось, подгоняя сухой бриз. От него было чуть полегче, мы с Джулианом играли в футбол на заднем дворе. С каждым ответным ударом Джулиан все больше приближался к барбекю.

– Осторожнее! Здесь горячо. – Я отбросил мяч в дальний угол двора, подальше от гриля. Мяч остановился около калитки на пляж. Я подошел проверить гриль.

Джулиан довел кожаный мяч до середины двора, затем отвел ногу назад и со всей силы ударил по нему. Мяч взлетел в воздух, перелетел через кирпичную ограду и упал во дворе сеньоры Карлы. Джулиан театрально застонал.

– Иди и забери мяч, пока сеньора Карла не вернулась, – сказал я, уверенный в том, что соседка ушла ужинать, как и планировала.

Джулиан метнулся через нашу калитку и побежал к соседской. Я дочиста отскреб решетку и закрыл крышку, чтобы гриль нагрелся еще немного.

– Готов есть тако, малыш? – спросил я Маркуса, толкавшего по траве игрушечный грузовик.

– *Un taco!*

– Скажи «я хочу тако».

– Тако! – повторил он, сияя улыбкой.

– Почти похоже. – Я улыбнулся в ответ.

С мячом под мышкой вернулся Джулиан. Он придержал калитку для Карлы.

– Эта дама сидела у себя во дворе совершенно одна, – выпалил он и захлопнул калитку. Карла вздрогнула, посмотрела на мальчика, и тот улыбнулся. – Я сказал, что она может поесть с нами.

Он подбросил мяч и ударом ноги отправил его через двор, где он остался лежать в грязи.

Карла остановилась у калитки и даже потянулась к ней, но потом ее рука взлетела вверх и пригладила волосы. Волосы цвета шифера она собрала в «хвост» на затылке, добавив элегантный акцент к белым льняным брюкам и светло-розовой блузке. Ей явно было неловко, она решила уйти и снова открыла калитку.

Я отложил в сторону кисточку для гриля и быстро прошел через двор.

– Вы останетесь на ужин?

– Я собиралась выйти, но... – Ее взгляд упирался мне в грудь, пальцы обхватили кованое железо.

– Но что? – Я взгляделся в ее лицо, пытаюсь понять, почему она не может решиться присоединиться к нам.

Карла на мгновение помрачнела, лицо стало печальным. Потом она справилась с собой и подняла подбородок. Но не посмотрела мне в глаза.

– Мои планы рухнули. – Она едва заметно улыбнулась.

– Тогда оставайтесь, – не отступал я. – Рыбы у нас более чем достаточно.

Я осторожно закрыл калитку, но тут до меня вдруг дошло, что ее неохота может быть никак не связана с тем, что она смущена рухнувшими планами, или с тем, что мы толком не знакомы.

– У вас аллергия?

– На рыбу? Нет. Я люблю рыбу. – Она стиснула руки.

– Тогда вам понравятся наши тако с рыбой. Они *el mundo famoso*^[14]. – Я провел ее через двор и отодвинул стул от стола в патио. – Выпьете что-нибудь?

– *Sí*. – Она села.

Я улыбнулся, рассматривая ее.

– Держу пари, текилу вы не пьете. – Я постучал пальцем по носу и указал на нее. – Джин.

Карла еле слышно ахнула.

Я хлопнул в ладоши.

– Значит, джин. Джин с тоником уже в пути. – Я помахал пальцем, уходя в дом. – Как насчет лайма? – крикнул я через раздвижную дверь кухни.

– Звучит заманчиво.

– Джулиан, принеси чипсы и сальсу.

Я смешал для нее коктейль, взял себе пиво и отправился жарить рыбу, пока Карла присматривала за детьми.

– Что привело вас в Пуэрто-Эскондидо?

Она поболтала в стакане палочкой для коктейля.

– Я здесь никогда не бывала.

– А вы много где побывали? – Джулиан бросил в рот чипс, густо намазанный сальсой, и громко раскусил его.

Карла нахмурилась:

– Да, много.

– Вы много путешествуете? – спросил Джулиан с набитым ртом.

Глаза гостьи сузились, и я, поймав взгляд Джулиана, указал на свой рот. Мальчик громко сглотнул.

– Вы много путешествуете? – повторил он свой вопрос.

Карла поставила стакан на стол.

– Раньше много путешествовала.

– Правда? А где вы побывали?

Я проверил готовность рыбы. Мне и самому было любопытно.

– В самых разных местах. – Карла мечтательно вздохнула. – В Италии,

во Франции, в Англии, а еще я побывала в Гонконге, Токио и Санкт-Петербурге.

– Где это?

– В России.

Джулиан присвистнул.

– Бизнес или развлечения? – спросил я, снимая рыбу с гриля.

– В основном бизнес. Но эта поездка... – Карла вытащила из стакана палочку и выдавила в стакан лайм. – Эта поездка только для души. Я пробуду здесь все лето.

– Гм-м. – Уголки моих губ опустились, я обдумывал ее слова. Как правило, в летние месяцы соседний дом снимала целая череда иностранцев. Сёрферы, отдыхающие, выпускники колледжей, путешествовавшие по Центральной и Южной Америке, прежде чем вернуться домой и заняться карьерой. По крайней мере, один раз в неделю я подавал жалобу на шум. Бесконечные вечеринки не давали моим сыновьям спать. Вряд ли у нас возникнут подобные проблемы с Карлой.

Я поставил блюдо с рыбой на стол между лепешками и капустой. Карла сдвинула в сторону свой стакан, и на ее руке блеснуло обручальное кольцо, отражая свет заходящего солнца.

– Муж к вам присоединится?

Карла моргнула, непонимающе посмотрела на меня. Я указал щипцами на ее обручальное кольцо.

– О! – Она растопырила пальцы и уставилась на него. – Я всегда забываю, что оно здесь. Нет-нет, он не придет. Муж умер несколько лет назад. Кольцо я ношу уже несколько десятилетий. Нет смысла снимать его только потому, что я овдовела. – Карла положила руку на колено. – Я не ищу встречи с другим мужчиной.

– Никогда не знаешь, – заметил Джулиан, сооружая себе тако. – Вы старая, но не настолько.

– Джулиан! – Я с грохотом опустил щипцы.

Он пожал плечами:

– Она все еще красивая.

– Джулиан! – прошипел я шепотом.

Щеки Карлы покраснели, и она неловко поерзала в кресле.

– Ему шесть с половиной, – объяснил я Карле, как будто возраст мог служить извинением. Я протянул ей тарелку и свирепо посмотрел на сына. – Извинись, пожалуйста.

– Простите, – пробормотал Джулиан, плюхнулся в кресло и сунул в рот чипсы.

К нам приковылял Маркус и привлек внимание Карлы.

– Сын у тебя красавец. И похож на тебя, – сказала она.

Я посмотрел на малыша. У него были мои карие глаза и темные волосы, но линию скул и оттенок кожи он унаследовал от матери.

У меня перехватило дыхание, но уже не так сильно, как это бывало в прошлом, когда я думал о Ракели. Со дня ее смерти прошло уже почти полтора года.

Маркус поднял обе руки. Я посадил его на высокий стульчик.

– А у вас, сеньора Карла, есть дети?

Она не сводила с Маркуса глаз. Ее лицо стало печальным.

– У меня было три сына. Когда-то.

* * *

Позднее тем же вечером я смотрел на наше с Ракель фото, то самое, которое я держал на письменном столе в своей комнате. Наши лбы и носы соприкасались, мы вместе над чем-то смеялись. Я не помнил, над чем именно, но «сухой» юмор Ракели часто заставлял меня корчиться и плакать от хохота. Смех, пусть и на короткое время, рассеивал тени, появлявшиеся в дальних закоулках моего мозга.

Мы только что поженились в патио гостиницы «Каса-дель-Соль», выходящем на дикий пляж Сикатела. Наша любовь была такой же. Быстрой и динамичной. Я часто задавался вопросом, влюбился бы я так глубоко и быстро, если бы не был напуган и сломлен. Но я полюбил ее с той самой минуты, когда она вошла в кабинет физиотерапии. Она убрала волосы за ухо – я заметил мочку без украшений – и протянула руку для приветствия, назвав себя. Это первое прикосновение сняло верхний слой тревоги, от которой мое сердце мчалось галопом с того самого времени, когда я месяц назад очнулся в больнице. Стремительное движение воздуха покинуло меня, и я почувствовал осторожные намеки надежды. Со мной все будет в порядке.

За несколько мгновений ей удалось вытащить меня из угрюмости и из кресла с такой решимостью, которой я сразу позавидовал и которую быстро перенял. Если я не могу наладить работу своего мозга, то надо сосредоточиться на всем том, что есть внутри меня, чтобы восстановить тело.

Мои раны были по большей части поверхностными. Кости лица срослись, порезы зажили, оставив после себя только розоватые шрамы.

Вскоре и моему плечу станет лучше. Судя по состоянию моего тела, в первый же день сказала Ракель, я всю свою жизнь занимался спортом. Чем я занимался, я понятия не имел, но через четыре месяца я пробежал 10 км. Я тренировался для марафона, когда появилась Эйми и перевернула мой мир с ног на голову. В день забега, спустя неделю после ее отъезда, я мучился похмельем и погружался в самоуничтожение и горе, поэтому встал с постели через несколько часов после того, как прозвучал выстрел стартового пистолета.

Я провел большим пальцем по стеклу, следуя по линиям свободной высокой прически Ракели, украшенной веточками гипсофилы. Золотисто-каштановые пряди, глаза цвета меда, она выглядела ослепительно. Одета в белое шелковое платье со свободной талией, скрывавшее ее беременность, она излучала счастье. Я утонул в этой радости. Ракель была ярким светом, маяком в моем темном мире.

Я тосковал по покойной жене и этим вечером сильнее, чем в последние месяцы. Но мне всегда ее не хватало, когда я укладывал мальчиков спать. Иногда я видел ее рядом, она сидела на краю кровати, а ее длинные изящные пальцы порхали по лицу Джулиана, когда она пела колыбельную. В этот вечер иллюзия казалась почти реальной, я мог бы поклясться, что слышал ее голос. Как часто мне хотелось, чтобы у Маркуса был шанс услышать, как она говорит ему: «Я люблю тебя».

Она умерла сразу после родов от разрыва аневризмы, а я смотрел на своего новорожденного сына, только что вымытого и спеленатого, кричавшего у меня на руках. Мы оба плакали.

Я вернул фотографию на письменный стол и подумал о Карле. Ее горе из-за потери любимых – как она их потеряла, я еще не знал, – было осязаемым. Я его почувствовал.

Воздух в моей комнате стал жарким и душным. Я включил вентилятор под потолком, взял мобильный с прикроватного столика и открыл дверь на террасу, прилегавшую к моей спальне. Доски закрипели, когда я прошел по грубому дереву. Прислонившись к перилам, я смахнул с экрана сообщение от Имельды – «Пожалуйста, зайди ко мне после закрытия в понедельник» – и набрал номер Наталии.

– Привет, – пробормотала она. Приглушенная мягкость ее голоса нахлынула на меня, облегчая пустоту. Ее голос успокаивал и утешал.

– Я разбудил тебя?

– Все в порядке. – Она зевнула. – Я заснула на диване.

Зашуршала ткань, звякнул замок, распахнулась дверь. Заскрипело дерево, и Наталия вздохнула. Я представил, как она садится в кресло в

патио и смотрит на тот же океан, который раскинулся передо мной, но в тысячах миль от меня.

Я оперся локтями о перила.

– Долгий день? – У нас была полночь, на Гавайях – семь утра.

Наталия утвердительно хмыкнула.

– Я ходила на байдарке с Кэти и ее учениками, – сказала она. Кэти, ее подруга, управляла летним лагерем для байдарочников и сёрфингистов в Ханалеи. – Мы все время боролись с ветром. Хотя закат был невероятным. Как будто шарик апельсинового мороженого таял в воде.

Уголок моего рта приподнялся:

– Теперь мне остро захотелось мороженого.

Наталия негромко рассмеялась:

– Мне тоже. Какой вкус?

– С шоколадной крошкой.

Наталия застонала:

– Это так скучно.

– А ты что предлагаешь?

– Пои^[15].

– Пои?

Она снова хмыкнула.

– Как в корне таро?

– Да. – Наталия рассмеялась.

Я скорчил гримасу:

– Звучит отвратительно.

– Ради такого можно и умереть. Ты обязательно должен попробовать.

Я возмущенно фыркнул. «Когда?» – подумал я. Здесь такое мороженое не делают, а я никуда не поеду. Последние полгода я отказывался покидать Оахаку.

Под лунным светом волны лизали берег, словно собачий язык – воду в миске. Лениво и ритмично.

– Я не хотела намекать...

– Нат, не надо. – Я сжал переносицу. – Не извиняйся.

Она терпеть не могла напоминать мне о моем состоянии. Несколько мгновений мы оба молчали. Мы слышали ритм нашего дыхания, и мне отчаянно хотелось, чтобы она была рядом.

Наталия вздохнула:

– Ты позвонил не для того, чтобы болтать о мороженом, о чем ты хотел поговорить?

Мне так много нужно было сказать ей и попросить о еще большем, но

слова испарились, как вода с горячего тротуара.

– Ничего особенного, – ответил я, – мне просто захотелось услышать твой голос.

Ее горловой смех коснулся моего уха:

– Я зануда, знаю.

– Мне пора тебя отпустить. Во сколько у тебя рейс?

– Слишком рано, – простонала Наталия. – И у меня всю вторую половину дня встречи в Лос-Анджелесе. Увидимся через несколько дней?

– Да, мы этого очень ждем.

Насколько я понимал ситуацию, Наталия была единственным средством выполнить обещание, которое я дал Ракели, когда в последний раз целовал ее безжизненное тело.

«Я обещаю, что дети будут в безопасности».

Пять лет назад

22 июня

В два часа сорок пять минут я нашел Имельду именно там, где рассчитывал: она работала за своим ноутбуком в «Ла-Пальма». Из ресторана на веранде гостиницы «Каса-дель-Соль» открывался лучший вид, чем из всех номеров отеля. Тихий океан расстилался до самого горизонта, и бриз, налетавший с воды и шевеливший листья окружающих пальм, всегда был приятным. В такие дни, как сегодня, когда в воздухе пахло древесным дымом, а от жары начинали потрескивать брови, моя рубашка к полудню обычно промокала от пота. На свободной рубаше небесно-голубого цвета, в которую я переоделся всего лишь час назад, уже появилось пятно пота на спине, в том месте, где я прижимался к кожаному сиденью автомобиля.

Имельда каждый день обедала в «Ла-Пальма». В одно и то же время и за одним и тем же столиком. Она часами сидела за едой, встречалась со служащими и работала с таблицами. Я доверял Имельде не больше, чем Томасу, то есть мое доверие приближалось к нулевой отметке. Никакого доверия. Но в одном я мог на нее положиться, это было ее расписание. Ему Имельда никогда не изменяла.

Я прошел через лабиринт столиков и встал напротив нее, спиной к океану. Она быстро печатала на ноутбуке, в ухе Bluetooth, брови сведены.

Имельда была в белой шелковой блузке и одной из своих суперпрямых облегающих серых юбок. Каждый день она надевала однотипный наряд, как и в тот день в больнице, когда она назвалась моей сестрой.

«Черт побери».

Вот так, я снова разозлился на нее.

Мои глаза были прикрыты линзами темных очков, и я посчитал про себя до десяти, глядя, как сёрфер исчезает на спуске с волны, потом постучал костяшками пальцев по столу, чтобы привлечь внимание Имельды. С этим пора покончить.

Она подняла глаза с выражением удивления и нетерпения. Потом ее глаза расширились.

– Карлос! Что ты здесь делаешь?

Имельда встала, схватив со стола шариковую ручку. Она перекатывала ее между пальцами и улыбалась.

– Я получил от тебя сообщение. Что такого важного ты не можешь сказать мне по телефону?

– *Sí, sí*, конечно. – Она указала на кресло рядом со мной. – Садись, пожалуйста.

Я демонстративно посмотрел на часы, потом сел, расставив колени и положив локти на ручки кресла. Ноги дернулись.

Имельда вернулась на свое место, щелкнула ручкой.

– Как мальчики?

Мои глаза сузились, когда я посмотрел на эту ручку. Имельда держала в руке похожую ручку, раздражающе щелкая ею, когда объявила, что она не моя сестра, а я не Карлос. Между ее рыданиями и нервным щелканьем я мучительно долго вытаскивал из нее всю историю. Возможно, мне только показалось, или время действительно замедлилось, я не мог понять. Вся та неделя помнилась смутно.

Оглядываясь назад, я думаю, что всегда подозревал, что она что-то от меня скрывает. Редкие сны об Эйми и мое навязчивое желание написать ее лицо. Одно это могло бы стать достаточной причиной для того, чтобы понять, что что-то не так. Я долго ни о чем не спрашивал, потому что восстанавливался после травм, влюбился в Ракель, заботился о сыновьях, жил обычной жизнью. Но это были лишь оправдания. На самом деле я боялся. И из-за этого испытывал еще большее отвращение к самому себе.

Я провел ладонью по влажному затылку.

– Мальчики отлично. Они гостят у семьи Силва.

Имельда прокрутила ручку, как пропеллер самолета. Ее губы приоткрылись. Имельде хотелось задать больше вопросов о мальчиках, но

подошел официант. Он предложил меню.

Я отказался.

– Ты уверен? Диего готовит очень легкое восхитительное блюдо – севиче из морского языка с лимоном. Идеальный вариант для такого ужасно жаркого дня. – Она обмахнула шею папкой с документами.

Я покачал головой:

– Мне нужно уйти через двадцать минут. Через час приземляется самолет Нат. – Имельда отпустила официанта, и я удивленно посмотрел на нее. – Почему *все-таки* ты работаешь здесь?

Она пожала плечами:

– Привычка. Как поживает Наталия?

– Хорошо.

Она летела сюда по делам, но планировала остаться на несколько недель. Наталия всегда проводила летний отпуск с нами.

Имельда вздохнула, зная, что никаких деталей она от меня не узнает.

Официант вернулся с капучино, который она заказала еще до моего прихода. Он поставил чашку и блюдце рядом с ее ноутбуком, слегка поклонился и ушел. Имельда надорвала пакетик с тростниковым сахаром. Она подняла чашку, подула на пенку и отпила, проверяя температуру.

Я дернул коленом и постучал пальцами по подлокотнику.

– Томас подписал бумаги.

Я застыл.

– Когда?

Она сделала еще глоток и поставила чашку.

– Прошлой зимой. Дела в гостинице идут лучше, чем два года тому назад.

Это было частью ее сделки с Томасом. Она изображала мою сестру, пока я восстанавливался физически, и перехватывала любой интерес, который я проявлял к тому, чтобы узнать, кто я на самом деле. А Томас дал ей взаймы денег, но при условии, что его имя будет вписано в документы о собственности.

Имельда сохранила свою гостиницу, а я получил отличную няньку.

– Он до сих пор посылает тебе чеки? – Томас еще и платил ей.

– Да. Но я перестала обналичивать их больше года назад.

– Почему он продолжает их посылать?

Имельда отпила капучино.

– Думаю, из чувства вины. Он ненавидит себя за то, что сделал с тобой.

Я не знал этого наверняка. Я не говорил с ним с того момента, как он

уехал из Пуэрто-Эскондидо, это было в декабре.

– Томас сейчас под следствием за инсценировку твоей смерти. Полагаю, твоя подруга Эйми сообщила о том, что ты жив, когда добивалась судебного запрета для него.

– Он сам рассказал тебе об этом?

Имельда вернула чашку на блюдце и взяла ручку.

– *Sí*, мы все еще общаемся.

– После всего, что он сделал? – Я прикусил язык. Имельда щелкнула ручкой, и я выругался. – Томас продолжает следить за мной.

– Он заботится о тебе, Карлос.

– Мне на него наплевать. Он может сгнить в тюрьме, мне нет до этого дела.

Счастливого избавление.

– Томас не отправится в тюрьму за инсценировку твоей смерти. В твоей стране нет закона...

– В моей стране?

– Я не хотела... – Имельда откашлялась. – Ты прав. Прощу прощения. В Соединенных Штатах. Судя по всему, инсценировка смерти – не нарушение закона, а именно это Томас и сделал. Твои похороны были ненастоящими. Властей интересуют последствия твоей смерти. Они хотят знать, получил ли Томас финансовую выгоду.

Я смахнул пот с переносицы и вернул на место солнцезащитные очки «Мауи Джим».

– Донато – состоятельные люди. Я уверен, что получил.

– Ничего подобного. После ареста Филадельфия дела у «Донато Энтерпрайзес» идут неважно. Твой пакет акций остается нетронутым. Томас управляет им по доверенности. Он так и не получил страховку после твоей смерти.

– Как мило с его стороны.

Имельда подняла глаза к потолку с видом потерявшей терпение старшей сестры.

– Свои вложения и счета ты можешь получить, когда захочешь.

А вот этого я не хотел. Она щелкнула ручкой. Мне захотелось вырвать эту ручку из ее руки и выкинуть с балкона.

– Нет, спасибо. Когда узнаешь об аресте Томаса, сообщи мне хорошую новость.

Я привстал и оттолкнул кресло, деревянные ножки поехали по плиточному полу.

– Сядь, Карлос, – это был тон старшей сестры. Я рассвирепел и

остановился, так и не поднявшись окончательно. – *Por favor*^[16]. Это касается тебя. Можешь сколько угодно ненавидеть меня и Томаса, но хочешь верь, хочешь нет, мы оба беспокоимся о тебе. И я люблю твоих сыновей.

Я снова опустился в кресло и поднял голову. По коже пробежал мороз.

– Какое отношение это имеет к ним?

Имельда посмотрела налево, потом направо. Она отложила ручку и подалась вперед.

– Власти задают Томасу вопросы о твоей смерти. Меня беспокоит, что они могут приехать за тобой, чтобы проверить все то, что рассказал Томас. Здесь только мы с тобой, – она отчетливо дважды стукнула по столу, – знаем о тебе правду. Томас передал мне твои новые документы. Я понятия не имею, где и как он их получил. Они настоящие, насколько я знаю, но если они поддельные...

Я перестал дышать. Не мог дышать. Спина вжалась в кресло.

– ...меня могут посадить в тюрьму или депортировать.

Потому что, вполне возможно, я нахожусь в стране нелегально. Фальшивое удостоверение личности и отсутствие визы.

– Никто не должен узнать, что я тебе помогла. Я потеряю свою гостиницу. А ты, Карлос, – в панике сказала она, – можешь потерять Джулиана.

Глава 7

Джеймс

Настоящее время

22 июня

Лос-Гатос, Калифорния

– Ты – сеньора Карла?

– Ну... да. – Она сказала это так, словно это не должно было его удивить.

Джеймс выругался. Он не мог в это поверить. Последние пять лет Клэр приезжала в Пуэрто-Эскондидо. Она достаточно сблизилась с Карлосом и его сыновьями, чтобы стать практически членом семьи. Она ни разу не сказала, кем приходится им на самом деле.

Джеймс сцепил пальцы на затылке и диким взглядом обвел кухню. Закончатся ли когда-нибудь ложь и предательство?

Марк промчался мимо него, обхватил Клэр за талию и прижался щекой к ее животу. Клэр ахнула, а потом на ее лице появилась самая широкая улыбка, которую доводилось видеть Джеймсу. Она положила руки Марку на спину, не отпуская его.

– Ты любишь его. – Слова Джеймса прозвучали как обвинение. Его охватило неприятное чувство. Он отвел глаза, завидуя тому, как тепло мать относится к его сыну. К *своему внуку*.

Джеймс сглотнул горький комок в горле. Как бы ему ни хотелось скрыть правду от Джулиана и Маркуса, рано или поздно придется сказать им, кто на самом деле сеньора Карла. Как эта новость повлияет на его сыновей вдобавок ко всем прочим переменам?

«Они никому не будут верить», – мрачно подумал он. Имельда не была их тетей. Карла не была случайной соседкой. А их отец не был Карлосом. Единственным подлинным человеком в этом хаосе была их тетя, Наталия Хейз. Благодарение богу, у них есть хотя бы она.

Клэр присела, чтобы ее глаза оказались на одном уровне с глазами

Марка, и положила руки ему на плечи. Джеймс резко вдохнул. «Что она скажет ему?»

Лучше бы ей не произносить ни слова.

Он был вне себя. Это его дети. Он ни за что не позволит своей семье дурить им головы. После смерти матери и того момента шесть месяцев назад, когда их отец забыл все, в том числе и сыновей, им досталось больше сердечной боли и горя, чем следовало бы испытывать детям.

– Я скучала по тебе, – сказала Клэр Марку, и Джеймс чуть расслабился, пусть даже на мгновение. Она обрушила на лоб Марка дождь поцелуев. – У меня есть кое-что и для тебя, Джулиан. – Она улыбнулась его старшему сыну.

Джулиан сумел обойти Джеймса, чтобы обнять Клэр. Потом его сын ждал, переминаясь с ноги на ногу, пока Клэр копалась в своем пакете. Она достала для Марка набор акварельных красок.

Джеймс едва не потерял равновесие. Набор красок от женщины, которая заставила его вернуть самый первый художественный набор, который ему подарили. Это был подарок Эйми на его день рождения. Когда Джеймс был подростком, мать четко давала понять, что он должен сосредоточиться на учебе и спорте, никаких бесполезных хобби.

У него в голове всплыло воспоминание. Ему тринадцать лет. Он в потной футболке, прилипшей к груди, в запятнанных травой футбольных трусах, облегающих бедра, потертый шлем висит на кончиках пальцев, вернулся в свою комнату после тренировки по футболу и обнаружил там Клэр, рывшуюся в его ящиках.

Он остановился на пороге, сердце стучало о ребра.

– Что ты делаешь?

– Миранда нашла краску на твоей футболке. – Клэр с грохотом задвинула ящик письменного стола и перешла к следующему.

Экономка, должно быть, видела футболку в грязном белье. Масляная краска оставляла следы, поэтому, когда Джеймс рисовал у Тирни дома, он всегда надевал только поношенные футболки, такие, которых мать не хватится, если придется их выбросить.

Рука матери исчезла в другом ящике, отодвинула в сторону носки, скатанные в клубок. Один упал на пол. Мать не найдет ни испачканной одежды, ни кистей, ни тюбиков с краской, если она это ищет. Джеймс стал настоящим шпионом, скрывая свои частые визиты к Тирни. Причин, по которым он проводил там так много времени, было две. Ему по-настоящему нравилась Эйми. Она была классной, с ней было весело. А еще Джеймсу очень нравилось писать красками, а мистер и миссис Тирни

предоставили ему для этого место в своем доме. Они даже покупали ему все необходимое для живописи.

Почему его родители не могли поступать так же? Почему мать не могла поощрять его страсть, как Тирни? Благодаря их поддержке расцвел его талант.

Клэр остановилась и подняла на него глаза.

– Ты занимаешься живописью?

Почему ей не нравится, что он рисует?

Джеймс постарался сглотнуть комок в горле и посмотрел ей в глаза.

– Нет. – Он усовершенствовал и умение лгать.

– Тогда объясни, откуда краска на той футболке, которую нашла Миранда.

– Я испачкался в школе, когда мы готовили в классе проект. – Он сразу пожалел об этих словах. Как при неуклюжей передаче, он уронил мяч. В школу Джеймс ходил в форме. – Сестра Кэтрин разрешила нам снять форменные рубашки, если есть нижняя футболка. – Он приукрасил свою ложь. – У нее не хватило фартуков на весь класс.

Клэр задвинула ящик и подошла к нему, отбросив в сторону узким носом дизайнерской туфли свернутые в клубок носки. Она положила ладонь на его перепачканную грязью щеку. Взгляд переместился со слипшихся волос на потрескавшиеся губы, потом вернулся к его глазам. Губы дрогнули, и мать вздохнула, смирившись:

– Джеймс, та футболка, которую показала мне Миранда, старая и растянутая. Не носи такие вещи в школу. У тебя целый ящик чистых белых футболок. – Ее ноздри слегка расширились. – Иди в душ.

Она похлопала его по щеке и вышла.

Джеймс посмотрел на свои испачканные травой и пропитанные потом носки, желая, чтобы мать проявляла столько же интереса к его искусству, сколько к его одежде и гигиене. По крайней мере, Тирни вставляли его картины в рамы. Он только что закончил писать ведущего игрока, готового к броску, застывшего за секунду перед броском. И эта картина заставила Джеймса подумать, что он лучше владеет кистью, чем мячом.

* * *

Джеймс смотрел, как его сын изучает набор красок. Марк понятия не имел, насколько это важный подарок.

– Вот это тебе тоже понравится. – Клэр показала ему альбом для

акварели.

Марк схватил бумагу.

– *Gracias, Señora Carla*^[17].

– Ты – великолепный художник, как и твой отец.

– Какого... – Джеймс едва сдержал ругательство. Ему следовало радоваться вместе с Марком. Ему следовало быть довольным тем, что у Марка будет занятие на время обустройства на новом месте. Вместо этого гнев и зависть клещами сдавили грудь Джеймса.

Он ненавидел себя за это. Он прочитал дневники Карлоса. Он узнал, почему мать презирала его занятия живописью.

И все равно ему было больно.

Клэр рискнула поднять глаза на Джеймса, но отвела взгляд, уловив его мрачное настроение.

– А это тебе, Джулиан. – Ее обычно твердый голос дрогнул. Она вручила мальчику футбольный мяч.

– Круто! – Он сунул мяч под мышку. Его другой футбольный мяч лежал в одной из коробок в гараже.

– Это тоже тебе. – Клэр сунула руку в пакет. – Это тоже футбольный мяч.

Джулиан фыркнул.

– Это не футбольный мяч.

– Это мяч для американского футбола, – с быстрой улыбкой пояснила Клэр. – Твой отец когда-то играл. У него были отличные передачи. Попроси его показать тебе.

Джулиан дернул плечом:

– Конечно. Как-нибудь.

– Джулиан, пойдди, поиграй с братом в футбол.

– Почему? – изумленно выпалил он. – Я почти год не видел сеньору Карлу.

– Нам с ней надо поговорить.

– Я тоже хочу поговорить с ней.

– Джулиан, – резко и громко сказал Джеймс. Имя эхом отозвалось в кухне.

Мальчик побледнел. Он переводил взгляд с отца на Клэр и обратно. Потом сглотнул, и Джеймс понял: Джулиан догадался, что что-то не так. Откуда его отец знает эту женщину, если он ее не помнит? Мальчик шаркнул ногой, сердито бросил мяч на пол, подхватил, когда тот подпрыгнул, и прижал к животу.

– Идем, Марк, давай убираться отсюда. – Джулиан положил руку на

затылок младшему брату и вытолкнул его из кухни.

Когда хлопнула высокая стеклянная дверь, выходящая на задний двор, Джеймс развернулся и свирепо посмотрел на мать. Клэр поджала губы. Она взяла нож и начала резать сэндвичи с яйцом.

– Ты бы отправил меня домой, если бы я сказала тебе правду, – объяснила она свое присутствие в Пуэрто-Эскондидо. – Я хотела...

Нож застыл, нависнув над следующим сэндвичем.

Джеймс крепко скрестил руки на груди.

– Продолжай, мама. – Он фыркнул. Терпения на свою семью у него давно не осталось. – Чего ты хотела?

Она вздернула подбородок:

– Я хотела познакомиться со своими внуками.

Тревожная мысль прошла через него, словно холодный фронт. На руках появились мурашки. *Знала ли она с самого начала, что Томас имитировал его смерть?*

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Клэр, выравнивая половинки сэндвичей на тарелке. – Томас не говорил мне о тебе или о том, что он прячет тебя, пока Эйми тебя не нашла. После он рассказал мне и о том, как Фил повел себя с Эйми, и о том, что, по его мнению, Фил пытался убить тебя в Мексике. – Она замолчала, кончиком пальца вытерла с тарелки каплю майонеза, вытекшую из сэндвича. – Незачем и говорить, что я в не слишком хороших отношениях с твоими братьями.

«У меня было три сына. Когда-то».

Карлос записал много разговоров с сеньорой Карлой. Джеймс помнил, как прочел это признание. Одиночество Карлы привлекло Карлоса в его безысходном отчаянии. Ему нужен был настоящий друг, но ему трудно было кому-то довериться. Между ним и Карлой установилось нечто вроде родства. Они открылись друг другу, чего никогда бы не случилось, если бы он знал, что приходится ей сыном.

Клэр вытерла стол, сполоснула нож и вернула его на место. Она махнула рукой в сторону сэндвичей. Их было четыре.

– Я приготовила ланч.

Это предложение мира, решил Джеймс.

– Не надейся начать с того места, на котором все закончилось. Я не тот человек, каким был в Мексике.

Клэр заморгала, пальцы метнулись к верхней пуговице на блузке.

– И ты не та женщина, которой тебя считали мои сыновья. – В его голосе прозвучало предупреждение.

Их глаза встретились над мраморной столешницей кухонного

островка. Через мгновение решительное выражение на лице матери исчезло, сменившись унынием. Подбородок дернулся, она чуть кивнула, выгрузила из пакета жевательные мишки для Марка и «Орео» для Джулиана. Их любимые.

Клэр подтолкнула к Джеймсу прямоугольную коробку, перевязанную красной лентой, потом взяла свою сумочку и ключи. Он смотрел, как она уходит.

Мать остановилась на пороге кухни.

– Добро пожаловать домой, Джеймс.

Она не стала ждать его ответа, и через мгновение Джеймс услышал, как щелкнула, закрывшись, входная дверь.

Он уставился на коробку. Его мать никогда не дарила подарков *просто так*. Подарки она ему дарила только на дни рождения и на праздники, больше никогда и ничего. Ему стало любопытно, и он развязал ленту. Он ненавидел себя за то, что сердце от предвкушения забилось быстрее. Он презирал себя за то, что испытывает такое же чувство, как и его сыновья несколько минут назад. Ликование.

Джеймс поднял крышку и увидел набор кистей «филберт», их щетинки веером идеально подходили для смешивания масляных и акриловых красок. Комок размером с кулак встал у него в горле. После всех этих лет мать принесла ему то, что необходимо художнику.

«Что ж, мама, поздравляю». У него не было ни малейшего желания писать снова.

Он бросил коробку обратно на столешницу, а четвертый сэндвич отправил в мусорное ведро. Остальное завернул на потом, так как еще чувствовал себя сытым после завтрака. Мальчики, вероятно, тоже есть не хотят.

Вторую половину дня Джеймс и его сыновья провели, распаковывая вещи и наводя порядок в своих комнатах. Они привезли с собой только одежду, игрушки, важные документы, фото матери и несколько сувениров. Джеймс принес из гаража лишь две маленькие коробки с книгами и папками, остальное оставил. Его вкус в одежде изменился по сравнению со вкусом Карлоса, а сшитые на заказ костюмы и рубашки, которые Эйми предпочла убрать в коробку вместо того, чтобы отдать на благотворительность, он видеть не мог. Это была одежда из его жизни *до*.

Теперь Джеймс видел свою жизнь, разделенной на три периода. Время до фуги и время после. Третий период, *промежуточный*, всегда будет покрыт тайной, как момент перед рассветом, когда в мире не светло и не темно, просто серый туман. Джеймс будет знать только то, что Карлос

решил записать в своих дневниках. А читать об этом – совсем не то, что проживать каждый момент.

Взгляд Джеймса метнулся к оставшимся в гараже картонным коробкам. Остальное принадлежит ему. Он начнет свой период *после* с чистого листа и завтра отправится по магазинам.

Мастер по замкам и представитель компании по установке сигнализации приехали после трех. Пока меняли замки, проверяли и перенастраивали систему сигнализации, Марк рисовал за кухонным столом. Надеясь умаслить Джулиана, Джеймс подключил игровую приставку Xbox. Сын отклонил предложение поиграть вместе и тут же занялся индивидуальной игрой в Halo.

Джулиан не спрашивал про сеньору Карлу, и хотя это беспокоило Джеймса, он был благодарен за то, что старший сын не хочет о ней говорить. Во всяком случае, пока. Джеймс тоже не был готов говорить о своей матери. В глубине души он все еще кипел из-за того, что она обманывала их в течение пяти лет. Но больше всего он боялся, что правда раздавит его сыновей, особенно Джулиана. Первые четыре года своей жизни он рос без отца, а теперь его приемный отец не помнит, почему он его усыновил. Джеймс знал только то, что написал Карлос. Эта ситуация похожа на рыбу, пойманную голыми руками, готовую выскользнуть.

На ужин они съели остатки от завтрака, и, когда мальчики улеглись спать, Джеймс принялся ходить по коридорам, отчаянно нуждаясь в ночной пробежке. Ему необходимо купить беговую дорожку.

Ему нужно выйти.

Джеймс достал из холодильника пиво, открыл бутылку и начал думать, не позвонить ли Нику, чтобы тот к нему присоединился, а сам продолжал бродить по дому, не находя покоя. Было уже поздно, почти половина одиннадцатого, рабочий день. Это напомнило Джеймсу еще об одной проблеме. Надо серьезно задуматься о поиске работы, подумал он, проходя мимо окна и ловя ночной вид за ним.

Он остановился с бутылкой у рта. В заднем кармане брюк завибрировал телефон, но Джеймс его проигнорировал. Телефон надрывался весь день, но последним человеком, с кем хотел говорить Джеймс после неожиданного визита матери, был Томас. Этот парень не оставит его в покое. И потом все внимание Джеймса было сосредоточено на джипе с включенными фарами, припаркованном перед его домом. Мотор продолжал работать. Джеймс слышал это через открытое окно.

Движение в салоне автомобиля заставило сердце забиться со сверхзвуковой скоростью, как будто кто-то кулаком колотил по груди.

Жест был невероятно знакомым. По коже побежали электрические разряды, воздух устремился прочь из легких, унося одно слово: *Эйми*.

Глава 8

Карлос

Пять лет назад

22 июня

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Сердце колотилось в груди так, как в день смерти моей жены, когда медсестра положила Маркуса мне на руки. Мое прошлое было так же неизвестно Ракель, как и мне, но все же мы влюбились друг в друга и поженились. Она доверила мне своего сына Джулиана.

А теперь я мог его потерять.

Я направил джип на Костеру, перейдя на более высокую передачу. Ветер высушил пот в моих волосах, но не позволил убежать от жары и тем более от тревоги Имельды по поводу моих документов. И эта тревога была обоснованной. У меня оставались сомнения по поводу карточек в моем бумажнике. Тревожный сигнал ни разу не прозвучал, и власти не начали преследовать меня, когда я женился на Ракели, усыновил Джулиана и заплатил налоги. Но это не значило, что мои документы не были подделаны. Это значило лишь то, что я не натворил ничего такого, что заставило бы мигать экран на чьем-нибудь радаре.

Я мог продолжать жить своей жизнью: владеть галереей, общаться с соседями и активно участвовать в жизни города. Но это не избавляло меня от страшного «а что, если», касающегося судьбы Джулиана, при том что состояние моего рассудка было под вопросом. Был ли Джулиан моим сыном по закону?

Если я начну задавать вопросы, тут же зазвучит сигнал тревоги. Я могу оказаться в ближайшей тюрьме, или меня выкинут из страны. Ответы были только у одного человека, и меня бесило то, что придется просить его о помощи. А еще меня это страшно пугало.

Я положил руку на рычаг передач, сбавил скорость и свернул вправо, к аэропорту. Мой разговор с Имельдой продлился намного больше тех

двадцати минут, которые я мог ему уделить. Самолет Наталии приземлился сорок минут назад, и присущее ей нетерпение могло заставить ее взять такси и отправиться ко мне домой. Выходя из «Каса-дель-Соль», я отправил ей сообщение с просьбой дождаться меня. Она уже оставила голосовое сообщение, спрашивая, где я.

Я взял мобильник с центральной консоли, и на экране появилось ее недавнее сообщение.

Разворачивайся. Взяла такси.

Я выругался, швырнул телефон на пассажирское сиденье. Она только что проехала мимо меня. Неужели не могла подождать лишние пять минут?

Во время ее приездов мы порой чувствовали себя как супруги. Мы встречались в течение дня, вместе ели и занимались домашними делами, участвовали в детских играх и подкалывали друг друга по поводу раздражающих привычек. Она ковыряла ногтем в зубах, а я мыл кисти в кофейных кружках. К тому же я хранил слишком много вещей, которые она считала барахлом, к примеру, старые газеты и журналы. Я ждал ее приезда, мне нравилось, когда она была рядом, и я скучал по ней, когда она уезжала. Благодаря Наталии я чувствовал себя самым собой, что бы это ни значило в моем случае. И я ненавидел себя за то, что хотел от нее большего. Она не переедет в Пуэрто-Эскондидо, а я отклонил ее приглашение перебраться на Гавайи, где она помогала бы мне воспитывать Джулиана и Маркуса. С декабря я не выезжал за границы штата Оахака. Боязнь путешествий – та еще сука.

Но, несмотря на расстояния, то, что было у нас общим, держало нас вместе.

Наталия была со мной в родовой палате, когда умерла Ракель. Все произошло так быстро. Давление упало, как самолет, рухнувший с небес. Потом начался хаос, день, который должен был стать одним из счастливейших дней в нашей жизни, понесся по спирали вниз. В следующий момент врач уже выражал мне свои соболезнования тем же тоном, каким он просил бы пациентов беречь загипсованные ноги и отдыхать. Он сжал мое плечо, кивнул и вышел из палаты. Медсестра расположила мои руки вокруг Маркуса. Убедившись в том, что я его не уроню, она пробормотала неискренние поздравления, затем извинилась, отводя глаза. Мои глаза встретились с глазами Наталии над иссиня-черными волосами новорожденного сына. Выражение на ее лице зеркально отражало мое недоумение и неверие.

Наталия приехала к рождению Маркуса и планировала остаться на пару недель, чтобы помочь с Джулианом, пока мы привыкали бы к жизни с

новорожденным. Вместо этого она осталась на два месяца, пока мы привыкали к жизни без Ракели. Мы оба не умели обращаться с младенцами и с трудом разбирались с расписанием кормлений и сменой подгузников, измученные и убитые горем. Свирепая преданность Наталии удерживала ее рядом с нами, а ее сострадание помогло мне открыто поговорить с Джулианом о его матери. Как сказать пятилетнему мальчику о том, что его мать никогда не вернется домой? Легкого пути не было.

Но сострадательная натура Наталии привела ее ко мне в ночь перед отъездом домой. Мальчики давно уснули, она пожелала мне спокойной ночи и ушла в свою комнату. Я принимал душ наедине со своими мыслями, гадая, как, черт подери, я смогу один воспитывать двух мальчиков, когда моя голова и без того полна проблем. Я повернул ручку, и температура воды упала на несколько десятков градусов, в этот момент стеклянная дверь распахнулась, впуслав холодный воздух. Кожа покрылась мурашками, я резко втянул в себя воздух, когда почувствовал руки Наталии на моих бедрах. Я повернулся, вода барабанила по затылку и по плечам.

– Что ты...? – Вопрос застрял у меня в горле. Капли воды маскировали ее слезы, но не красноту и припухлость вокруг глаз. Она только что плакала.

В течение двух месяцев Наталия ставила наши нужды превыше своих. Она держала мою семью в кулаке и помогала нам двигаться вперед, пока мы справлялись с горем, она редко показывала, что ей больно так же, как и нам. Она подняла на меня стеклянные глаза и влажные губы, обнаженная не только телом. И я впервые за прошедшие восемь недель понял, что никто ни разу не обнял ее.

Мои пальцы скользнули ей в волосы и сжались. Наталия ахнула, губы приоткрылись. Она пришла ко мне не за утешением и не за поддержкой. Это был момент обнаженных эмоций, когда потребность взять превзошла желание отдать.

Мои губы жестко прижались к ее губам. Вкус ее страданий был настолько же ощутимым, как и потребность почувствовать себя живой. В суматохе конечностей, пальцев и ртов тело Наталии прочно спаялось с моим. Я застонал, поперхнулся собственническим звуком в самой глубине горла и схватил ее бедра, поднимая. Она обхватила меня руками и ногами. Я повернулся, прижимая ее спину к холодным плиткам. Я вошел в нее, и наши глаза встретились. Что-то невысказанное проскользнуло между нами, соединяя так, как делает это общая потеря. Но в чертах лица Наталии или в изгибе ее бровей я не видел покойную жену. И не о ней я думал, когда начал двигаться. Это была только Наталия.

Во мне поднялась волна эмоций. Прижимая Наталию к себе, я вколачивался в нее. Мы налетали друг на друга, жестко и грубо, пока наши мысли и сердца не обнажились так же, как и наши тела. Я опустил ее, и мы прислонились друг к другу. Наталия заплакала на моем плече, она дрожала, и я принялся целовать ее мокрые волосы, впадинку на виске, изгиб уха. Ее поцелуи ложились на мою ключицу, потом спустились вниз, к моему быстро бьющемуся сердцу. Потом она ушла, оставив меня, холодного, голого и сбитого с толку.

На следующее утро Наталия улетела домой. Никому из нас не хватило смелости заговорить о предыдущей ночи, и Наталия почти не смотрела мне в глаза, целуя на прощание Джулиана и Маркуса. Но в аэропорту, когда я выгрузил ее вещи из багажника джипа, когда она коротко обняла и чмокнула меня в шею, я схватил ее за запястье. Я не хотел, чтобы Наталия улетала. Но не эти слова сорвались с моего языка. Она могла забеременеть. Мы не предохранялись.

Грустная улыбка тронула ее губы, и Наталия медленно покачала головой.

– Я пришлю сообщение, когда мы приземлимся.

Она вернулась в Пуэрто-Эскондидо через несколько месяцев, и между нами установились добрые отношения, как будто мы всю жизнь были друзьями. После этого она приезжала к нам по нескольку раз в год, мы говорили по телефону пару раз в неделю. И переписывались почти каждый день. Но, когда она смотрела на меня, я не знал, что она думает о тех моментах в душе. Видела она меня или мужа своей покойной сестры? Потому что я, черт меня подери, точно не забыл эти жаркие минуты, то, как ее тело слилось с моим, ее горловые вздохи, когда я двигался внутри ее. На пике наслаждения она произнесла мое имя. Воспоминание заставило мой пульс биться чаще. Мне следовало бы чувствовать вину за то, что я занимался сексом со свояченицей всего через пару месяцев после смерти жены. Но я вины не чувствовал. Мне надо было двигаться дальше, продолжать пробиваться в будущее. Виноватым я себя чувствовал только за то, что не мог перестать думать о Наталии таким образом. Я вождедел ее, как озабоченный подросток.

Я включил первую передачу, съехал к краю дороги, пропуская такси, спешившее в аэропорт. Потом развернулся и поехал домой.

Наталия приняла душ и отправилась на встречу еще до моего возвращения домой с Джулианом и Маркусом. Мы уже поужинали, и к тому времени, когда Наталия вернулась после деловой встречи, я успел уложить Маркуса. Я убирал за мальчиками, занимаясь обычными делами в конце дня, когда входная дверь распахнулась.

– *Tía Natalya!*^[18]

– Джулиан, я так рада видеть тебя. – Наталия опустилась на колени, и Джулиан бросился в ее объятия.

Поверх их голов я видел, как с подъездной дорожки задним ходом выезжает такси. Старый башмак размером с мою ладонь лежал на крыльце. Прижав к себе детские книги, деревянный поезд и одинокий шлепанец, я подобрал башмак и повернулся к Наталии.

– Я хочу показать тебе новый трюк, который я выучил. – Джулиан помчался в кухню. Я услышал, как открылась и закрылась раздвижная дверь.

Наталия встала и поцеловала меня в щеку.

– Привет.

Я улыбнулся.

– И тебе привет.

Медные пряди веером порхали вокруг ее лица, цеплялись за шею, прилипали к губам. Я отбросил их в сторону, задев ее подбородок башмаком.

– Ой!

Я смущенно хмыкнул:

– Это было неудачное движение.

Она покраснела и оглянулась. Такси уехало. Мои соседи Раймонд и Валенсия Наварро вышли на вечернюю прогулку. Они помахали мне, я помахал в ответ и закрыл дверь.

Джулиан выбежал из коридора, ведя футбольный мяч.

– Посмотри, тетя Нат. – Он подбросил мяч носком ноги, потом начал подкидывать его коленями. Наталия досчитала до шестнадцати, когда мяч отлетел от бедра Джулиана и едва не сшиб настольную лампу.

– Упс! – Джулиан побежал за мячом.

Наталия захлопала в ладоши:

– Впечатляет.

Я сбросил груз в отведенную для этого корзину, чтобы подняться наверх.

– Ты отлично двигаешься, сынок, – оценил я Джулиана из комнаты. – Но мячу место...

– На улице. Ага, я знаю.

Мы с Наталией вышли следом за Джулианом во двор и начали гонять мяч, сравнивая аккуратность ударов и умение блокировать. Джулиан отметил, что у меня получается хуже всех, но я не был полностью сосредоточен на мяче. Из головы не выходил разговор с Имельдой и то, как это отразится на будущем Джулиана.

– Ну, ты даешь, – вытаращился на меня сын, когда заметил, что я снова уставился на него и опять пропустил мяч.

Наталия с любопытством посмотрела на меня, и я покачал головой.

– Моя ошибка. – Я побежал за мячом и бросил его Наталии. С координацией профессиональной спортсменки она остановила мяч пяткой и передала пас Джулиану. Джулиан принялся выкладывать статистику футбольной команды «Алебрихес де Оахака», пока мы продолжали пасовать мяч. Наконец Наталия громко зевнула. Она прикрыла рот тыльной стороной руки. Джулиан зевнул следом и начал тереть глаза кулаками.

– Идем спать, будущий футболист. – Я подобрал мяч и бросил его в кресло.

Джулиан обнял тетю и пожелал ей спокойной ночи. Она чмокнула его в голову.

– *Buenos noches*^[19].

Я помог Джулиану с вечерним ритуалом: привести в порядок комнату, почистить зубы. Потом прочел ему короткую сказку. Он заснул еще до того, как я добрался до последней страницы. Отложив книгу в сторону, я поцеловал сына на ночь и взъерошил ему волосы, позволив своим пальцам задержаться. Он многое потерял в своей короткой жизни. Биологический отец его бросил, мать умерла, и теперь у него я.

Я погладил темные пряди цвета грецкого ореха. Волосы были жесткими от соли и летнего солнца. Для Джулиана существовало три сценария, для Маркуса – два, но все были связаны со мной. Власти могут забрать Джулиана из-под моей опеки под предлогом того, что усыновление было незаконным. Я могу оставить их. Это могло случиться завтра или через годы, но однажды я проснусь и не вспомню их. Что, если в той жизни я не хотел иметь детей? Неужели я просто уйду от них? Мне надо было обдумать такую возможность. Что будет с Джулианом и Маркусом, если я вернусь в Калифорнию?

Существовал и еще один сценарий, с которым я пытался смириться с прошлого декабря. Я не хотел, чтобы Джеймс получил опеку над детьми.

Волосы Джулиана выскользнули из моих пальцев, и я задумался, когда это произойдет с моими воспоминаниями о нем.

Я нашел Наталию в комнате Маркуса. Она стояла над его кроватью.

– Он так вырос, не могу поверить, – прошептала она, когда я подошел и встал рядом с ней. – Красавец.

Маркус заворчался. Он заворчал, поднял попу, простыня соскользнула с него. Потом чмокнул губами, и Наталия улыбнулась. Она натянула на него простыню и слегка похлопала по спине.

– Я по нему скучала.

А я скучал по ней. Мне хотелось сказать ей, что она тоже красива. Удивительный оттенок ее зеленых глаз, даже в этом неярком свете, падавшем в комнату Маркуса из коридора, всегда заставлял меня врасплох, когда я снова видел ее после месяцев разлуки. Но Наталия трогала меня тем, как она относилась к моим сыновьям. Она любила их так, словно они были ее собственными детьми. Из нее получилась бы невероятная мать.

– Хочешь пива?

Она одобрительно хмыкнула.

Мы спустились вниз. Наталия отодвинула дверь кухни, я вытащил бутылки из холодильника, открыл пробки. Когда я присоединился к ней, Наталия смотрела на звезды.

– Сегодня яркая луна.

Луна придавала ее лицу голубоватый оттенок.

Я передал Наталии бутылку.

– Спасибо.

Она подняла бутылку и сделала долгий глоток, потом вздохнула.

Цикады пели свою ночную песню, пальмы шелестели листьями под дуновением океанского бриза, достаточного для того, чтобы охладить то, что расплавил день.

Я уловил нежный аромат мыла в насыщенном солью воздухе. Наталия приняла душ, пока я укладывал Джулиана спать, и переоделась в платье, больше похожее на просторную футболку. Край платья едва прикрывал верхнюю часть ее бедер. Она скрестила в щиколотках свои поразительные ноги и прислонилась к опоре балкона над нами.

Я посмотрел в сторону и глотнул пива.

– Расскажи мне о своей встрече.

– Она прошла хорошо. Ужин был феноменальный. Мы ужинали в новом ресторане на улице Бенито Хуареса.

– В «Луне»?

Наталия кивнула.

– Я ела тако с рыбой махи-махи. Фирма Мари согласилась сделать для нас три эксклюзивных дизайна. Мы встречаемся через несколько дней, чтобы посмотреть некоторые варианты.

– Гейл уже на борту?

Наталия легко рассмеялась над моей шуткой, качая головой. Или она смеялась над своим отцом, или над тем и над другим.

– Еще не совсем, и ему не понравится встречное предложение Мари.

«Хейз Боардс», первоклассная фирма по производству досок для сёрфинга, основанная ее отцом Гейлом Хейзом и базирующаяся на Гавайях, была известна хорошей отделкой и отточенным дизайном. Их доскам не хватало уникальности. Они были слишком мужские и примитивные по цвету, по мнению Наталии. В последнее десятилетие число молодых девушек, увлекающихся сёрфингом, увеличилось в разы, и она намеревалась расширить целевую аудиторию «Хейз Боардс», включив в производство линейку досок с дизайном, притягательным для этого сегмента. Наталия нашла эту возможность в Мари Васкес, признанном в мире дизайнера досок для сёрфинга. Как художники, мы с Мари вращались в одних кругах, и я представил ее Наталии в прошлом ноябре во время *torneo*.

Наталия сделала еще один долгий глоток пива.

– Папа согласился заказать Мари три дизайна. – Она подняла вверх три пальца. – Мы сделаем цифровую печать на пленке из стеклопластика, наклеим ее на ограниченное количество лонгбордов и посмотрим, как они будут продаваться.

Я прижался спиной к противоположной опоре и повернулся к Наталии лицом. Температура упала, и я наконец почувствовал себя комфортно в льняной рубашке, в которой ходил целый день. Джинсы – это другая история, мне не терпелось надеть шорты.

– Что просит Мари?

– Ее имя на доске. Этого я ждала и не возражаю. А папа сочтет это предательством. Доски должны говорить сами за себя, имя дизайнера на них или имена профессиональных сёрферов, которые ими пользуются, – это лишнее. Вот почему у нас нет собственной команды спортсменов, хотя у многих наших конкурентов такие команды есть.

– Едва ли Гейл станет возражать, если доски будут продаваться быстрее, чем вы сможете их производить.

Наталия сверкнула улыбкой, ее зубы ярко выделялись на лице:

– Вот тут-то у него жила и лопнет. Она не согласна на обычную

предоплату. Она хочет получать отчисления с каждой проданной доски.

Я поднес пиво к губам и рассмеялся. Звук завибрировал в бутылке:

– У Гейла лопнет не одна жила.

Я отсалютовал Наталии бутылкой и сделал глоток.

Она состроила гримасу.

– А как насчет тебя? – Наталия постучала себя по лбу. – У тебя что-то на уме.

Я скрестил руки:

– Почему ты так говоришь?

Наталия допила пиво.

– Ты был не с нами, когда мы во дворе пасовали мяч. Ты был рассеянным. Поделиться хочешь?

Я пока не хотел. Я все еще обдумывал.

– Я в порядке. – Я протянул руку, готовый вернуться в дом.

Наталия посмотрела на меня с сомнением, но настаивать не стала. В соседнем доме в окне второго этажа блеснул свет, он привлек ее внимание.

– Кто там сейчас живет? Я не привыкла видеть этот дом таким темным и тихим.

В это время года все бывало иначе. Орала музыка, во всех комнатах горел яркий свет.

– Женщина из Штатов сняла его на лето.

– Из какого она штата?

Я поднял плечо, удивленный тем, что мне и в голову не пришло спросить Карлу.

– Понятия не имею. Но она кажется приятной. Смотрит, как дети играют на пляже.

Наталия зевнула, кивнула и махнула рукой в сторону раздвижной двери:

– Уже поздно. Я иду спать.

Я дотянулся до ее руки, когда Наталия направилась в дом. Она приняла мою руку, но не подняла на меня глаза, и я привлек ее к себе. Я даже вздохнул, настолько приятным был этот контакт. Объятия детей и приветствие «кулак в кулак» – это замечательно, но они не избавляли от одиночества.

Наталия обхватила меня руками, и я зарылся губами в ее волосах. Объятие было платоническим, пока я не позволил моим губам задержаться и двинуться вдоль по пробору. Наталия застыла, и я опустил руки, боясь, что переступил какую-то неведомую черту. Случай в душе произошел почти пятнадцать месяцев назад. Как будто вообще ничего не было.

Она отступила на шаг и посмотрела на меня, ее глаза вглядывались в мое лицо. Между бровями пролегла складка.

– Давай завтра после работы выпьем пива. Мы сможем поговорить о том, что тебя беспокоит. – Она улыбнулась.

Уголок моего рта дернулся вверх.

– Пиво – это здорово.

– Но не разговор, да? – Она погрозила мне пальцем. – Теперь я знаю, что с тобой что-то происходит. Не волнуйся, я не буду на тебя давить. Пока.

Наталия направилась в дом, и я последовал за ней. В кухне мы пожелали друг другу «спокойной ночи», и я проследил глазами, как она идет по коридору. Наталия остановилась и стала рассматривать фотографии на стене. Я знал, какая из них привлекла ее внимание. Это был снимок ее и Ракели на нашей свадьбе. Они согнулись от хохота. Обе были красивы в своих платьях. Ракель – в белом, Наталия – в лавандовом. Она коснулась пальцами губ, приложила их к стеклу. А потом скрылась в ванной.

Я отправил бутылки в мусорный бак и поднялся наверх, чтобы сделать записи. Так велел врач. Но то, что начиналось, как ежедневное упражнение в надежде вернуть мое прошлое, за последние шесть месяцев превратилось в инструмент для выживания. Если я потеряю себя и стану Джеймсом, мои воспоминания все-таки останутся со мной.

Глава 9

Джеймс

Настоящее время

22 июня

Лос-Гатос, Калифорния

– Эйми.

Ее имя заполнило комнату до того, как он понял, что произнес его вслух. Агония из-за невозможности видеть ее, слышать плавные переливы голоса, заключать тонкую фигуру в объятия, чувствовать женственные округлости твердым телом затопила пустоту у него внутри. Эйми едва не заставила его опуститься на колени.

Бутылка выскользнула из его пальцев, с глухим стуком упала на ковер. Янтарная жидкость вытекла на кремовые нити, намочила босые ступни. Но Джеймс этого почти не ощутил. Все его чувства были направлены на женщину в припаркованном перед домом автомобиле.

Фары погасли. После нескольких вздохов старых уродливых часов у Джеймса за спиной – семейное наследство, которое кто-то напрасно решил оставить, – они снова зажглись. Как будто Эйми пыталась решить, как ей поступить.

Она собирается уехать.

Джеймс едва заметил, как пробежал разделявшее их расстояние, как входная дверь ударилась о стену, потому что он с силой распахнул ее. Он поклялся себе, что не будет общаться с ней. У нее муж и ребенок. Джеймс не хотел нарушать ее жизнь, еще больше усложнять тот хаос, который создал Томас. Джеймс не хотел причинять ей еще больше боли. Ей больно так же, как и ему.

Но вот Эйми здесь, после нескольких лет разлуки, и ничто не помешает ему попасть внутрь этого автомобиля. Джеймс хотел ощутить ее рядом с собой. Он хотел услышать ее голос.

Джеймс громко постучал в пассажирское окно. Она дернулась в своем

кресле, повернулась к нему, вцепившись в руль обеими руками так, что побелели костяшки пальцев. Сложная смесь эмоций появилась на ее лице, это было видно в туманном свете уличного фонаря, заливавшем салон автомобиля. Джеймс увидел то же желание, которое чувствовал костным мозгом, и еще сожаление. Но было и разочарование, и обида на него. У Джеймса еще сильнее сжалось сердце. Он причинил ей боль и предал их доверие друг к другу. Он столько от нее утаил. И ему было так стыдно.

– Эйми, – он принялся дергать ручку, – открой дверь.

У него участился пульс. Джеймс чувствовал, как сердце бьется в горле. Кожа стала горячей и неприятной. Пот заливал подмышки.

– Пожалуйста! – Он снова дернул ручку.

Щелкнули замки, и Джеймс распахнул дверцу, скользнул в салон. Захлопнув за собой дверь, он прижался мокрой спиной к коже сиденья, чтобы не позволить себе броситься к Эйми. Легкие расширились, ноздри раздувались так, словно он пробежал десять километров. От быстро бьющегося сердца теснило в груди, когда он вдохнул ее аромат. Жасмин и цветки апельсина. Фирменные духи Эйми. Куда более сильные, чем воспоминание.

Их взгляды встретились над центральной консолью, и какое-то электричество пробежало сквозь Джеймса, свежий прилив эмоций. Он горячечно прошептал ее имя, выражая свое преклонение перед ней.

Водопад темных вьющихся волос – Джеймс когда-то запускал в них пальцы, когда глубоко целовал Эйми, – изящно падал ей на плечи. Глаза, голубизной напоминавшие Карибское море и так хорошо знакомые ему, были полны непролитых слез. Ресницы сверкали. Бледная тонкая кожа вокруг глаз припухла. Эйми недавно плакала. Пятна слез остались на ее джинсах.

Его рука потянулась к ней. Ему хотелось дотронуться до впадины на ее щеке, поцелуями осушить слезы, обнять и никогда не отпускать. Но Эйми больше не принадлежала ему, он не мог заботиться о ней, успокаивать ее тревоги. Гладкое золотое кольцо на ее пальце, яркое, словно звезда в свете фонаря, было мрачным напоминанием. Эйми больше не принадлежала ему.

Его рука упала на колени, Эйми проследила за ней взглядом.

– Ты дрожишь.

– Потому что мне отчаянно хочется прикоснуться к тебе, – хрипло ответил Джеймс.

Она отвернулась, теперь он видел ее в профиль. Мягкая линия носа, дрожащий подбородок. Ладонью Эйми вытерла влагу, от которой блестели ее скулы.

– Эйми! – У Джеймса тоже увлажнились глаза. Он быстро заморгал, справляясь со жжением. – Эйми, детка, скажи хоть что-нибудь.

Она на мгновение крепко зажмурилась, и Джеймс обругал себя за ласковое слово, сорвавшееся с его языка. Он не хотел спугнуть ее.

Эйми судорожно вздохнула:

– Последние два часа я наматывала круги вокруг твоего дома.

– Детка... – На этот раз ласковое слово его не испугало. Ему не нравилось, когда она была огорчена или печальна. Это его опустошало.

Она снова вытерла лицо. Ее рука дрожала, и сдержанность Джеймса разлетелась вдребезги. Он схватил ее пальцы, и из его глаз хлынули слезы.

Сначала Эйми пыталась вырвать руку, напуганная прикосновением, но потом крепко вцепилась в его ладонь. Она повернулась к нему, подобрав под себя ногу.

– Я узнала, что ты все вспомнил.

– Когда? В декабре?

И она не пыталась с ним связаться.

Эйми кивнула.

– Кристен позвонила мне после того, как ты позвонил Нику. Я всегда гадала, выздоровеешь ли ты. Карлос в этом сомневался. То есть ты сомневался. Но я продолжала надеяться. Я думала и о том, что будет дальше, когда ты все вспомнишь. Я думала об этом с самого начала, – спокойно призналась она.

– С Мексики?

– Да, с того дня, когда нашла тебя. – Эйми рассеянным взглядом посмотрела сквозь ветровое стекло, и Джеймс решил, что она, возможно, снова с ним в Пуэрто-Эскондидо. Об этом визите он знал только то, что записал в дневнике Карлос. Эйми была честна с ним и с собой. Это было трудно и больно читать, но Джеймс восхищался ее силой. Он понимал, почему ей пришлось уйти от него.

– Я не знала, как буду себя чувствовать, живя рядом с тобой, но не с тобой. Пойму, что я все еще люблю тебя? Оставлю Яна, чтобы быть с тобой? – Ее голос упал до еле слышного шепота. Она облизала губы и посмотрела на их соединенные руки, ее белоснежная ирландская кожа резко контрастировала с его темным мексиканским загаром.

– Ник позвонил вчера и сказал, что ты здесь. – Эйми махнула рукой в сторону дома. – Вместе с сыновьями. И вдруг... – Она замолчала, губы приоткрылись, как будто Эйми думала, как произнести то, что нужно было сказать ему. Джеймс ободряюще сжал ее пальцы, и она посмотрела на него из-под ресниц. – Вдруг я поняла, что мне не нужно больше гадать. Я знала.

Я не могу пригласить тебя на субботнее барбекю. И я не пойду в дом Ника и Кристен на вечеринку у бассейна. Не пойду, если там будешь ты. – Ее рот исказился в плаксивой гримасе, и Джеймс внутренне содрогнулся. Она права. Но слышать ее слова все равно было больно.

– Лучше бы... Лучше бы я послушала тогда Лэйси. Я могла найти тебя раньше. – Ее плечи затряслись, когда она заплакала сильнее, выдавливая из себя слова. – Но она была такая странная. Она напугала меня, я ее не знала, и мысль о том, что ты жив...

– Дорогая... милая, не надо, – сказал Джеймс. Она наносила удары себе, и он чувствовал каждый словесный укол. Он знал о подруге Имельды, той самой, которая подошла к Эйми на его похоронах. Имельда рассказала Карлосу, как Лэйси, которую она знала под именем Люси, попыталась убедить Эйми начать его поиски. Потом Имельда все-таки набралась храбрости разыскать Эйми. Она устала от предательства, была готова вызвать гнев Томаса и ненависть Карлоса ради его благополучия. Он имел право знать правду. Джеймс покачал головой:

– Не вини себя. Ты не виновата:

Эйми закусилась нижней губой и кивнула с отсутствующим видом. Джеймс изменил положение руки, переплел свои пальцы с пальцами любимой.

– Эйми. – Он снова и снова шептал ее имя. Он не мог остановиться и бормотал его, поднося их сплетенные руки к своим губам.

Она всхлипнула.

– Кристен сказала, что сегодня утром ты был в кафе. Поэтому меня там и не было. Я не могла быть там, вдруг бы ты... появился. Мне было... Мне было страшно. – Эйми замолчала, и новые слезы потекли по ее щекам тонкими ручейками, смачивая губы и скапливаясь на подбородке. Несколько слезинок упало на колени, оставляя новые пятна на узких джинсах, облежавших ее ноги. Джеймсу отчаянно хотелось, чтобы эти ноги обхватили его бедра.

Не успев осознать, что делает, он отстегнул ее ремень безопасности и перетянул Эйми к себе на колени. Одной рукой Джеймс обнял ее за талию, другую запустил в локоны, которые он так любил. Обхватив ее затылок, он подставил свое плечо, чтобы она могла на нем поплакать. К его удивлению, Эйми вместо этого поцеловала его.

Господи помоги, он поцеловал ее в ответ. И этот поцелуй обрушился на него с невероятной силой. Джеймс ужасно скучал по ней. По ее вкусу, прикосновению, аромату.

По ней.

В этот поцелуй они вложили все, что у них было, и все, что они потеряли. Их слезы смешались, когда они цеплялись друг за друга, дрожа в объятиях.

Джеймс прервал поцелуй, взял в ладони ее лицо, прижался лбом к ее лбу. Ему столько надо было сказать ей, столько объяснить. Джеймс знал, что ее беспокоило его нежелание говорить о родителях или о том, каково это – расти в доме, где любовь матери надо заслужить. Ему ничего не давалось даром. Особенно трудно было скрывать от нее правду о Филе, что он ему брат, а не двоюродный брат, как вся семья заставила верить окружающих. Каждый из них по-своему испытывал отвращение к тому факту, что мать состояла в кровосмесительной связи со своим братом. Джеймсу было стыдно. Его семья и то, как они относились друг к другу, то, как мать пренебрегала его искусством, то, как отец наказывал его, – все это смущало Джеймса.

Но, оглядываясь назад, он понял, почему Фил был таким лодырем. Мать отказывалась открыто признать его своим сыном. Да, в то время он был сыном исполнительного директора «Донато Энтерпрайзес», но для внешнего мира имя матери, родившей его, оставалось тайной. Дядя Грант никогда не говорил о ней. Он так и не признался в том, что спал с собственной сестрой, пока Фил и Джеймс не увидели их не просто в объятиях друг друга.

В глубине горла Джеймса возник звук отчаяния. Слова просились на язык. Он хотел объяснить, почему последовал за Филом в Мексику. Сказать, что «Донато Энтерпрайзес» пошла бы ко дну, если бы Фил продолжать вливать на ее счета деньги от продажи наркотиков. Федералы конфисковали бы всю их собственность. Джеймс все потерял бы, включая собственные мечты. Если бы его вложения превратились в дым, он бы не смог открыть художественную галерею, он не смог бы обеспечивать такую жизнь, которую заслуживала его будущая жена. На гонорары художника этого не сделаешь. Филу незачем было нападать на Эйми, чтобы добраться до него. Отмывания денег хватило бы для того, чтобы уничтожить Джеймса. Это почти разорило Томаса.

Но не эти слова сорвались с его губ. Джеймс поцеловал Эйми в лоб, в висок и в скулу.

– Прости меня за то, что я оставил тебя. Мне не следовало покидать тебя, – сказал Джеймс, и Эйми зарыдала громче. – Прости меня за все. Мне следовало сказать тебе о Филе. Мне следовало быть рядом с тобой, помочь тебе преодолеть...

Эйми всхлипнула, и, прежде чем Джеймс понял, что происходит, она

уже оказалась на своем сиденье и пристегивала ремень безопасности, оставив холод и пустоту там, где ее тело прижималось к его телу. Джеймс почувствовал внутри такой же холод и такую же пустоту.

Слезинки цеплялись за ее подбородок. Он вытер одну пальцем, и Эйми вздрогнула. Она снова обеими руками вцепилась в руль и включила зажигание.

– Эйми? – Джеймс запнулся, произнося ее имя. Он чувствовал, что она отдаляется и уносит его с сердце с собой.

– Я люблю тебя, Джеймс, – прорыдала она, не глядя на него. – Я всегда буду любить тебя. – Эйми подняла на него глаза карибской голубизны. – Но я люблю Яна. Я так сильно его люблю. У нас красивая дочка. Мы назвали ее Сарой в честь мамы Яна. Мы семья, очень счастливая семья.

Его сердце упало. Она убивала его. В глубине души он знал, что они больше никогда не будут вместе, но эти слова, произнесенные ею, вышибли из него дух.

Он не мог дышать. Ему нужно было выйти из этого автомобиля.

Джеймс дернул за ручку и распахнул дверцу. Он выбрался из машины, пока не натворил глупостей, не вернул ее к себе на колени, не поменялся с ней местами и не увез в ночь. Джеймс тихо закрыл дверцу и посмотрел вдоль улицы, не зная, что сказать еще или что сделать.

Или куда идти.

Он не хотел возвращаться в дом. Джеймс не чувствовал его своим. Он никогда не будет чувствовать себя тут как дома, чего не скажешь о том доме, который когда-то принадлежал им с Эйми.

Пассажи́рское окно опустилось.

– Джеймс?

Джеймс заставил себя посмотреть на нее в последний раз, потому что это вообще мог быть последний раз. Он начал понимать, что не сможет жить рядом, но не с ней.

Она перегнулась через пассажирское сиденье, чтобы посмотреть на него снизу вверх:

– Я прощаю тебя.

Это испепелило его душу, он напряженно кивнул.

Эйми отпустила тормоз, включила скорость и уехала. Джеймс сунул руки в карманы и смотрел ей вслед, пока задние фонари машины не моргнули и Эйми не скрылась за углом. Исчезла из его жизни. Пальцы вцепились в помолвочное кольцо, которое он носил с собой с декабря. Кольцо, которое она больше никогда не наденет.

Ему хотелось проклясть этот мир.

Он хотел избить Томаса до полусмерти.

Телефон завибрировал: пришло сообщение. Томас звонил ему весь вечер. «Какого черта ему нужно?» Джеймс выудил из кармана мобильник. На экране высветились четыре сообщения.

Фила выпустят в следующий вторник.

Сейчас говорю с ним по телефону. Он хочет вернуться в мамин дом.

Проклятье, Джеймс, я клянусь, что ничего ему не говорил, но он знает, что ты жив. Откуда он узнал, черт побери?

Он хочет тебя увидеть. Хочет поговорить о том, что произошло на лодке в Мексике. А что произошло?

Глава 10

Карлос

Пять лет назад

25 июня

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

После обеда сеньора Карла появилась в «Эль-Студио дель Пинтор». Она видела Джулиана на пляже, и он сказал ей, где найти мою галерею.

– Твои работы так отличаются, – как зачарованная произнесла Карла. Она оделась в короткие белые брюки и розовую блузку, сшитые на заказ. Несколько браслетов упали из-под рукава и остановились на запястье, когда она опустила руку. Когда она двигалась, сверкали бриллианты.

– Отличаются от чего? – спросил я, закатывая рукава и подходя к Карле.

Она дернула острым плечом.

– От того, что я ожидала. Они яркие и динамичные.

Я взглянул на картину, которой она любовалась, сёрфер на огромной волне. Я использовал импрессионистский подход, работал мастихинами. Холст был густого голубого цвета, сёрфер – невесомое тело, как будто он парил над сверкающей поверхностью волны. Сёрферы описывали это чувство парения в воздухе, когда они ловили очень высокую волну, и мне хотелось это передать в картине.

Карла перешла к следующему полотну, еще один сёрфер на гребне не такой высокой волны опережает ее изгиб, его фигура – только силуэт на фоне заходящего солнца.

– Единство сюжета и красок... подход, который ты используешь... перспектива... общий тон... они передают... – Она постучала согнутым пальцем по подбородку и искоса посмотрела на меня. – Я пытаюсь найти верные слова.

Я подбоченился.

– Давайте попробуем. Что картины заставляют вас чувствовать?

– Заставляют *чувствовать*? – Губы цвета розового лимонада, который любил Джулиан, приоткрылись. Она повернула голову обратно к картине и некоторое время молчала. – Они заставляют меня пожалеть о том, что я не присоединилась к сыновьям, когда они занимались сёрфингом.

Я опустил глаза на шлифованный бетонный пол, пряча улыбку, представив Карлу на доске для сёрфинга. Потом откашлялся в кулак, мои брови поднялись:

– Вы хотите прокатиться на сёрфе?

Вид у нее стал встревоженный:

– Господи, нет. – Ее плечи поднялись и удрученно опустились. Она взяла рекламный буклет из ящика рядом с картинами. – Мне было неинтересно смотреть на них. Совершенно непродуктивное занятие.

А как *насчет соревнований мастеров*? Я прикусил нижнюю губу, чтобы не критиковать Карлу за анализ моих картин. Любое занятие Джулиана завораживало меня, и то же самое будет с Маркусом, когда он подрастет.

Она перелистала проспект, прочла описание картин, потом вернула его на место.

– У тебя смелый и свежий стиль. Ты очень умело владеешь кистью.

– Вы говорите, как критик. – Она и была критиком для своих сыновей, что, возможно, объясняло ее отдых в одиночестве. Карла сказала, что когда-то у нее было три сына. Но она не сказала, что они умерли.

Карла провела рукой по серебристым волосам и убрала на место выбившиеся пряди. Завязанные на затылке волосы падали прямой линией вдоль ее жесткого позвоночника. Осанка Карлы и утонченные черты говорили о многом. Звучит, как клише, но она была из богатых.

– Я не критик. Стараюсь не быть им.

Мои глаза чуть сузились, когда в голову пришла одна мысль. Если предположить, что она из богатых, то в ее юности наверняка были балы и уроки музыки. Уроки живописи. Я посмотрел на ее руки с тонкими костями.

– Вы художница.

Она рассмеялась так, словно мое заявление было нелепым, и медленно покачала головой.

– Нет. С тех пор, как... – Карла замолчала и пошла прочь.

– Держу пари, что когда-то вы писали красками.

– В другой жизни. – Ее рука коснулась рыбацкой лодки, вырезанной из куска прибитого к берегу дерева. Она подняла голову и посмотрела на меня. – Я не писала с юности.

– Почему вы перестали писать?

Она пожала изящными плечами.

Мне пришла в голову мысль, и я широко улыбнулся. Хлопнул в ладоши, звук отозвался в галерее громким эхом. Карла вздрогнула. Я ткнул пальцем в ее сторону.

– Вам надо начать писать снова. Прямо сейчас.

Ее рот открылся, выражение лица было почти комичным.

– Никогда не поздно научиться живописи. Или, как в вашем случае, начать снова.

Ее пальцы схватили верхнюю пуговицу на блузке.

– Но... но... я не пишу красками.

– Но вы делали это раньше. Почему не начать снова? Вы на отдыхе.

Уголки ее губ опустились. Она прижала руки к груди, сплетя пальцы. Сеньора Карла нервничала, возможно, даже была немного напугана. Что заставило ее отказаться от живописи?

Желание облегчить ее дискомфорт заставило меня двумя большими шагами сократить расстояние между нами. Я схватил ее за руки. Пальцы у нее были такие холодные, как будто она была на далеком севере, на снежном, хрустящем морозе. Я успокаивающе сжал ее руки.

– У меня наверху мастерская, где я даю уроки. Пиа! – крикнул я через плечо.

Карла напряглась, и я быстро улыбнулся ей.

Пиа, мой администратор, выглянула из-за потертых страниц любовного романа, который она читала. *Dios!* Надо ей сказать, чтобы она прятала обложку от наших клиентов.

– Пригляди за галереей, – сказал я ей. – Я буду учить сеньору Карлу снова писать красками.

– *Sí*, Карлос. – Пиа улыбнулась Карле, прежде чем ее лицо снова скрылось за книгой.

Губы Карлы недовольно сжались в тонкую нитку.

Я согнул руку, продел ее руку под свой локоть и жестом указал на дверь. Вход в мастерскую располагался выше на один пролет наружной лестницы.

– Сюда.

Карла замедлила шаг, когда мы вышли во двор. Она подняла глаза на витую металлическую лестницу.

– Я не уверена насчет этого...

Я поднял палец.

– Одна картина, и больше я вас никогда не побеспокою.

Пиа высунула голову из двери.

– Не забудь о встрече в три часа, – напомнила она по-испански.

Я посмотрел на часы. Два пятнадцать.

– Давайте посмотрим, что мы сможем сделать за сорок пять минут.

Карла замялась, потом решительно кивнула:

– Хорошо, я даю тебе сорок пять минут.

Я улыбнулся и повел ее наверх, пока она не передумала.

* * *

К моему удивлению, сеньора Карла решила остаться, когда я извинился и сказал, что у меня встреча. Я продемонстрировал ей несколько приемов работы кистью, мазки крест-накрест для создания глубины, накладывание светлых красок поверх темных для эффекта неровного покрытия и нанесение тонких слоев прозрачных красок, которое имитировало стекло. Она ловила приемы на лету, как талантливый спортсмен, пропустивший несколько сезонов после травмы. Карла захотела написать цветы. Я одолжил букет, который в галерею принес бойфренд Пии в честь годовщины их отношений. Я пообещал вернуть вазу до того, как цветы завянут.

– Там, где ты, Карлос, там исчезают вещи, – проворчала Пиа, отмахиваясь от меня книгой в духе мягкого порно. – Ты как белка. Берешь вещи и прячешь их в этом своем доме на пляже. Что ты делаешь? Запасы на зиму? Готовишься к апокалипсису?

Ага. К собственному апокалипсису.

– Я уношу домой только газеты и книги и только после того, как ты их прочтешь.

Она вцепилась в роман:

– Эту я тебе не дам.

Мои глаза расширились:

– Об этом не волнуйся, Пиа.

Я закрыл за собой дверь и поспешил наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Оформив натюрморт, чтобы Карла могла его написать, я сразу спустился вниз, чтобы встретиться с покупателем, заказавшим картину для своего ресторана. Когда мы закончили, я вернулся к Карле. Погруженная в работу, она вздрогнула. Я положил руку ей на плечо и нахмурился. Карла дрожала. Я посмотрел на нее:

– Что-то не так?

Она элегантно указала на холст:

– Это было так давно. Это ужасно.

Карла шутила? Зритель-любитель никогда бы не увидел разницу. Ее способность смешивать краски была гениальной.

– Великолепное начало, – сказал я так, словно говорил с ученицей и не хотел обескураживать ее. Честно говоря, я был более чем впечатлен. У Карлы был талант.

Ее рука описала дугу над палитрой смешанных масляных красок. Мы начали со знакомых ей масляных, а не с акриловых красок. Карла глубоко вздохнула:

– Я забыла, как сильно люблю этот запах.

Я рассмеялся. Только серьезный художник ценит острый, химический запах краски. Я похлопал ее по плечу:

– Вы скучали по этому.

И посмотрел вниз, почти пропустив ее кивок.

– Хорошо, потому что мы должны кое-что сделать.

Я подошел к шкафу с материалами.

– Что мы должны сделать? – В ее голосе прозвучала нотка паники.

Я развернулся и поднял палец.

– *Uno momento*^[20]. – Я сверкнул широкой улыбкой. Ее глаза расширились. Интересно, что пришло ей в голову. Вероятно, она подумала, что я сумасшедший. Скажу в свою защиту, что я и в самом деле вел себя слишком рьяно, когда новый ученик демонстрировал страсть и обещания.

Я встряхнул бумажный пакет с ручками и положил в него кисточки для начинающих, три чистых холста и набор масляных красок, потом протянул пакет ей. Она нервно посмотрела на него.

– Мы, сеньора Карла, собираемся сделать так, чтобы вы продолжали писать. Возьмите это с собой.

– Нет... нет, нет, нет. – Она помахала пальцем. – Это была однократная попытка. Я не могу... – Карла перевела взгляд с меня на пакет в моей руке.

– Вы можете, и я настаиваю на том, чтобы вы продолжали. Вы великолепны. Оставьте вашу картину здесь, пусть она сохнет. – Я жестом указал на влажный холст. – Возвращайтесь на следующей неделе, и я дам вам следующий урок. А вы... – я постучал пальцем по палитре, и уголки моего рта поползли вверх, – можете дать мне урок по смешиванию красок.

Она опустила подбородок и улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла, Карла нахмурилась.

– В вашем доме есть верхний этаж с великолепным естественным освещением, окна там огромные, – предложил я.

– Да.

– Идеальное место для студии на лето.

Она дернула за пуговицу на воротничке блузки и отвернулась.

– Карла, – прошептал я, потом решил рискнуть, – здесь нет никого, кто запрещал бы вам писать.

Дверь мастерской распахнулась, и вошла Наталия. Карла отступила назад, увеличивая расстояние между собой и пакетом с материалами, которые ей следовало взять домой.

Наталия улыбнулась, и комната вдруг стала теплее и как будто ожила с ее приходом. Мой пульс участился, во рту пересохло. Я ушел утром, еще до того, как она проснулась, сначала на долгую пробежку, пока день не стал слишком жарким и невыносимым, а потом – в галерею. Наталия выглядела потрясающе. Медные волны волос танцевали вокруг ее лица, кожа покраснелась от жары на улице. На ней было летнее платье приглушенных тонов, обнимавшее все изгибы, которые мне хотелось написать.

Наталия закрыла за собой дверь и ухватилась за ремешок сумки, пересекавший грудь.

– Пиа сказала, что ты здесь, наверху.

– И ты нас нашла. – Я вытянул руку. – Иди сюда и познакомься с моей соседкой на это лето.

Наталия подошла ко мне и встала рядом. Я положил руку ей на поясницу и посмотрел на нее. На ресницах было немного черной туши, губы блестели от капельки блеска. Я откашлялся и отвернулся.

– Нат, это – сеньора Карла.

Наталия протянула руку:

– *Buenos días*^[21]. Рада с вами познакомиться.

Карла на мгновение соединила кончики пальцев. Ее взгляд метнулся от Наталии ко мне и обратно.

– А это – Наталия Хейз, – представил я свояченицу. – Она моя...

– Она твоя подружка? – Голос Карлы прозвучал визгливо.

Мы с Наталией переглянулись.

– Нет, – одновременно ответили мы. Почему она так решила?

Вероятно, из-за меня. Я скорчил гримасу. Обо всем ей рассказало выражение моего лица, когда Наталия вошла в комнату. *Замечательно.*

Я провел пальцами по волосам.

– Она – член семьи. Тетя моих сыновей, – объяснил я.

Взгляд Карлы снова метнулся между нами:

– О... о.

Я практически мог читать ее мысли между нахмуренным лбом и

расширившимися глазами. Она знала, что моя жена умерла. Карла улыбнулась, на ее лице появилось извиняющееся выражение, когда она потянулась за сумочкой.

– Мне пора идти. – Карла с тревогой посмотрела на дверь.

Я протянул ей пакет с материалами для живописи:

– Не забудьте это.

Карла свирепо посмотрела на меня.

– Это ваше? – Наталия обошла нас и встала перед мольбертом с холстом Карлы. – Очень хорошо.

Карла мяла свою сумочку.

– Спасибо. – Ее глаза не отрывались от сумки. Я потряс содержимое пакета. – Ладно. – Карла взяла пакет. – Было приятно познакомиться с вами, мисс Хейз. Спасибо... Карлос. – Она запнулась на моем имени, потом повернулась, чтобы уйти.

Я взял кисть и принялся катать ее в ладонях.

– Я запишу вас на следующую неделю на тот же день и час. – Карла остановилась у двери, и я указал кистью на ее пакет. – На улице Оахака есть магазин с необходимыми материалами. Просто на всякий случай.

Карла нахмурилась. Я поднял руки, сдаваясь, и пожал плечами. Она открыла дверь и вышла.

Я повернулся к Наталии и улыбнулся, высоко подняв брови.

– Она интересная, – сказала Наталия.

– Вот именно, – согласился я. – Она невероятная. – Я указал кистью на холст.

Наталия вытащила ее из моей руки:

– Ты выколешь кому-нибудь глаз.

– Она давно не писала красками, и мне пришлось уговаривать ее подняться сюда. – Я начал очищать инструменты, которыми пользовалась Карла. – Как все прошло с Мари?

Наталия собрала волосы, скрутила всю массу в подобие «конского хвоста» и опустила на одно плечо. Потом обмахнула лицо ладонью. Наталии всегда требовалось несколько дней, чтобы привыкнуть к нашей сухой жаре.

– Встреча прошла хорошо. До какого часа семейство Силва присмотрит за мальчиками?

До утра. Мысль пронеслась в моей голове, словно горный велосипед вниз по склону. Лицу стало жарко.

– Давай узнаем. Они мне должны. – Я отправил сообщение.

– А мне ты должен пиво.

Я оторвал глаза от экрана:

– Гейл согласился с условиями Мари?

– Не-а. – Наталия выглядела сконфуженной.

Я сунул мобильник в задний карман.

– Ты еще ему не сказала.

Она покачала головой:

– Но я принесла Пии стопку новых книг.

Я прищурился.

– Это триллеры. И никакой обнаженки на обложке.

– Я должен тебе больше, чем одно пиво.

* * *

– Мари предлагает радикальные дизайны, – рассказывала Наталия, пока мы шли пешком в бар «У Альфонсо», чуть выше по улице, чем галерея. – Она показала мне пять рисунков. – Я во время встречи отправила их папе, и мы выбрали три. Позволь мне тебе показать.

Мы остановились на углу. Туристы наводнили пешеходную улицу, направляясь домой с пляжа или собираясь поужинать. Я шел следом за Наталией, глядя на экран через ее плечо. Мимо прошла шумная группа, натолкнувшись на нас. Я обнял Наталию, чтобы мы сохранили равновесие. Она не напряглась и не отодвинулась, и я с любопытством посмотрел на нее. Ее внимание было сосредоточено на телефоне.

– Вот они. – Она показала мне первый набросок – мозаику узоров желтого и оранжевого цвета, напоминающих солнечные лучи, выглянувшие из-за тучи.

Я коснулся ее руки и повернул экран так, чтобы он не бликовал. Наталия откинулась назад, на мою грудь, и, не раздумывая, я опустил голову во впадинку на ее плече. От нее пахло пляжем и чем-то экзотическим. Я вдохнул глубже. Мандарины. «Черт, как сексуально».

Наталия чуть отодвинулась и обернулась ко мне:

– Ты меня только что понюхал?

Лицо обдало жаром. Слава богу, у меня постоянный загар, поэтому она не увидела, как горят мои щеки.

– О, боже! От меня воняет? – Наталия понюхала подмышку, и я рассмеялся. Она помахала полами рубашки. – Я забыла, как здесь жарко и сухо.

– Ты замечательно пахнешь, Нат. – Больше чем замечательно. Я сжал

ее бедро. – Покажи мне остальные.

Она перешла к следующей картинке – дизайну из цветов и океанской волны, выполненному в черно-белом варианте, а потом показала третью с изображением подводного мира с рыбой и осьминогом.

– Вот эта моя любимая.

– Гм-м, покажи еще раз первую.

Наталия вернулась назад.

– А это моя любимая.

Она вывернулась в моей руке, чтобы снова посмотреть на меня. Выражение ее лица смягчилось.

– Ты любишь солнце.

Я кивнул, и дымка меланхолии окутала меня, обвиваясь вокруг сердца. Мир вокруг нас замедлился, потускнел, остались только я, Наталия, мой разговор с Имельдой и гнетущее «а что, если» в центре моей жизни. Когда сработает переключатель в моей голове?

– Каждый закат – это еще один день, который у меня есть с сыновьями. Каждый восход – это...

– Еще один день, когда ты помнишь день предыдущий, – закончила за меня Наталия.

Моя рука упала с ее талии.

Наталия полностью повернулась ко мне и положила ладонь мне на щеку, ее пальцы обвились вокруг моей шеи. Я почувствовал легкий нажим, как будто она пыталась притянуть мое лицо к своему лицу. Ее губы открылись, и никогда еще мне так отчаянно не хотелось ее поцеловать, как в тот момент. Но ее большой палец скользнул по моей щеке, и на лицо вернулось выражение озабоченности.

– Ты думаешь о фуге.

– Не бывает так, чтобы я о ней не думал.

Мне напоминают об этом каждый день, когда я сажусь писать. Это причина, по которой я пишу.

Наталия нахмурилась:

– Тогда в чем дело? Томас звонил тебе?

– Не мне. Имельде. – Я схватил ее пальцы и потянул за руку. – Я расскажу тебе об этом позже. Идем. Меня мучит жажда.

Напряженный, изнемогающий от жары, я повел ее к бару. Из динамиков гремела музыка – дуэт гитаристов создавал волшебство фламенко. Дым от гриля на улице цеплялся за потолок, принося запах фирменных рыбных тако из теста на пиве, которые подавали в баре «У Альфонсо». Мои друзья Рафаэль Галиндо и Мигель Диас уже заняли места

у барной стойки. Я познакомился с ними в спортзале. Иногда по выходным мы катались на горных велосипедах, а когда я мог оставить детей, мы встречались, чтобы выпить пива.

Я похлопал Мигеля по плечу.

– Привет, Карлос, друг. – Мы потолкались кулаками, когда он заметил позади меня Наталию. – *Mí bella novia americana*^[22]. – Он обнял ее.

– Две вещи ты понял правильно. Я американка, и я красива.

– Ты разбила мне сердце. – Мигель стукнул себя кулаком в грудь. – Раз ты не хочешь быть моей подружкой, почему бы тебе не показать, что ты вытворяешь на волнах?

– В твоих мечтах. – Она чмокнула его в щеку. – Девушки-сёрферы никогда не раскрывают свои секреты.

Я пожал руку Рафаэлю. Мы обменялись парой слов, потом я извинился и заказал две «маргариты» со льдом. Мы отнесли их в патио, и Наталия заняла освободившийся столик. Я поднял стакан:

– Пью за Мари и за новую линию досок с новым дизайном твоей компании. За твой успех.

Наталия отпила коктейль:

– М-м-м, как вкусно. – Она промокнула уголки рта. – Я не сомневаюсь, что их примут хорошо, поэтому придумаю, как убедить папу принять условия Мари. Но давай поговорим о тебе. – Наталия отодвинула в сторону стакан и подалась вперед, локти на столе, пальцы сцеплены. – Что происходит с Томасом и Имельдой? Я думала, он перестал тебе звонить.

– Он перестал. – Я оглядел переполненный патио. – Послушай, я не могу говорить об этом прямо сейчас.

Наталия нахмурилась:

– Потому что здесь слишком шумно или потому что ты не готов?

– Слишком много народа. – Я отхлебнул «маргариты». Лед стукнул о мои зубы. Я поставил на стол почти пустой стакан и позвал официантку, чтобы заказать нам еще. Я подвинул стул ближе к Наталии и наклонился к ее уху, чтобы она могла меня слышать:

– Ты помнишь, как в прошлом декабре я попросил тебя усыновить моих детей?

Она фыркнула.

– Ты был здорово пьян. – Я продолжал смотреть на нее, и она тоже смотрела на меня. – Ты же говорил несерьезно?

– Ты подумала над этим? – Мы с тех пор не затрагивали эту тему, избегая говорить об усыновлении, как и об инциденте в душе.

– Разумеется, нет. Зачем мне усыновлять их, если ты способен

вырастить их сам?

Я постучал по своей голове.

– Человек без прошлого, ты помнишь?

– Прошло уже больше двух лет, Карлос, и ты все еще ты.

– Я должен принять меры предосторожности.

– Собираешься отдать своих детей? Господи, в этом нет никакого смысла. – Наталия пальцами прочесала волосы, убирая медную завесу со своего лица. – Неужели ты до сих пор думаешь, что ты такой же негодяй, как и твои братья?

– Да.

Как я мог думать иначе? Я сам попал в такую ситуацию, меня бросили в чужой стране. А потом была еще и та история, которую мне рассказала Эйми. Я был встревожен своим поведением по отношению к ней. Кто, черт побери, так поступает?

Наталия отпустила свои волосы и провела пальцем по краю стакана. На меня она не смотрела.

– Я знаю, что вы с Ракель провели не слишком много времени вместе, но она не могла выбрать для своих сыновей лучшего отца.

– Так вот кто я для тебя? Отец твоих племянников? – Я откинулся на спинку кресла, мое настроение скисло, дополняя кисловатый напиток. – Просто зять?

Наталия моргнула, пораженная моим тоном и тем, как я изменил направление разговора. Мне не стоило спрашивать об этом, не здесь и не таким образом. Но... слова уже повисли между нами, словно дым от гриля. Я ждал, пока она либо примет ставший очевидным факт – я испытываю к ней чувства, – либо отмахнется от этого, как от дыма, щиплющего глаза. Мое сердце бешено билось.

Краска залила ее веснушчатую кожу, начиная со щек и до выпуклостей груди. У меня пересохло во рту, и я поднял глаза. Наталия прищурилась, ее щеки напряглись, так сильно она стиснула челюсти. *Отлично. Теперь она разозлилась.* Мне не стоило этого говорить. Наталия отодвинула кресло и встала как раз в тот момент, когда официантка вернулась с нашими напитками.

Я вскинул голову:

– Ты куда?

Наталия перекинула сумку через плечо.

– Я не хочу говорить об этом сейчас.

– Но ты сказала...

– Черт возьми, Карлос. Ты и Джеймс – это один и тот же парень.

Наталия вылетела из бара.

Я выругался, бросил банкноты на стол, отодвинул «маргариту» и побежал за Наталией. Она прошла уже два квартала, когда я нагнал ее, схватил за руку выше локтя и развернул.

– Почему ты ушла от меня?

Наталия вырвала руку и свирепо посмотрела на меня:

– Не смей бросать сыновей. И не смей отказываться от себя. Подумай, как ты разозлишься, когда обнаружишь, что отдал их.

– Откуда я знаю, захочу ли я вообще детей?

– Вот именно. Ты не знаешь. Я встревожена тем, что ты думаешь об этом.

– Почему ты считаешь, что это легко? – спросил я со сталью в голосе. – Я думаю об их безопасности. Могу поспорить, что, став Джеймсом, я увезу их в Калифорнию, прямиком в лоно той семьи, которая оставила меня здесь. – Я указал на след от пули, скрытый под рубашкой. Теперь он был похож на блеклый след от шины. – Мой старший брат пытался меня убить. Хочешь, чтобы твои племянники росли рядом с такими людьми?

– Не перекладывай это на меня. Не заставляй меня чувствовать себя виноватой.

Я открыл рот, чтобы возразить. В мои намерения не входило вызывать у нее чувство вины. Мне только хотелось, чтобы она поняла мою точку зрения. Но она остановила меня суровым взглядом. Я поднял руки и отступил на шаг назад.

Наталия в отчаянии прижала ладони к вискам.

– Все это настолько сбивает с толку. – Она удрученно вздохнула, опустила руки и принялась изучать трещину на бетоне. – И о твоём другом вопросе.

– О каком вопросе?

– Ты для меня больше, чем просто зять.

Ах, этот вопрос.

– Послушай, Нат, я не хотел...

Наталия встретилась со мной взглядом, и желание, которое я увидел в ее глазах, перевернуло меня, как волна переворачивает сёрфера, когда он скользит по ее внутренней стороне.

– Нат...

– Я люблю тебя. Всегда любила. И чувствую себя ужасно из-за того, что использовала тебя.

Что? Я смотрел на нее во все глаза, лишь слегка сбитый с толку. Мой

мозг работал в миллионе направлений, пока я не нащупал то единственное, что имело смысл.

– В тот раз в душе? Почему ты так думаешь? – Это были самые удивительные десять минут, которые случились за последние несколько лет.

– Брось, Карлос! Неужели ты действительно настолько глуп?

– Очевидно, да. Просвети меня.

Она открыла было рот, но тут же закрыла его. Ноздри у нее раздувались, когда Наталия развернулась, волосы веером прикрыли плечи. Она пошла прочь.

И что теперь? Я вскинул руки.

– Куда ты идешь?

– Домой.

– Но мой джип стоит там. – Я указал в сторону галереи.

– Я возьму такси, – крикнула Наталия через плечо.

Я остался стоять посреди тротуара, огорошенный. Что, черт подери, только что произошло?

* * *

Я забрал Джулиана и Маркуса из дома Силва и отвез в темный и пустой дом. Наталия не ответила, когда я постучал в дверь ее комнаты. Я заглянул внутрь. Неяркий голубой свет от фонарей патио показал, что комната так же пуста, как и весь дом. Обеспокоенный, я отправил Наталии сообщение. Она рассердилась, но не настолько, чтобы провести всю ночь вне дома. Может быть, она решила снять номер в отеле. От этой мысли мне стало не по себе, потому что я хотел видеть ее. Нам надо было поговорить о Джулиане и Маркусе. Нам надо было поговорить обо мне. И нам нужно было что-то делать с признанием, которое она бросила на улице так, словно диван упал с движущегося грузовика. Она не может уехать от этого.

Когда Наталия не ответила на мое сообщение, я позвонил. Из угла комнаты я услышал, как вибрирует телефон. Он по-прежнему лежал в ее сумочке. Наверное, она оставила вещи и пошла прогуляться.

Было уже поздно, поэтому я уложил мальчиков спать и пошел в свою комнату, чтобы переодеться в шорты и рубашку. Потом отправился на поиски Наталии. Она любила вечерние прогулки и скорее всего сейчас гуляла по пляжу. Или бежала как заведенная и била себя за то, что сказала мне.

Я провел руками по волосам. *Dios!* Она любила меня. Любила все это время.

И ни слова об этом не сказала.

Почему?

Занавески надулись, привлекая мое внимание. Раздвижная дверь на балкон была открыта. Я вышел на улицу и обнаружил Наталию. Завернувшись в одеяло, она лежала в шезлонге. Воздух остыл. Она смотрела на океан. Вода лизала берег, и этот звук не попадал в ритм моего хаотично бившегося сердца. Не считая Ракели, Наталия значила для меня больше, чем кто-либо из тех, кого я встретил за последние несколько лет. Она была моим единственным другом, единственным человеком, которому я доверял. Она была уверенной в себе, сострадательной и настолько же независимой, насколько красивой. Я обожал в ней все.

Я любил ее.

Но по причинам, которых я не мог понять, она чувствовала себя виноватой за тот единственный раз, когда поделилась собой со мной. Она думала, что использовала меня. Она думала, что соблазнила.

Ну да, как же. Я фыркнул.

Вытерев влажные ладони о шорты, я сел в соседний шезлонг лицом к ней. Одинокая слеза скатилась по ее щеке. Я провел большим пальцем по ее гладкому лицу, и Наталия схватила меня за запястье, поцеловала в ладонь. Потом отпустила мою руку.

Грудь Наталии поднялась от глубокого вдоха.

– У меня брат и сестры в разных странах благодаря моему путешествовавшему по всему миру отцу, который не может держать член в штанах. Я люблю своего брата в Южной Африке и сестру в Австралии, но Ракель я любила больше всех. Мы были ближе всех друг к другу.

– Она чувствовала то же самое по отношению к тебе.

Наталия крепче стянула плед на плечах.

– Биологический отец Джулиана был мерзавцем. Лучшее, что он сделал, это отказался от своих прав, чтобы ты смог его усыновить. Когда мы познакомились, мне хотелось ненавидеть тебя. – Она с извиняющимся видом посмотрела на меня. – Ракель влюбилась в тебя так сильно и так быстро. Я думала, что ее сбил с толку очередной подонок. Все случилось слишком поспешно, и ты был...

– Искалеченным.

– Нет! – воскликнула она. – Как ты можешь так думать?

– Я был полной развалиной.

Уголки ее рта опустились.

– Да, но было очевидно, что ты любишь ее так же сильно, как и она любила тебя. Вот почему я ненавидела себя за то, что меня тянет к тебе. В те недели после смерти Ракели я влюбилась в тебя, а потом буквально навязала себя тебе. Какая сестра так поступает? – Наталия с отвращением покачала головой, и мне захотелось обнять ее, стереть поцелуями чувство вины.

– Нат, – сказал я. Она вытерла слезы. – Нат, посмотри на меня. – Она послушалась, и ее прекрасные зеленые глаза блеснули в свете луны. – Ты не заставляла меня заниматься с тобой любовью.

– Я пришла к тебе в душ, зная, что тебе больно. Я воспользовалась этой болью.

– Нам обоим было больно. Мы оба хотели утешить эту боль. Я любил Ракель, и я дорожу тем коротким временем, которое мы были вместе. Но тогда в душе между нами что-то произошло. Нечто такое, что мы не можем больше игнорировать. Я так думаю. – Я считал, что нам *не следует* это игнорировать.

У нее перехватило дыхание.

– Я чувствую то же самое, Нат. Я люблю тебя, – прошептал я, стягивая к себе одеяло. Мне хотелось, чтобы она села ко мне на колени, где я мог бы поцеловать ее покрытую веснушками кожу и уткнуться лицом в ямку на ее плече, вдохнуть ее аромат. Мне хотелось похоронить все, что могло увести меня от нее и моих сыновей.

Не отрывая от меня глаз, Наталия встала. Одеяло соскользнуло с ее плеч и упало к ногам.

Черт побери.

– Ты голая. – Нервы, возбуждение, предвкушение, все эмоции, заставлявшие мое сердце гулко биться, а голову кружиться, устремились вниз.

У нее вырвался низкий переливчатый смех. Наталия вжала мои плечи в шезлонг и оседлала меня. Я схватил ее бедра. Моя разумная сторона хотела задать несколько вопросов. Уверена ли Наталия? Как это изменит наши отношения? Но другой моей стороне, пылавшей два года, надоело, что ее игнорируют.

Я провел руками по бокам Наталии, обхватил затылок и поцеловал ее. Черт побери, она умела целоваться. Ее губы были изысканными, аромат опьянял. Господи, как мне понравился ее запах.

Мой рот накрыл ее губы, и она начала судорожно расстегивать мою рубашку. Потом ее руки оказались на моей ширинке, и тут моя разумная сторона схватила ее за запястья. Она опустила подбородок и посмотрела на

меня сверху. В ее глазах загорелось смущение, нижняя губа задрожала от уязвимости. Мне хотелось покрыть поцелуями ее всю.

– У меня нет презерватива, – удалось мне выговорить, мой голос звучал хрипло, как наждачная бумага. Я не был с женщиной почти два года. У меня никого не было после нее и тех удивительных минут в душе.

Наталия закрыла глаза и покачала головой:

– Он нам не нужен.

Она принимала противозачаточные таблетки.

Из моих легких вышел весь воздух.

Она провела большим пальцем по моей нижней губе, и я прикусил нежную плоть. Ее глаза вспыхнули. Потом ее губы коснулись моих, и я пропал. Захваченный желанием, которое она вливала в меня, и своей потребностью обладать ею. Прямо здесь. На балконе.

Какая разница, что нас могли увидеть?

Нам точно было все равно.

Она расстегнула «молнию» на моих шортах, и я приподнял бедра. Потом я поднял ее, мои большие пальцы скользнули по жестким полоскам шрамов на бедрах, и усадил ее на себя. Мне хотелось спросить о шрамах, которые я заметил раньше, когда Наталия надевала купальник и которых теперь впервые коснулся. Но ощущение от того, что я оказался внутри Наталии, лишило меня слов. Мы застонали и начали скользить навстречу друг другу, наше дыхание становилось все чаще. Я вбивался в нее, как будто пытался достичь той ее части, которую она скрывала от меня до этого вечера. Тогда она открыла свои чувства и убежала, как будто ожидая, что я отброшу их от себя, словно завернутый подарок, со словами «спасибо, нет».

А я поступил наоборот. Я принял ее признание и запер его внутри, там, где она оставила кусочек себя много месяцев тому назад. Потому что с Наталией я чувствовал себя целым. Неискалеченным.

* * *

Спустя короткое время Наталия лежала на моей груди, наше тяжелое дыхание возвращалось к ровному ритму. Я провел пальцами по ее позвоночнику, зачарованный тем, что только что произошло между нами. Мне хотелось еще.

Она задрожала. Я потянулся за одеялом и накрыл нас. Обняв ее за талию, я поцеловал Наталию в лоб. Она вздохнула и поцеловала меня в

шею.

– Я думала, – пробормотала она.

Я тоже думал. О том, чего я хотел для своих сыновей, о том, кто я и что будет дальше с Наталией. «Выходи за меня» было готово сорваться с губ.

– О чем? – спросил я.

Она поставила локти на мою грудь и оперлась подбородком на кулаки. Ее губы оказались на расстоянии поцелуя, но, когда наши взгляды встретились, я остановился. Наталия кусала нижнюю губу. Уязвимость вернулась.

– Так что?

– Тебе следует поехать в Калифорнию.

– Что? – Все тепло, которое мы создали, рассеялось, как будто надвинулся холодный фронт. У меня внутри все застыло. Руки упали с ее талии. – Зачем?

– Ты выяснишь...

– Что я выясню? – Я едва сдержался, чтобы не взорваться. Что у меня фальшивое удостоверение личности и меня арестуют, когда я буду садиться в самолет? – Я взъерошил волосы и обхватил ладонью затылок.

Она села, одеяло собралось у нее за спиной.

– Кто ты такой, вот что. – От раздражения и нетерпения ее тон стал резким.

И рискнуть забыть себя? Я мог увидеть лицо или пейзаж. Я мог услышать голос. Все, что угодно, могло вырвать меня из состояния фуги.

– Я не путешествую.

– Послушай, Карлос, я знаю, что тебе страшно.

Я сжал зубы.

Наталия взяла мое лицо в ладони, и я едва справился с желанием отвернуться. Возможно, мужчине просто не нравится, когда ему в лицо говорят, что он напуган.

– Ты знаешь о Джеймсе уже шесть месяцев. Ты не думаешь, что настало время перестать прятаться от того, кто ты такой?

– Я не прячусь. Я...

– И потом тебе надо встретиться с Эйми.

– Мне... Что?

Наталия встала, завернулась в одеяло, отвела глаза.

– Она знает тебя лучше, чем кто-либо.

Глава 11

Джеймс

Настоящее время

25 июня

Саратога, Калифорния

Джеймс не видел другого выхода. Он и мальчики должны уехать на остров Кауаи. В дом Наталии. Томас хотел, чтобы Джеймс и Фил встретились в его офисе, но Джеймс не видел в этом смысла. Он все еще не помнил, что произошло в тот день, а пока он этого не вспомнит, Фил будет отрицать, что стрелял в Джеймса из ружья. От братьев Джеймса заставляло бежать отчаянное желание Карлоса обеспечить безопасность Джулиана и Марка. А он не сможет этого сделать, пока шансы встретить в кухне Фила намного больше, чем шансы на то, что он вспомнит, что именно спровоцировало состояние фуги.

А еще ему нужно было подумать о том, куда он и его сыновья направятся. Поскольку он принял тот факт, что не сможет жить в одном городе с Эйми. Его решение вернуться в Лос-Гатос – это всего лишь еще одна ошибка в неправильных рассуждениях.

Но Ник считал, что как раз переезд на Кауаи – это ошибка. Лучший друг сказал Джеймсу многое, пока они на заднем дворе дома Гарнеров жарили на гриле стейки. Джеймс только тогда рассказал о своих отношениях с Наталией.

– Разумно ли это? – спросил Ник.

Жить в доме женщины, которую он любил? Вероятно, нет. Они знакомы уже почти семь лет. Пять лет они были близки, делили постель, желания и страхи. Но, если бы не фото на стене, он не вспомнил бы ее лицо, не говоря уж хотя бы о единственном моменте, проведенном в ее обществе. Нет, он не будет испытывать неловкость, живя в ее доме.

У него засосало внизу живота, как бывало всегда, когда он думал о ней. Возможно, ему следует снять номер в гостинице.

– Мальчики ей доверяют. – Джеймс повращал янтарный эль, который пил.

Ник, казалось, задумался над этим. Он убавил температуру гриля и снял два стейка, оставляя порции Джулиана и Кристен поджариваться дольше. Для своих дочерей и Марка он еще раньше поджарил хот-доги. Со щипцами в руке Ник вытер потный лоб тыльной стороной запястья.

– Если ты оставишь между собой и Филом лишнюю тысячу миль, это не помешает ему добраться до тебя.

Джеймс знал об этом. Но он собирался уехать не только для того, чтобы избежать встречи с Филом. Глубоко в кармане шортон он сжимал помолвочное кольцо Эйми, то надевая его на кончик пальца, то снимая.

– Джулиан и Марк будут там с ней в большей безопасности.

Ник едва не уронил стейк Кристен.

– Ты собираешься оставить их с ней?

– Так далеко я не загадывал.

– Сейчас как раз подходящее время начать. – Ник пристально посмотрел на друга.

Джеймс отмахнулся от него.

Но Ник был прав. Джеймс опять убежал. Он поступил опрометчиво, когда последовал за Филом в Мексику. И столь же опрометчиво он поступил, когда подошел к Филу возле той забегаловки, бара на пляже.

Джеймс застыл, прижавшись губами к горлышку бутылки, когда в его мозгу вспыхнуло и погасло воспоминание, словно сигнал на экране радара: Фил сидит за столом с двумя мужчинами. Судя по одежде, цвету кожи и манере поведения, местными. Картинка исчезла до того, как он смог увидеть лица мужчин и место. Джеймс крепко зажмурился. Когда он заставлял себя видеть картинки, у него болела голова.

Кристен крикнула из дома, что салат и картошка готовы. Николь взвизгнула за столом в патио, ей ответил смех Марка. Ник выложил на блюдо последний стейк и смахнул с гриля оставшиеся кусочки. Джеймс взял блюдо, чтобы отнести его в дом.

– Да, мальчики доверяют Наталии. После того, что я прочел, я тоже ей доверяю.

Настоящее время

27 июня

Два дня спустя Джеймс и его сыновья вернулись в аэропорт. Джеймс думал о женщине, которую увидит через шесть часов. «Она – член семьи», – напомнил себе Джеймс, проходя досмотр в аэропорту следом за Джулианом и Марком. До этого момента она была единственным человеком, который его не подвел и не пытался контролировать тот или иной аспект его жизни. На самом деле, все было с точностью до наоборот. Наталия была больше чем свояченицей для него и больше чем тетей для его сыновей. С точки зрения Джеймса, он был перед ней в долгу. Называйте его любопытным, но ему хотелось встретиться с женщиной, которая когда-то любила его.

К тому времени, когда они сняли свои вещи с ленты багажного конвейера и Джеймс надел обувь, Марк уже приплясывал от нетерпения.

– Я писать хочу. – Он прижал руку к причинному месту.

Джеймс махнул рукой Джулиану.

– Идите в туалет, оба, потом завтрак.

После визита в туалет и короткой схватки с Марком по поводу мытья рук Джеймс заказал горячий шоколад и пончики для сыновей и кофе и овсянку для себя. Они отнесли свой завтрак в зону вылета, полную отдыхающих в ярких нарядах с тропическими узорами, и нашли единственное свободное место у окна. Марк влез в кресло, встал на колени, чтобы посмотреть на самолет, и тут же уронил пончик за кресло. Малыш посмотрел на Джеймса. Нижняя губа у него задрожала.

– Идиот, – оценил Джулиан, разламывая свой пончик пополам. Половинку он отдал брату.

– Спасибо. – Марк шмыгнув носом и впился в пончик.

Джеймс увидел, как его старший сын опустился на пол, прижимаясь спиной к рюкзаку, и это свободное падение соединилось с дежавю, как будто он шагнул с причала для ныряния. Он часто видел в Марке себя. То, как он сгибает пальцы, как будто держит кисть, когда ему хочется рисовать. И то, как он смотрит на старшего брата, как будто слова Джулиана – это евангелие. Но впервые он увидел себя и Томаса в том, как общаются Марк и Джулиан. Джулиан враждебен и любит командовать младшим братом. Джеймс обругал себя за это. Мальчики за последние полгода пережили несколько меняющих жизнь событий. Но, несмотря на перемены, Джулиан по-прежнему присматривает за Марком, а тот продолжает идеализировать старшего брата. Они ближе друг к другу, чем к нему. То же самое было у них с Томасом по отношению к родителям.

Джеймс снял крышку со стаканчика кофе и подул на поверхность, вспоминая один момент, когда Томас спас его. Как-то раз Джеймс заглянул

после школы в магазин художественных принадлежностей, чтобы купить новые кисти и тюбики с краской. Но он так торопился переодеться и встретиться с Ником и их общими приятелями в парке и поиграть в футбол, что оставил свой рюкзак с покупками на диване в гостиной. Он вернулся домой спустя пару часов, потный, перемазанный травой и грязью и увидел Филадельфия, который, сидя в столовой, просматривал его записи по геометрии. Учебник, раскрытый на параграфе, который изучал Джеймс, лежал возле локтя Филадельфия. Открытый рюкзак Джеймса стоял на стуле рядом с ним.

– Что ты делаешь с моими вещами? – Взгляд Джеймса заметался между Филадельфием и рюкзаком. Он не хотел показывать, что ищет принадлежности для живописи, но где они? Пакет с покупками исчез. Он слышал, как мать в соседней комнате разговаривает по телефону. Неужели она взяла пакет?

Джеймс свирепо посмотрел на Филадельфия, а тот спокойно поднял глаза от тетради.

– Мама сказала, что ты провалил последний тест. Я подумал, что могу помочь тебе.

Джеймс прищурился. По математике он успевал лучше, чем по другим предметам. Должно быть, он пропустил пару вопросов, но для мамы это было равноценно провалу на экзамене. Ему не нужна была помощь Филадельфия в учебе. И он точно не хотел, чтобы Фил без разрешения рылся в его вещах.

Джеймс закрыл учебник, бросил его в рюкзак и попытался вытащить тетрадь из-под руки Филадельфия. Она не шелохнулась. Джеймс потянул снова, и Фил медленно улыбнулся, откидываясь на спинку кресла. Он оперся локтем о спинку и дернул подбородком в сторону Джеймса:

– Чем занимался?

– Играл в футбол с ребятами. – Он забрал свою тетрадь.

– И все?

Джеймс застегнул «молнию» на рюкзаке и закинул его на плечо.

– Все, – ответил он, выходя из столовой.

– Я только хотел помочь, – крикнул ему вслед Фил.

Джеймс через плечо показал ему кукиш. Потом заглянул в гостиную и начал искать пакет, сначала под диваном, потом за столом. Он даже пробежал взглядом по столам в кухне, прежде чем уйти в свою комнату. Там Джеймс сбросил рюкзак на кровать и остановился, потирая руки. Неужели он оставил пакет в магазине? Нет, он точно помнил, как убрал его в рюкзак.

Слишком взволнованный, чтобы осознать, что он весь в грязи, Джеймс сел за письменный стол и попытался сделать уроки. Он катал карандаш

между ладонями, опустив его кончик на открытый учебник. Джеймс сунул пальцы в слипшиеся волосы и сжал их. Сердце билось в горле, острые и тупые углы расплывались перед глазами. Он бы не отказался от стакана воды, но за водой идти не хотелось, чтобы не наткнуться на мать. Чем дольше он сидел в своей комнате, глядя на домашнее задание, тем сильнее становилась уверенность в том, что мать обыскала его рюкзак и нашла покупки. Это был всего лишь вопрос времени, она скоро поймет, что он дома. И запрет его на месяцы.

Раздался тихий стук в дверь. Джеймс развернулся в кресле и широко раскрытыми глазами уставился на дверь. Она чуть приотворилась, появился пакет с покупками, покачивающийся на согнутом пальце. Спустя несколько секунд широкие плечи Томаса заполнили весь дверной проем. Брат закрыл за собой дверь и бросил пакет Джеймсу. Тот подхватил его на лету.

– Где ты это нашел?

– На полу в столовой. – Томас плюхнулся на кровать Джеймса, лег на спину, заложил руки за голову и скрестил лодыжки. – Держу пари, что он вывалился в тот момент, когда Фил рылся в твоих учебниках. Подонок...

– Спасибо, что прикрыл меня. – Джеймс спрятал пакет в самом нижнем ящике стола, под стопкой старых школьных тетрадей. – Он бы точно мне этого не спустил.

– Не его вина, что он такой, какой есть. – Брат схватил бейсбольный мяч, засунутый Джеймсом в перчатку, валявшуюся на полу, подкинул мяч вверх и поймал его в сантиметре от собственного носа.

– То есть это я виноват, что он рылся в моих вещах?

– Он просто пытается тебя разозлить. – Томас снова подбросил мяч, потом привстал, сел на краю кровати и поймал мяч, все одним движением. Опершись локтями на колени, он перебрасывал мяч с ладони на ладонь. – Помнишь, мама пару дней назад возила нас в торговый центр. Мы там встретили папину секретаршу.

– Миссис Лоренци? – Она была такой же высокомерной, как и их мать, и ей следовало бы выйти на пенсию лет десять назад.

– Ты же знаешь, что мама, папа и дядя Грант не признаются на публике в том, что Фил – мамин сын?

– Да. И что случилось?

Томас пожал плечами:

– Ты же знаешь маму. Она не может не говорить о том, какой он замечательный. «Мой племянник то, мой племянник се». – Томас изобразил тон и ритм материнского голоса. Потом потер лоб. – Думаешь, Фил

гордился комплиментами? Ничего подобного, ему было явно не по себе, он даже скис. Мне стало жаль парня.

Джеймс нахмурился:

– И какое это имеет отношение к тому, что он придурок?

Томас дернул плечом:

– Не знаю. У меня такое чувство, что наши родители и дядя Грант создают себе проблему. Наступит день, когда Филу надоест называться нашим двоюродным братом. – Томас резко бросил мяч, Джеймс поймал его и отложил в сторону. Брат встал и подошел к двери. – Эйми знает о Филе? – В его голосе прозвучало любопытство.

Джеймс поджал губы и покачал головой. Ему было слишком неловко рассказывать ей правду. Это отвратительно, что мать спала с собственным братом. Это все равно что спать с Томасом, если бы он был девушкой. Насколько это неприлично? Джеймс еще помнил, как их семью подвергли осмеянию перед отъездом из штата Нью-Йорк.

– Да, думаю, мы оба хорошо поработали, сунув этот скандал под ковер. Я тоже никому ничего не говорил. – Томас повернул ручку и задержался, не открывая дверь. – Хочешь совет?

Джеймс уже повернулся к столу и домашнему заданию. Он посмотрел на Томаса:

– Какой?

– Поступай так же со своей живописью. За последнее время ты уже пару раз прокалывался.

Джеймсу нечего было возразить. Он стал беспечным. Он посмотрел на ящик стола, в котором спрятал пакет с покупками.

– Если бы не работать на компанию мамы и папы после колледжа, чем бы ты хотел заниматься?

Томас немного помолчал:

– Не знаю. Я об этом пока не думал.

– А если бы подумал?

– Отец Брайана Хольстрема работает на ФБР. Он рассказывал нам крутые истории. – Томас пожал плечами, потом поднял руку с растопыренными пальцами. – Ужин в пять.

Брат закрыл за собой дверь, оставив Джеймсу ровно четыре минуты, чтобы привести себя в порядок, и одну минуту, чтобы сесть за стол. Джеймс помчался в ванную, и мысли о Филе ушли прочь вместе с потом и грязью.

Над головой захрипел динамик, напоминая Джеймсу о том, где они находятся и почему. Скоро начнется посадка на рейс. Джеймс поддел

подбородок Джулиана носком своей кроссовки.

– Это было мило с твоей стороны, – сказал Джеймс, имея в виду пончик, которым пожертвовал Джулиан. – Ты хороший брат.

Джулиан не ответил, только посмотрел на него, потом снова уткнулся в телефон, засунув остатки пончика в рот.

Стоя рядом с сыновьями, Джеймс допил кофе и принялся за овсянку, добавив к ней пакетик орешков и сухофруктов. Пока он ел, в поле его зрения попадали то шлепанцы, то лоферы. Он выскреб дно миски и доедал последнюю ложку, когда перед ним остановилась пара сандалий, украшенных искусственными бриллиантами. Блеск был невероятный. Потом он почувствовал присутствие их владелицы и напрягся. Пульс бился в горле. Ему незачем было видеть, кто одет в сшитое на заказ открытое платье с тонким кожаным поясом на изящной талии. Ему незачем было поднимать взгляд выше крошечной перламутровой пуговки у выреза и смотреть в художавое лицо, чтобы понять, кто перед ним.

Только что проглоченная овсянка тяжело упала в желудок. *Какого черта?*

– Привет, Джеймс, – поздоровалась с ним мать, скупно улыбаясь.

Во второй раз за эту неделю он невероятно удивился ее неожиданному появлению.

Джеймс во все глаза смотрел на женщину, которая лгала ему и его сыновьям в течение пяти лет. Это та самая женщина, которая настолько ненавидела его талант, что велела вернуть первый набор масляных красок, который подарила Эйми на его двенадцатый день рождения. «Это легкомысленный талант, Джеймс, он не стоит того, чтобы ты тратил на него свое время».

И это говорила женщина, которая сама была художником. Блестящим художником. Он видел картину в коридоре второго этажа их дома в Пуэрто-Эскондидо. В своих дневниках Карлос описывал и другие ее работы, которые она написала во время своего длительного пребывания в Мексике.

Кровь стучала в ушах.

– Зачем ты здесь?

Лицо Клэр исказилось. Ее еле заметная улыбка исчезла.

– Сеньора Карла! – Марк вскочил и обнял Клэр, оставляя сахар и крошки на ее открытом платье. Она даже глазом не моргнула, но ее улыбка вернулась, став ярче и шире.

– Вы едете на Гавайи? Вы останетесь с нами? Тетя Наталия будет очень рада вас видеть. – Марк быстро говорил по-испански, не в силах сдержать свое возбуждение.

Джулиан, сидя все в той же позе, поднял голову, его глаза расширились, он был удивлен не меньше Джеймса, увидев ее в аэропорту. Джулиан медленно поднялся, снял наушники, повесил их на шею. Мальчик посмотрел на Джеймса, потом снова на Клэр, и Джеймс понял, что очень скоро его сын догадается, кто такая Клэр и что она скрывала от него долгие годы.

Клэр поцеловала Марка в макушку, потом проделала то же самое с Джулианом, медленно теплевшим. Она обняла его, потом встретилась с жестким взглядом Джеймса.

– Ты не будешь против, если я к вам присоединюсь?

– Мы отойдем на минуту, – сказал он детям, схватил Клэр за руку и отвел ее в сторону.

– Джеймс, – ахнула она.

Он остановился возле урны, бросил туда миску из-под овсянки, повернулся к матери. Он стиснул зубы, чтобы не повышать голос и держать его под контролем.

– Возможно, в Мексике у нас была странная дружба, но факт остается фактом. Ты воспользовалась моей потерей памяти. Не... жди, что мы начнем с того места, на котором закончили.

– Не разговаривай со мной таким тоном. – Ее глаза метнулись влево, потом вправо. Клэр волновало, что они привлекают к себе внимание.

Джеймс разжал пальцы, его рука упала вдоль тела.

– Зачем ты здесь?

Ее отполированные ногти играли с перламутровой пуговицей у выреза.

– Томас сказал мне, что вы уезжаете. Он подумал, что я захочу узнать об этом. – Лицо Клэр смягчилось. – Тебе может пригодиться моя помощь. Мальчики знают меня.

– Как сеньору Карлу. Я думал, что ты не разговариваешь с Томасом.

Лицо матери скривилось в гримасе.

– Мы разговариваем исключительно по необходимости. Джеймс, дорогой, пожалуйста. Ты достаточно давно не был дома, и Томас не знал, когда ты вернешься. – Она посмотрела за спину Джеймса. – Я скучаю по ним. Я не видела их с прошлого декабря.

По позвоночнику Джеймса скользнул холодок, словно альпинист, поскользнувшийся на скале.

– Ты была в Мексике в прошлом декабре?

Клэр явно удивилась:

– Разумеется. Я прилетала каждый год, сразу после Дня благодарения

и оставалась на все рождественские каникулы.

Но он ее не видел. С точки зрения Джеймса, это означало только одно: она поняла, что он все вспомнил, и уехала из страны.

Из динамика раздалось приглашение пассажирам первого класса пройти на посадку. Клэр открыла сумочку и достала свой билет.

– Ты не единственный родитель в этой семье, кто беспокоится о благополучии детей.

С каких это пор она беспокоится о нем?

– Набор дорогих кистей не восполнит те годы, когда ты игнорировала то, к чему я когда-то испытывал настоящую страсть.

Клэр резко захлопнула сумочку и нахмурилась.

– Что значит «когда-то испытывал»?

– Ты, наконец, добилась желаемого, мать. Я перестал писать.

Она сунула сумочку под мышку, отвернулась и стала смотреть, как багаж грузят в самолет.

– Я все же полечу. У меня есть билет и забронирован номер в гостинице.

На посадку пригласили следующую группу пассажиров, и люди двинулись к выходу. Джулиан нетерпеливо посмотрел на Джеймса и произнес одними губами:

– *Идем.*

Джеймс поднял палец, давая понять, что он подойдет через секунду, потом снова повернулся к матери:

– Я не могу остановить тебя. Но я могу и буду регулировать твое общение с моими сыновьями.

– Когда ты собираешься рассказать им обо мне?

– Не уверен, что я это сделаю.

– Но я их бабушка. Ты не имеешь права не подпускать меня к ним.

– Ты шутишь? – Из груди Джеймса вырвался короткий смешок. Он с отвращением посмотрел на мать. – У меня есть такое право.

Он покачал головой, все еще смеясь над ее нахальством, и вернулся к сыновьям.

На посадку пригласили остальных пассажиров.

– Хватайте вещи, ребята. Пора идти.

– Где вы сидите, сеньора Карла? – спросил Марк, когда они встали в очередь.

– Впереди.

– Кто бы сомневался. – Джеймс возился с «молниями» на сумке в поисках билетов.

Джулиан бросил на него странный взгляд:

– Что не так?

– Жизнь, Джулиан. – Джеймс вручил сыну билет. – Не потеряй.

– Да неужели? – парировал мальчик. – Что, по-твоему, я собираюсь сделать? Уронить его по дороге к выходу?

В этот момент женщина с маленьким ребенком рванулась вперед, толкнула Джулиана в плечо и выбила билет из его руки. Билет упал на пол.

Джеймс фыркнул от смеха. Не удержался.

– Заткнись, – пробурчал Джулиан. Но уголки его губ дрогнули в улыбке, когда он подобрал билет.

Джеймс похлопал Джулиана по плечу и оставил там руку, пока они шли к выходу. К его удивлению, сын руку не сбросил.

Глава 12

Карлос

Пять лет назад

8 июля

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Я проснулся, когда солнце поднялось над гребнем гор на востоке, пробежал свои обычные десять километров по улицам Пуэрто-Эскондидо и финишировал на плотном песке пляжа Сикатела. Над головой проплывали рваные облака, открывая участки золотисто-голубого цвета, электричество пронизывало воздух. Ветер дул с моря.

Наталия ждала меня, когда я поднялся по берегу с горящими икрами и мокрым от пота телом. Она сидела на невысокой кирпичной стене и пила кофе. Наталия уезжала через несколько дней. Я отвезу ее в аэропорт, поцелую на прощание и заставлю пообещать, что она позвонит мне, как только самолет сядет. А она снова спросит меня, когда я собираюсь лететь в Калифорнию.

Я остановился перед ней, и она улыбнулась:

– Доброе утро.

Положив руку ей на затылок, я быстро и крепко поцеловал ее:

– Доброе утро.

Наталия сморщила нос:

– Тебе необходим душ.

– Только если ты присоединишься ко мне. – Я сел с ней рядом, нагнулся, чтобы развязать кроссовки, и застонал.

– Тяжелая пробежка?

– Хорошая пробежка.

Она улыбнулась и отпила кофе:

– Я размышляла.

Я с насмешливым недоверием посмотрел на нее из полусогнутого положения:

– Это впечатляет.

– Ха-ха. – Она игриво толкнула меня в плечо. Потом ее лицо снова стало задумчивым.

– Следующие несколько месяцев работа будет сумасшедшая.

– Лонгборды Мари?

Она кивнула:

– Я буду очень занята производством и маркетингом. До турнира я не вернусь.

– То есть до ноября? – Это будет самая долгая разлука с момента нашего знакомства. И теперь, когда наши отношения приняли новый оборот, она покажется еще дольше. Утром после нашей первой совместной ночи мы перенесли в мою комнату вещи Наталии. И с того дня она каждую ночь оставалась со мной.

Я скинул кроссовки и промокшие носки, хмурясь от незнакомой боли в груди.

– Ты не передумала насчет нас?

– Нет, что ты. – Она коснулась моей руки, наши пальцы переплелись. – А думала я вот о чем... Да, я на это способна, – пошутила она, и я улыбнулся. – Если твоя поездка в Калифорнию состоится... – она постучала по своей голове, напоминая о моей фуге и о том, что я все еще буду Карлосом, – как насчет того, чтобы навестить меня? До ноября так далеко.

– Не знаю, Нат. – Я высвободил свою руку. – Я еще не решил, поеду ли вообще.

– Но ты согласился встретиться с Эйми. Мы говорили об этом.

– Не знаю, смогу ли я поехать. Возможно, я не смогу выехать из страны.

– Ты по-прежнему волнуешься о своих документах?

– Было бы глупо не волноваться.

– Ну... если Джейсон Борн сделал это, то и ты сможешь.

– Кто такой Джейсон Борн?

Наталия открыла рот, чтобы объяснить.

– Не важно, – прервал я ее, вставая. Отошел на несколько шагов, подбоченился и повернулся к Наталии. – Я вчера позвонил Томасу. – Ее рот снова открылся. – Он сказал, что мои документы в порядке. Когда я спросил, как такое возможно, он отказался рассказывать об этом, особенно по телефону. Он объяснит только при личной встрече.

– Что ты ему сказал? Он прилетит сюда?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею. Я бросил трубку.
– Карлос... – Наталия всплеснула руками. – Почему?
– Ты смеешься надо мной? Все эти шпионские страсти и есть причина того, почему я не хочу иметь ничего общего с этой семьей.

– Ты имеешь в виду, со своей семьей. – Она нетерпеливо вытаращила глаза и встала, отряхивая юбку. – Хочется тебе этого или нет, ты с ними связан, и есть только один способ выяснить, нравятся ли тебе они. Поезжай в Калифорнию. Посмотри, как они живут. Встреться с друзьями и выясни, какой ты. Поговори с Эйми.

– А когда я выясню, что я именно *такой*, как они?

Наталия вздохнула, ее взгляд блуждал по пляжу:

– Не знаю. Давай поговорим об этом, когда ты вернешься?

Я вдохнул и на мгновение закрыл глаза.

– Да. – С этим я соглашусь. Пока. Потом мне в голову пришла мысль и тут же вылетела из моего рта. – Мы могли бы просто пожениться.

– Карлос... – Ее лицо погрузнело.

– Я думал, ты меня любишь.

– Ты знаешь, что люблю, – с жаром прошептала она.

Но недостаточно для того, чтобы выйти за меня или переехать в Пуэрто-Эскондидо.

Я развернулся лицом к океану, но не видел его.

– Забудь о том, что я спросил, – бросил я через плечо, потому что она была права. Мне лучше узнать себя до того, как связывать свою жизнь с другим человеком.

Я услышал, как Наталия вздохнула, потом почувствовал ее руки на своей талии. Она поцеловала меня в спину, и я накрыл ее пальцы своими.

– Мы с этим разберемся, Карлос. Вот увидишь. – Наталия прижалась щекой к моей спине. – Ты намного лучше, чем думаешь о себе.

Я посмотрел вверх, на небо и на исчезающее солнце. Зарокотал гром, и я почувствовал вибрацию глубоко в костях. За моей спиной, в безопасности дома, спали мальчики. Час все еще был ранний для летнего утра. Томас сказал, что мое удостоверение личности и все остальные бумаги – настоящие. Но разве я мог верить его словам после того, через что он заставил меня пройти?

Однако, если документы не поддельные, это значит, что я, по закону, отец Джулиана.

Осознание этого принесло некоторое успокоение. Но оставило меня с тяжелым сердцем. Я не был склонен доверять Томасу, вот только в этот момент у меня не было выбора. Поездка в Калифорнию – это единственный

способ успокоиться. И только там я мог все выяснить о Джеймсе. Мне оставалось лишь надеяться, что я слетаю туда и вернусь, не потеряв свою личность ни в голове, ни на бумаге.

Глава 13

Джеймс

Настоящее время

27 июня

Лихуэ, Кауаи, Гавайи

Джеймс не мог сидеть спокойно. Пальцы барабанили по подлокотнику кресла, отделявшего его от кресел сыновей, колени дергались. Он взял у Марка цветной карандаш, чтобы держаться хоть за что-нибудь. Это не кисть художника, но беспокойным пальцам было все равно. А самому Джеймсу было все равно, почему он нервничает.

К концу перелета Джулиан раздраженно посмотрел на него, поэтому Джеймс встал и прошелся по проходу. Когда загорелась надпись «Пристегните ремни» и объявили о посадке, у него свело мышцы груди. Наконец он встретится с Наталией лицом к лицу. С женщиной, с которой был близок. Всего полгода назад их отношения казались серьезными, с сексуальной перепиской и бессонными ночами, полными любви.

Джеймс застонал, рухнул в свое кресло, резко застегнул ремень безопасности. Он сказал сыновьям, чтобы они начинали собирать свои рюкзаки, и помог Марку уложить цветные карандаши, подобрав упавшие на пол. Их было пять. Примерно столько же раз он говорил по телефону с Наталией после того, как к нему вернулась память. Первый раз он позвонил ей утром того дня, когда Джулиан достал из шкафа металлический ящик и положил его отцу на колени. Сын набрал код и вышел из комнаты. Позже Джеймс нашел Джулиана внизу, мальчик рыдал по телефону. Пока Наталия из своего дома на Гавайях успокаивала племянника, Джеймс читал документы и письма из сейфа. Потом его вырвало в туалете, и он позвонил Томасу.

У Джеймса было такое чувство, будто он вот-вот потеряет сознание. Паника и неверие практически перекрыли ему кислород. Ему хотелось взять билет на первый же рейс домой. Вместо этого он протянул дрожащую

руку к сыну, с которым он только познакомился, и потребовал передать ему трубку.

– Кто это? – произнес он сдавленным, тонким голосом.

– Я – Наталия Хейз, твоя свояченица, американка, как и ты. Я живу на Гавайях, – объяснила она. Ему понравился ее голос. Фамилия показалась знакомой. Перед внутренним взором встали непромокаемые костюмы и доски для сёрфинга, высокие утренние волны в Санта-Крус. Джулиан с рыданиями побежал наверх. Хлопнула дверь. Джеймс вышел с телефоном из дома. Ему нужны были свет, воздух и билет домой. Ему нужна была Эйми. У него перехватило дыхание.

Боже, Эйми была единственным человеком, с которым ему отчаянно хотелось поговорить, которого хотелось обнять до такой степени, что пустота в руках заставила задохнуться. Пришлось сдержаться, чтобы не расплакаться от тревоги.

– Я знаю, что ты сбит с толку, а Джулиан огорчен. – Наталия говорила так, словно едва контролировала свой голос. – Он рассержен и будет злиться еще очень долго. Но он – *твой* сын. Джулиан знал, что это может случиться. Ты подготовил его к такой возможности.

– К какой возможности? – резко спросил Джеймс, потирая ладонью лоб.

– Что ты забудешь, кто он такой. Больше шести лет ты жил в состоянии фуги.

То же самое сказал ему и Томас. Это казалось бессмысленным. Нереальным, как из фантастического фильма. Джеймсу нужно разобраться с его состоянием и найти врача сразу, как только он выберется из Мексики.

– А что насчет второго ребенка? – Того, который разбудил его, прыгая по кровати.

– Маркуса? – Голос Наталии треснул, как горячее стекло, на которое попал лед. – Он тоже твой сын.

– И что, черт побери, мне теперь с ними делать? – Джеймс содрогнулся. Ему не стоило произносить это вслух.

– То же самое, что ты делал всегда. Быть их отцом.

– А их мать? *Моя жена*? – Слово оцарапало ему язык. – Она умерла?

– Да, – просто ответила Наталия. Но Джеймс уловил нотки боли и потери за грохотом собственных мыслей. Ракель была сестрой Наталии. Джеймс видел свидетельства – о браке и о смерти. Несмотря на шок, он заметил, что она умерла в тот день, когда родился Маркус.

– Прости. – Джеймс извинился автоматически, хотя он благодарил бога за то, что он ни с кем не связан. Мысль была бесчувственной. Но, черт

побери, на него и так слишком много свалилось.

– Джулиан хочет приехать на Гавайи. Я сказала «нет», но я могу прилететь к вам первым же рейсом.

– Не надо, – слишком быстро отказался Джеймс. Он мерил шагами двор. – Нет, мне нужно подумать. Мне необходимо время.

По телефону Наталия была милой, но чужой. Мог ли он ей доверять?

– Ты оставил дневник для себя. Найди время, чтобы прочесть его. Думаю, ты найдешь там ответы на большинство своих вопросов. И... Джеймс? Я знаю, что ты напуган, но твоим сыновьям тоже страшно. Они любят тебя, и я надеюсь, что ты сможешь найти в своей душе возможность полюбить их снова. Они хорошие мальчики. – К тому моменту, когда Наталия закончила фразу, она уже плакала. И отсоединилась прежде, чем он успел ее поблагодарить.

Во время их следующих разговоров она была приветливой и даже в чем-то помогла. Но их последний разговор несколько дней назад? Она была холодной, словно замерзшее озеро, когда Джеймс сказал, что решил воспользоваться ее предложением и привезти мальчиков на Гавайи. Несмотря на ледяной прием, Джеймс напомнил себе, что Наталия любила того мужчину, каким он когда-то был.

Как Карлос он любил ее и занимался с ней любовью. Но как Джеймс он прочел и перечитал каждый абзац об их общих моментах. Он знал, что по утрам она съедает апельсин, счищая кожуру по кругу так, чтобы получилась длинная лента. Он знал, что от нее пахнет цитрусами, и когда этот запах смешивается с запахом кокоса от солнцезащитного средства, которое она наносит днем, то этот аромат опьяняет и даже возбуждает.

Некоторые места из дневника завораживали его, как и сама Наталия. Но от них у него сводило желудок, как будто бур вгрызлся глубоко в землю в поисках нефти. Вина, которую он чувствовал за то, что был близок не с одной, а с двумя женщинами, когда ему следовало быть с Эйми, часто затапливала его отвращением к себе. Джеймс по одной этой причине едва не бросил читать дневники. Он и без того достаточно ненавидел себя.

Когда самолет приземлился и они направились к выходу, Джеймс подумал, узнает ли он Наталию. Карлос сочувственно отнесся к Эйми, но его к ней не влекло. Произойдет ли то же самое с Джеймсом и Наталией? Сердце билось о грудь, словно кулак в перчатке. Джеймс сделал несколько глубоких размеренных вдохов, позволяя воздуху наполнять при выдохе щеки. От нервов и влажности у него взмокли подмышки и поясница.

Джеймс сразу заметил Наталию, стоявшую в одиночестве с другой

стороны багажной карусели в открытой зоне аэропорта Лихуэ. Порывы ветра поднимали массу волос цвета жженой меди, которые Карлос подробно описал. Жженая сиена. Кадмиевый оранжевый. Терра-роза. Желтая охра. В ее волосах были все эти оттенки и даже больше. И Джеймс не мог отвести от них взгляд.

Он не стал ничего говорить мальчикам, смотревшим, как чемоданы со скоростью змеи ползут по карусели, и делавшим ставки на то, чей чемодан появится первым. Он не сказал, что видит Наталию, потому что хотел воспользоваться случаем и понаблюдать за ней, беззащитной, пока она его не заметила. Он изучал ее как модель для одной из своих картин. Острый угол согнутой руки и игра света на загорелой коже. Длинный изгиб шеи над выпуклостями груди. Наталия дергала серебряные браслеты, украшавшие запястья, и скручивала волосы в подобие «конского хвоста», перекинув его на плечо. И снова у Джеймса возникло ощущение дежавю, как будто он уже видел эти жесты раньше. Хотя он знал, что это невозможно. Она только кажется знакомой, потому что он читал о ней.

Ее глаз перепрыгивал с одного человека на другого вокруг их карусели, пока не остановился на нем. Их глаза встретились, и минуту они просто смотрели друг на друга. Его сердце колотилось, но он не двинулся с места. Ее грудь бурно вздымалась. Наталия вцепилась в ремешок сумочки и направилась к Джеймсу. У него вспотели ладони.

Проклятье.

Он отвел глаза, вытер руки о джинсы, потом похлопал Марка по плечу и показал, кто к ним идет. Ему нужно было взять себя в руки, а Марк это отличное отвлечение. И потом, ему хотелось посмотреть, как на Наталию отреагируют дети. Во всем ли она такая, какой ее описал Карлос? Любит ли она их так, как он говорил?

– *Tía Natalya!* – Марк побежал к ней и бросился в раскрытые объятия. Она принялась целовать его и что-то прошептала ему на ухо. Сын хихикнул, и Джеймс почувствовал странную ревность. Ему хотелось, чтобы Марк так реагировал, когда видел его.

Наталия взяла Марка за руку и направилась к Джеймсу. Джулиан заметил тетю, и его лицо просияло. Марк нашел свой чемодан на карусели, и Джеймс схватил его за ручку. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть реакцию Наталии на его мать, которая присоединилась к ним в зоне выдачи багажа.

Лицо Наталии сморщилось:

– Сеньора Карла?

Джеймс уронил багаж. Он с глухим стуком упал на плитки пола.

Джеймс затаил дыхание, ожидая, что его мать с быстротой кухонных ножниц разрушит связь, которую он выстраивал со своими сыновьями. Джулиан наблюдал за ними, не зная, как реагировать. К счастью, его мать не стала поправлять Наталию. Пожалуй, все ее поведение изменилось. Клэр улыбнулась и притянула Наталию к себе, чтобы обнять. У той удивленно поднялись брови. Она вопросительно посмотрела на Джеймса. Он провел рукой по волосам и отвернулся. В его планы не входило присутствие матери, когда он встретится с Наталией. Как он это все объяснит ей?

– Как приятно видеть тебя снова. Как твои дела? – спросила Клэр у Наталии, держась на расстоянии вытянутой руки.

– У меня все... отлично. А как вы?

– Замечательно, просто замечательно. – Клэр улыбнулась. – Нам надо многое наверстать. Мы поговорим, как только все устроятся. – Мать Джеймса дружески пожала руку Наталии.

– Хорошо, – сумела ответить та. – Я не ждала еще одного гостя, но думаю, вы сможете пожить в моей комнате вместе со мной.

Клэр отмахнулась:

– Не беспокойтесь обо мне. Я сняла номер в «Сент-Реджис». Вы подвезете меня до Принсвилла? Или... мне взять такси? – Она посмотрела на Джеймса.

– Я могу вас отвезти, – сказала Наталия, потом тоже посмотрела на него, как будто гадая, что делать с Клэр.

Джеймс вздохнул, потер лицо обеими руками.

– Дай нам одну минуту, – сказал он матери.

Клэр улыбнулась:

– Я вижу свой чемодан. Джулиан, помоги мне.

Джулиан и Клэр направились к багажной карусели. Джеймс повернулся к Наталии:

– Я не знал, что она поедет.

– Не понимаю. Откуда вы друг друга знаете?

– Ее зовут Клэр. Она – моя мать.

Наталия отступила на шаг.

– Твоя *мать*? – Она встревоженно посмотрела на Клэр, и Джеймс решил, что она думает о том, как много времени сеньора Карла провела с ними. Она обманула их всех.

Он сжал губы и кивнул.

Наталия не сводила с него глаз:

– Все так запутано.

Уголок его губ дернулся вверх:

– Это можно сказать обо всей моей семье.

Марк похлопал отца по бедру и указал на карусель:

– Твой чемодан.

– Спасибо, приятель. – Джеймс постучал по козырьку бейсболки Марка и снова повернулся к Наталии. Выражение ее лица изменилось, стало непроницаемым. Джеймс неловко поежился. Возможно, она осознала двуличие его матери, вспомнила, что Карлос не доверял всем Донато, и вот он явился сюда с матриархом семьи. До Наталии, вероятно, дошло и то, что она не знает его. Он – не ее Карлос, как и Клэр – не сеньора Карла. Разница только в том, что он никогда не лгал Наталии.

Джеймс бросил взгляд на мать.

– Мальчики пока не знают о ней. Учитывая все то, через что им пришлось пройти в последнее время, я не знаю, как они воспримут эту новость, – объяснил он Наталии, снова поворачиваясь к ней. Их взгляды опять встретились, и Джеймс услышал, как она резко вдохнула. Этот вдох отозвался в самом неожиданном месте – в самой глубине его существа. Джеймс подошел на шаг ближе. Наталия пригласила его в свой дом, и Джеймсу хотелось, чтобы ей было комфортно в его присутствии. Ему хотелось, чтобы она узнала его.

– Кстати, – он протянул руку, – я – Джеймс.

Наталия пожала его руку, быстро скрыв дрожание нижней губы за робкой улыбкой.

– Алоха... Джеймс. Я – Нат. Добро пожаловать на Гавайи.

Глава 14

Карлос

Пять лет назад

13 августа

Пуэрто-Эскондидо, Мексика, и Сан-Хосе, Калифорния

После отъезда Наталии мне потребовалось две недели, чтобы набраться храбрости и забронировать билеты для поездки в Калифорнию. И хотя я дал себе время подготовиться, задолго до отлета у меня начало сводить желудок от нервов, и не только из-за страха путешествовать в моем состоянии. Если я лечу в Калифорнию, то это значит, что я поверил Томасу: мои документы не поддельные и меня не остановят на границе, не посадят в тюрьму и не вышлют из страны.

Несмотря на страхи, мне надо было лететь. Я должен был выяснить, можно ли доверить Джеймсу заботу о Джулиане и Маркусе. А еще мне хотелось больше узнать о том, как и почему появился Джейми Карлос Родригес. Томас отказался отвечать на мои вопросы по телефону. Он хотел сказать мне все лично. Если так, то встреча состоится на моих условиях, поэтому я не сообщил Томасу, что прилетаю. Мне не хотелось, чтобы он успел подготовить, кого и что я увижу, только чтобы убедить меня остаться или спровоцировать выход из состояния фуги.

Мальчики останутся в семействе Силва, а галереей будет заниматься Пиа. Карла приходила ко мне на урок каждую неделю, поэтому утром перед отлетом я зашел к ней, чтобы перенести следующее занятие.

Она пригласила меня наверх:

– Я хочу показать тебе свою мастерскую.

Я пошел следом за ней.

– Вау! – Естественный свет заливал верхний этаж жидким золотом, но куда больше меня ошеломило количество картин, которые она написала за прошедшие четыре недели.

– Я нашла магазин художественных принадлежностей, о котором ты

говорил.

– Точно, вы его нашли.

Три мольберта стояли у окон, на каждом был холст в разной степени завершенности. Тюбики с краской, кисти, палитры и баночки с терпентином теснились на столе в центре комнаты.

– Я пытаюсь освоить акварель. – Карла показала мне стол поменьше в углу комнаты. Она вытащила кисть из банки и начала катать ее между ладонями. Ручка постукивала о ее кольца. – Я не могу перестать писать. Похоже, я наверстываю упущенное время.

Уголок моего рта дрогнул в улыбке. Это чувство было мне хорошо знакомо. Скольжение краски по холсту, резкий запах растворителей и тот звук, когда мастихин скребет по пигменту. Они манили меня обратно в мастерскую, как аромат женщины в кровати. Я подумал о Наталии, вернувшейся на Гавайи. Мне ее не хватало. До ноября еще так далеко.

Я внимательно посмотрел на картину, написанную масляными красками и оставленную в стороне сохнуть.

– Мастерски написано. – Кисть в руках Карлы застучала быстрее, и я махнул рукой в ее сторону. – Я тоже так делаю, когда мне хочется писать.

– О! – Карла уставилась на кисть, потом сунула ее в банку и вцепилась в мои руки. – Спасибо за то, что ты вернул в мою жизнь живопись.

– Пожалуйста.

Карла улыбнулась, отпустила мои руки, закрыла крышками тюбик с краской и фляжку с терпентином.

Я выбрал чистую кисть и погладил щетину. Щетинки зацепились за ноготь.

– Мне любопытно, почему вы бросили живопись?

Карла молчала, стоя спиной ко мне. Она разложила тюбики с краской по цветам, потом грациозно опустила на них руку.

– Мой отец не одобрил одно мое решение, и наказание было суровым. Он отобрал у меня то, к чему я питала самую сильную страсть.

– Живопись. Он заставил вас бросить писать?

– Отец сделал куда больше. Он пригрозил, что лишит меня наследства, если найдет в доме хотя бы одну-единственную кисть.

Карла подняла палец. И без того тонкокостная и изящная, после этого признания она показалась меньше ростом и более хрупкой. Я почувствовал ее печаль, и мое сердце устремилось к ней.

– Мне жаль, – негромко сказал я, складывая руки на груди. Я откашлялся, собираясь сменить тему и поговорить о том, что привело меня сюда. До отлета оставалось несколько часов.

– Сейчас я в порядке. Это было давно. Мы жили в северной части штата Нью-Йорк, в старом каменном доме с большим камином. – Карла принялась сортировать чистые кисти, выравнивая их в деревянном ящике. Она обернулась ко мне через плечо, и грустная улыбка изогнула ее губы. – Мне нравился этот камин, и я обычно читала возле него. Мой отец зимой разводил такой огонь, что он горел почти до самого утра. Так было до тех пор... – Карла замолчала, занялась кистью, расправила щетинки, потом глубоко вздохнула и отложила кисть в сторону. – Так было до тех пор, пока мой отец не собрал все мои картины и не разжег сильный огонь. Языки пламени доставали до отверстия трубы. Я чувствовала жар на щеках с другого конца комнаты. Он приказал мне бросить картины в огонь, а потом заставил смотреть, как они горят. – Карла резко закрыла крышку ящика с кистями, но не повернулась ко мне.

Мой взгляд заскользил по ее полотнам. С каждым из них становилось все менее заметно, что она не писала несколько десятилетий. Я и сам долго не мог поверить в длительный перерыв.

– Вы ни разу не пробовали снова начать писать после того, как уехали из дома?

Карла покачала головой. Она чуть повернулась ко мне, открывая прямые углы подбородка, изгиб носа.

– В то время я была еще несовершеннолетней, с ребенком на руках, которого ненавидели мои родители. Отец заставил моего брата, который был старше меня на шесть лет, воспитывать его. Через пару лет я вышла замуж и вскоре родила еще двоих детей. Времени на живопись не было, и, в конце концов, я просто потеряла к этому интерес. Долгое время все, что связано с живописью – запах, материалы, даже вид человека, который пишет красками, – напоминало мне об ужасном стыде, который я навлекла на свою семью. И до сих пор так.

Карла повернулась ко мне и небрежным жестом подвела черту под разговором.

– Но ты пришел сюда не для того, чтобы слушать рассказ о моей жалкой жизни. Что вас привело сегодня ко мне, сеньор Джейми... Карлос... Домингес? – спросила она с официальным видом и намеком на улыбку.

С тех пор, как я объяснил ей, что значат буквы *Дж.К.Д.* на моих картинах, она поддразнивала меня полным именем. Она даже угрожала называть меня Джеймсом, когда я подталкивал ее к совершенствованию владения кистью. Мой рот дрогнул.

– Ну, – начал я, – мне придется перенести наш завтрашний урок.

Она выпятила нижнюю губу.

– Какой ужас. Я жду наших встреч. Все в порядке?

Мой взгляд упал на пол, где я двигал ступней клочок бумаги.

– Да... Да, все отлично. В последнюю минуту у меня появилась возможность принять участие в художественной конференции в Мехико. – Я поднял листок и сложил его. Не хотел, чтобы кто-то, кроме Наталии, знал пункт моего назначения. Я воспользовался тем же предлогом – конференцией, – что и в разговоре с семейством Силва и Пией.

– Звучит, как приятное приключение.

Я скорчил гримасу. *Если бы она только знала.*

Карла обошла стол, принялась перебирать цветы в букете, вытащила две увядшие маргаритки.

– Хочешь, я присмотрю за твоими сыновьями, пока ты будешь в отъезде?

Я удивленно поднял брови:

– Гм, нет... Но все равно спасибо. Мальчики поживут у моих друзей. Мне хотелось просто сообщить вам, что нас не будет несколько дней. На следующей неделе мы можем провести два урока.

Она провела рукой по цветам, поменяла некоторые местами. Я заметил на столе стопку стикеров и записал телефон Силва.

– На тот случай, если вам надо будет с ними связаться. Номер моего мобильного у вас уже есть.

Она прочла записку и отложила ее в сторону:

– Что ж, полагаю, я увижу тебя через несколько дней.

Я тоже на это надеялся, поскольку это означало, что мою задницу не отправили в тюрьму и мне не отказали в возвращении в Мексику. Грудь стеснило, ладони вспотели при одной только мысли о том, что могло пойти не так в следующие пять дней.

– Пока ты не ушел... – Карла указала на комнату слева. – У меня проблемы с Wi-Fi. Соединение все время прерывается. Посмотришь, в чем там дело?

Я бросил взгляд на часы.

– Конечно, – ответил я и пошел следом за ней в гостевую комнату.

Пять лет назад

14 августа

Капитан лайнера объявил о посадке в Сан-Хосе, и вскоре самолет уже катился к терминалу. Я позвонил Наталии во время пересадки в Лос-Анджелесе, как только прошел таможню. Офицер внимательно посмотрел мой паспорт, спросил о цели визита (встреча с семьей), где я собираюсь остановиться (в центре Сан-Хосе) и о продолжительности моего визита (четыре дня). Коротко посмотрев мне в глаза, он поставил отметку в паспорт и поприветствовал меня в Соединенных Штатах Америки.

Наталия и я, мы оба вздохнули с облегчением. Она даже нервно рассмеялась. Но я оставался в недоумении. Как, черт подери, Томас за такое короткое время создал для меня новую личность? Он вручил Имельде мои документы через неделю или около того после несчастного случая.

После краткого захода в туалет я снова позвонил Наталии по дороге в зону выдачи багажа. Она ответила после второго гудка.

– У тебя получилось!

– У меня получилось. – Я драматично вздохнул, и Наталия рассмеялась.

– Как прошел последний этап перелета?

– Быстро. На этот раз соседка слева оставила меня в покое. – По дороге в Мехико женщина, сидевшая рядом со мной, поняла, что я нервничал. Она была потрясающей, если вам нравятся толстый слой макияжа и ногти цвета красного перца. Она все время предлагала мне джин-тоник, чтобы успокоить нервы.

Наталия засмеялась:

– Вот и хорошо, иначе мне бы пришлось мчаться тебе на помощь. Итак... твой план...

– Мой план таков: душ, еда, кровать.

– В Калифорнии только два часа дня.

– Ага, я знаю. – Я поскреб заросшую щеку. Я не спал ни во время перелетов, ни во время пересадок. – Сейчас арендую машину и прокачусь немного по городу. Как только приду в себя, встречу с Эйми.

Мой багаж показался на карусели, я ухватился за ручку, одним движением вытаскивая чемодан и ставя его на колеса.

– Позвоню тебе вечером, – пообещал я, проходя через автоматические стеклянные двери в зону парковки, и тут же налетел на Томаса. Я остановился как вкопанный.

В сером костюме цвета сланца, со скрещенными руками, он стоял, прислонившись к «Тесле» цвета черный обсидиан-металлик. Томас коротко махнул мне рукой и улыбнулся плотно сжатыми губами.

– Как думаешь, в какое время ты позвонишь? – спросила Наталия. –

Чтобы я вернулась с пляжа к этому часу.

Каждый нерв напряженно гудел в моем теле. Кровь шумела в ушах. Сердце билось о грудину. «Как, черт подери, он узнал, что я прилетел?»

– Нат, я тебе перезвоню.

– Подожди. Что?

Я отсоединился.

Томас оттолкнулся от машины, сунул руки в карманы брюк.

– Привет, Карлос. Добро пожаловать в Калифорнию.

Глава 15

Джеймс

Настоящее время

27 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Джулиан и Марк забрались на заднее сиденье джипа Наталии. От внимания Джеймса не ускользнул тот факт, что она водит такую же машину, какая была у Карлоса. Клэр состроила гримаску, когда Джеймс велел Марку сдвинуться в центр и настоял на том, чтобы она села вместе с мальчиками.

– Ты же хотела с ними пообщаться, – фыркнул Джеймс.

Наталия смотрела на него, пока он устраивался на пассажирском сиденье. Он пристегнулся и улыбнулся ей в ответ. Она покраснела, отвернулась и надела бейсболку с логотипом «Хейз Боардс». На логотипе была изображена доска для сёрфинга, скользящая по названию компании, в котором буквы Х-Е-Й-З были стилизованы под волну. Наталия резким движением включила первую передачу, и автомобиль прыгнул вперед.

Она коротко отвечала на вопросы Джеймса, но в основном молчала те сорок пять минут, которые заняла дорога до Принсвилла. Ее прием был столь же холоден, как и тон двумя днями ранее. Джеймс ясно понимал ее сигналы. Она не в настроении говорить... с ним. Он обратил внимание на пробегающий мимо пейзаж. Лазурные волны, легкие облака, горы как из «Парка Юрского периода», уходящие в небо пальмы, от красоты острова захватывало дух. После шести месяцев в сухой мексиканской жаре Джеймс в последнюю очередь ожидал оказаться снова на пляже. Но этот остров был иным, красивым. Джеймс почти чувствовал *мана*^[23], духовная составляющая была осязаемой. Воздух казался тяжелым от влажности и аромата плюмерий. Теперь Джеймс понимал, почему Наталия хотела, чтобы Карлос приехал в гости. Кауаи был волшебным островом. Ожившая картина.

Наталия не отводила взгляда от автострады Кухио, пока они ехали по дуге вдоль берега. Она разговаривала с Джеймсом неохотно, поэтому он искоса поглядывал на ее профиль. Россыпь веснушек на скулах и носу интриговала его. Мускулистые конечности подсказывали, что она, вероятно, с такой же легкостью не отстанет от него во время пробежки, с какой скользит по волнам. Волосы метались вокруг ее головы, словно кнут Индианы Джонса. Все это завораживало. Как и сама Наталия. Окажется ли она такой, какой Карлос описал ее в своем дневнике?

Серебряные браслеты на ее запястье звякнули, когда она снизила скорость и свернула с шоссе. Она проехала по Принсвиллу до гостиницы и остановила джип у дверей вестибюля. Служащий гостиницы помог Клэр выйти из машины.

– Вы все остановитесь у нас? – спросил он Джеймса, когда тот выбрался из джипа.

– Нет, только она. – Джеймс кивком указал на мать и сунул служащему банкноту после того, как показал ее чемодан.

– Карла, если хотите, я могу заехать за вами позже, и мы поужинаем, – предложила Наталия.

Но мать Джеймса повесила ремешок сумки на согнутый локоть.

– Нет, спасибо. Сегодня я останусь здесь. Как насчет того, чтобы я присоединилась к вам утром за завтраком? – спросила она Наталию, но смотрела на Джеймса. На самом деле он не хотел видеть мать рядом с детьми, но что он мог сказать, не вызвав лавину вопросов, на которые не был готов отвечать? Джулиан пристально наблюдал за отцом, его пытливый мозг тикал.

Джеймс пожал плечами и подошел к Наталии:

– В котором часу мне за тобой заехать?

– Обо мне не беспокойся, – отмахнулась от него мать. – Я возьму такси.

– Завтрак в восемь.

– Замечательно. – Клэр помахала на прощание его сыновьям и жестом пригласила служащего гостиницы следовать за ней.

Джулиан посмотрел ей вслед, а Марк помахал рукой:

– *Buenos días, Señora Carla.*

– Подождешь секунду? – спросил Джеймс Наталию.

Она указала на свободное место на парковке:

– Я припаркуюсь вон там.

Джеймс дважды хлопнул по опущенному стеклу дверцы.

– Спасибо. Я сейчас вернусь.

Наталия отъехала, а Джеймс отправился следом за матерью. Он коснулся рукой ее спины и подтолкнул в вестибюль. Служащий гостиницы торопливо шел с багажом позади них.

– Джеймс, – сказала Клэр сквозь стиснутые зубы, когда он отвел ее в сторону.

Служащий остановился неподалеку.

– Извините нас, я на минуту, – обратился к нему Джеймс.

– Да, сэр. Мэм, ваш багаж будет у стойки консьержа.

Джеймс развернулся обратно к матери:

– Я не знаю, почему ты здесь и что ты замышляешь...

– Я всего лишь хочу провести время со своими внуками.

Его глаза сузились. Клэр хмыкнула:

– Отлично. – Она разозлилась. – Я здесь для того, чтобы проследить за тем, чтобы ты не отказался от детей.

Джеймс вздрогнул:

– С какой стати мне это делать?

– Карлос боялся, что ты сделаешь нечто подобное. Он многое мне рассказывал. У нас была хорошая дружба.

– Потому что, черт подери, он не знал, кто ты такая.

Клэр отвела глаза:

– Достаточно честно. – Спустя мгновение она глубоко вздохнула и расправила плечи. – Я собираюсь заселиться в номер и пообедать. От маникюра я бы тоже не отказалась. – Клэр посмотрела на свои ногти и ушла.

Джеймс потер лицо. Ему нужно было принять душ и побриться. И поесть. А вот в театральных выходках матери он точно не нуждался. Он застонал и вышел из гостиницы.

Сев в джип, он стал свидетелем еще одного спектакля. Его сыновья подвывали и рычали. Они терли животы, жалуясь на невыносимые боли от голода.

– На острове нет продуктовых магазинов или ресторанов, – сказала Наталия мальчишкам, когда Джеймс сел на свое место. Она поймала его взгляд, и ее глаза заблестели. – Нам придется собирать фрукты с деревьев и рубить курам головы.

Сыновья Джеймса с отвращением посмотрели на тетю.

– Фу, – выпалил Джулиан.

– Разве вы не видели, что тут свободно бегают куры?

Мальчишки кивнули.

– Поймайте одну, и она ваша. Мы съедим ее на ужин.

– Я как раз думал об этом, – заметил Джеймс. Куры и петухи что-то клевали на обочинах, гуляли на парковках. По дороге он заметил одичавших птиц.

– Последствие урагана Иники в 1992 году. Он уничтожил куриные фермы, – объяснила Наталия, выводя машину задним ходом. Джеймс вцепился в приборную доску, когда машина дернулась. – Кур нелегко поймать, а на острове нет хищников, поэтому их число выросло. Теперь они превратились в назойливых попрошайек на парковках. – Она указала на стаю.

– Больше похоже на встроенный будильник, – пошутил Джеймс, вспомнив, сколько петухов он видел.

– Ты даже не представляешь. – Наталия вывела машину с парковки. – Я знаю одно отличное местечко, где можно пообедать, – крикнула она через плечо мальчикам.

– Нам придется убивать кур? – возбужденно откликнулся Марк.

– Нет, – хором ответили Джеймс и Наталия и посмотрели друг на друга. Он пробежал взглядом по ее лицу, и она нахмурилась. Джеймс вздохнул, пригладил растрепанные ветром волосы и удобнее устроился на сиденье. Он гадал, как Карлос мог ей понравиться, ведь Джеймс ей определенно не нравился.

Они купили ланч в фургончике, припаркованном на главной дороге, проходившей через город Ханалеи. Джеймс смотрел, как его дети общаются с Наталией, пока она объясняла им меню со свиной калуа, пой и смузи из корня таро. Она справилась с их недовольными лицами и возражениями по поводу незнакомой еды так, как справилась бы с коварной волной – с умением и тонкостью. Несмотря на их жалобы, Наталия настояла, чтобы они проявили безрассудство.

– Доверьтесь мне, – сказала она, и они доверились.

Карлос верил ей безоговорочно. Джеймс смотрел, как она ведет себя с его сыновьями, и перед ним оживали страницы из дневника. Он отвернулся на мгновение, настолько нестерпимой и глубокой стала боль в груди. Ему хотелось, чтобы сыновья поверили ему, полюбили его так, как любили, когда он был Карлосом.

Джеймс смахнул влагу в уголках глаз и сделал глубокий, успокаивающий вдох. Потом заказал себе еду, перегнувшись через плечо Наталии. Продавщица подвела итог, и он протянул ей несколько банкнот одновременно с Наталией, доставшей кредитную карточку.

– Я расплачусь, – сказал он.

– Я вполне способна заплатить.

– Уверен, что способна. Деньги не проблема. Это... – Он осекся. Лицо Наталии побелело. – В чем дело?

– Будучи Карлосом, ты однажды говорил об этом. Судя по всему, для *тебя* деньги действительно не проблема. – Она шлепнула карточку на прилавок.

Джеймс нахмурился, убрал деньги и справился с желанием возразить. Он не купался в океане наличных. Скорее это была лужа после дождя. Джеймс присоединился к сыновьям за металлическим столиком и сел в пластиковое кресло. Они быстро поели. Мальчикам не терпелось увидеть дом тети Наталии и отправиться на пляж. Джеймс пошел за ними к джипу, перехватил водительскую дверцу, когда Наталия собиралась закрыть ее, и встал в проеме между нею и дверцей:

– Послушай, я не собирался козырять наличными.

Наталия обеими руками вцепилась в руль и вздохнула:

– Я знаю. Это просто...

– Мне хотелось накормить всех ланчем. Ты – моя хозяйка.

– А вы – мои гости.

Джеймс провел рукой по волосам и вцепился в ручку дверцы.

– Послушай, я знаю, что я не Карлос...

– Да, ты не он.

– ...но я думаю, что в интересах детей нам следует хотя бы попытаться поладить.

Наталия поджала губы и кивнула:

– Ты прав. Просто... это тяжело. И честно говоря, – она перевернула руки на руле, показывая ладони, – я не согласна с тем, что ты делаешь.

У него похолодело в груди:

– Что именно?

– Не хочу говорить об этом сейчас. Садись в машину. Дети хотят купаться.

От того места они могли бы легко дойти пешком до дома Наталии. После пары быстрых поворотов они уже были на Веке-роуд, дороге, параллельной бухте Ханалеи. Многие дома были скромными, виллы напоминали винтажные открытки, но участки были большими, а их местоположение – замечательным. Наталия свернула на длинную подъездную дорожку, потом они миновали маленькое бунгало и остановились перед достаточно большим домом в островном стиле, выкрашенным в цвет буйной тропической зелени, окружающей участок, узкий и длинный. За двором зеленел парк Вайоли-Бич и виднелась стоянка для досок «Сосны».

И это она говорит про его богатство?

Наталия объяснила, что дом принадлежит семье уже несколько поколений. Ее дед купил участок много десятилетий назад. Теперь дом принадлежит ее отцу, но он живет в бунгало, расположенном в переднем углу участка с видом на горы.

Получается, они оба жили в домах, в которых выросли? По крайней мере, у них есть что-то общее. Не то чтобы Джеймс искал совпадения, да и жить в старом родительском доме он в будущем не собирался. Жилые комнаты занимали второй уровень. Внизу располагались гараж, мастерская и кабинет Наталии, где Джеймсу предстояло спать на диван-кроватьи.

– Дети, я покажу вам ваши комнаты.

– А потом на пляж, да? – Джулиан взял чемодан, который ему протянул Джеймс.

– Разумеется. – Наталия шутливо ткнула мальчика в плечо. Он попытался ответить, но она увернулась. Джулиан снова предпринял попытку, но Наталия заключила его в объятия и принялась целовать. Он извивался и визжал, как маленький, и снова в душе Джеймса проскользнула зеленая змейка зависти. Он захлопнул за собой дверь.

Наверху открытая веранда протянулась вдоль всего дома. И хозяйская спальня, и гостиная выходили на веранду и смотрели на залив. Кухня и комнаты мальчиков, которые выглядели так, словно дети жили здесь постоянно – Джеймс даже остановился от удивления, – смотрели на горы. Обстановка была спартанская и немного богемная, но бытовая техника оказалась на высшем уровне. Лестница вела вниз, в кабинет и в ванную, которой Джеймс мог пользоваться. Другая лестница вела с крыльца в патио с барбекю и коптильней. Что ж, подумал Джеймс, неся чемодан вниз, дом Наталии был оборудован всем необходимым.

Спустя сорок минут комнаты были распределены и проинспектированы, сумки распакованы, купальные костюмы надеты. Они пересекли двор и парк и вышли на мелкий желто-коричневый песок пляжа Ханалеи. Океан был бурный, поэтому они пошли по направлению к пирсу, пока Наталия не нашла место, которое сочла удобным для плавания. Мальчики бросили полотенца и кинулись в прибой, радуясь возвращению к воде.

– Им нравится океан, – сказала за спиной Джеймса Наталия.

Он посмотрел на ее голову. Она была все в той же грязной бейсболке, которая выглядела так, словно принадлежала водителю-дальнобойщику. Подол ее разноцветной накидки шевелил бриз, заставляя ткань танцевать вокруг бедер, мускулистых, загорелых бедер. Джеймс сглотнул и обернулся

на своих сыновей, брызгавшихся водой. Он наслаждался жаром солнца и теплом песка под ногами. Да, он отчаянно хотел убраться как можно дальше от пляжа Сикатела, но сейчас ему хотелось нырнуть в воду, забыть все то, что он мог вспомнить о последних семи годах, и просто *существовать*.

– *La'i lua ke kai.*

Он повернул голову к Наталии. Она снимала накидку.

– Что это значит? – Джеймс заставил себя отвести глаза от ее спортивного литого тела, но успел заметить ряд шрамов на животе ниже бедренных костей. Его рука машинально коснулась шрама на лице.

– Море тихое, все спокойно, – перевела Наталия.

Марк обрызгал Джулиана. Тот окунул младшего брата в воду.

– Не все спокойно, – со смехом заметил Джеймс.

– Их энергия спокойная. Они любят океан. Все в моей семье любят. Вода – это жизнь. Жизнь – это семья. – Наталия посмотрела на него из-под козырька и дернула за воротник рубашки. – Не думаю, что у Карлоса была хотя бы одна рубашка с воротником.

Джеймс посмотрел на свою белую рубашку-поло и серые шорты для купания, которые выглядели скорее как стильные, а не пляжные. Его наряд действительно ничем не напоминал те вещи, которые Джеймс носил в Мексике.

– Я не Карлос, – пробормотал он. Это прозвучало как извинение, и в каком-то смысле он сожалел о том, что не может быть мужчиной, которого она любит.

– Я знаю. Мне приходится все время напоминать себе об этом. – В ее голосе прозвучала нотка грусти, и что-то в его душе дрогнуло. Он потянулся к ней, но она отступила, повернувшись к нему спиной. Наталия смахнула с головы бейсболку, ринулась в океан, схватила племянников за талию, и все трое нырнули.

Джеймс наблюдал за ними с берега, чувствуя себя слишком хорошо одетым и не совпадающим по ритму со своей семьей. Он был лишним в собственной жизни.

Глава 16

Карлос

Пять лет назад

14 августа

Сан-Хосе, Калифорния

Томас эффектно распахнул пассажирскую дверцу и жестом пригласил меня сесть.

– Давай прокатимся.

– Спасибо, обойдусь. – Я крепко вцепился в телефон. Он непрерывно вибрировал. – Как насчет встречи завтра в твоём офисе?

Томас облокотился на дверцу.

– Брось, Карлос. Ты дерьмово выглядишь, и готов поспорить, что ты голоден. Наименьшее, что я могу для тебя сделать, это купить тебе ланч.

Как будто он мало наделал до этого.

– Как ты узнал, что я приезжаю?

– Разве это вопрос не на миллион долларов? – Он ухмыльнулся. – Я готов поговорить, если ты готов слушать. В последний раз ты устроил истерику.

Он поскреб щеку, по которой я его ударил в прошлом декабре.

Я пока был не в настроении встречаться с ним снова. У меня был свой план игры. Этот план мы с Наталией обсуждали много раз. Такой поворот инструкция не предусматривала, как не предусматривала она и тур по городу с Томасом в качестве гида. Я развернулся в поисках пунктов аренды автомобилей.

– Я арендую машину и поеду следом.

– Ты понятия не имеешь, кто есть кто и куда тебе ехать. Залезай в эту долбаную машину, братишка, или я позвоню своему парню из аэропорта, и он посадит тебя в самолет, вылетающий обратно в Мексику.

Рядом с дверью в зону выдачи багажа стоял мужчина. Он был в рубашке-гольф, повседневных брюках и закрытых по бокам солнечных

очках. Он выглядел как обычный путешественник в аэропорту, если не считать его манеру держаться. Он явно был из ФБР и внимательно смотрел на нас.

Я похолодел от страха и огляделся: аэропорт, море машин передо мной и оглушающий грохот лайнера над головой. Выбора у меня не было. Либо мы сейчас устраиваем сцену, либо я еду вместе с Томасом.

Я швырнул сумку к его ногам, как будто он был служащим парковки, и уселся на переднее сиденье.

– Лучше бы ты мне позвонил. У меня было бы больше времени на подготовку, – сказал Томас и захлопнул мою дверцу.

Телефон снова завибрировал, и на экране появилось лицо Наталии. Я коснулся красной иконки, отправляя звонок на голосовую почту. Остается надеяться, что она меня простит. И что я увидел ее лицо не в последний раз.

– Куда мы едем? – спросил я, когда Томас сел за руль.

Он дописал сообщение, отбросил в сторону телефон и отъехал от тротуара.

– Сначала ланч. Потом, если ты будешь в силах, прогулка по улице памяти.

– Мне это неинтересно.

– Чушь собачья. Иначе зачем ты приехал домой?

– Это не мой дом, и это не твое дело.

Томас резко затормозил перед красным сигналом светофора. Я шлепнул рукой по приборной доске, чтобы остановить свое движение вперед.

– Все, что касается тебя, это мое дело. Твоя ситуация – это мой прокол, и я намерен все исправить. Вот так просто. И потом, мы семья. Неужели тебе не любопытно узнать о дяде твоих сыновей?

– Не впутывай их в это дело. – Я защелкнул ремень безопасности, которым забыл пристегнуться.

Томас посмотрел на меня, потом снова на дорогу.

– Держу пари, что ты приехал сюда, чтобы встретиться с Эйми. Она добилась судебного предписания, запрещающего мне к ней приближаться.

Мои губы скривились. Так ему и надо.

– Они с Яном недавно поженились.

– Рад за них.

Томас покосился на меня:

– Тебе все равно, да?

Я дернул плечом.

Он цветисто выругался.

– Не хотел бы я оказаться поблизости, когда Джеймс выяснит, что она вышла за другого. Он возжелает крови. – Брат невесело хохотнул. – Моей крови.

– Будем надеяться, ради нашего общего блага, что это никогда не произойдет.

– Как насчет Ника? Ты планируешь встретиться и с ним?

– Кто такой Ник?

Томас шлепнул себя по лбу.

– Все время забываю, что ты – это не ты. Он был твоим лучшим другом, вы подружились с ним, когда мы переехали сюда из Нью-Йорка.

– Сколько нам тогда было лет? – Я задал вопрос, не успев передумать.

– Тебе *любопытно*. – Он погрозил мне пальцем и сменил полосу, сбрасывая скорость, так как мы выезжали со скоростного шоссе. – Тебе было одиннадцать. Мне – тринадцать, а Филу – пятнадцать, может быть, шестнадцать. Не помню точно.

При упоминании имени Фила у меня вдруг возникло острое желание убежать. Я вцепился в ручку дверцы.

– Ему сидеть еще лет пять или около того. Когда его обвинили в отмывании денег, он выторговал для себя срок поменьше и заключил сделку с федералами. Он рассказал им все, что знал о картеле Идальго. Иначе его закрыли бы лет на десять или даже больше. После того дерьма, в которое он меня впутал, я бы сделал все, только бы он оттуда не вышел. Вот почему я надеюсь, что Джеймс вспомнит, что произошло в Мексике. Кроме раны у тебя на бедре, у меня нет доказательств, что Фил в тебя стрелял. Только его слово против моего. – Томас ткнул меня в предплечье. – Эй, мужик, ты в порядке?

– Останови. – Я выдохнул, чувствуя пустоту в голове.

– У нас ланч, помнишь?

– Я потерял аппетит.

– Держись крепче. Мы уже почти приехали. «Барроне» – это твое любимое место. Тебе всегда нравился этот ресторан.

Меня охватил гнев:

– Какую часть фразы «мне это неинтересно» относительно любых прогулок по улице памяти ты не понял?

Томас поднял руки, сдаваясь.

– Мы просто поедим и поговорим. Потом я отвезу тебя в гостиницу. И больше не беспокою тебя, пока ты здесь.

– Почему мне так трудно в это поверить?

Томас хмыкнул:

– Достаточно честно. Ты мне не доверяешь, это я понял. Но ты пойми вот что: с того времени, когда мы еще были детьми, я всегда прикрывал тебя. И я никогда не перестану присматривать за тобой.

Я подумал о Джулиане и Маркусе. У них было пять лет разницы, и Маркус все еще был слишком мал, чтобы играть в мяч и зависать с Джулианом и его приятелями. Но его лицо светилось, когда Джулиан обращал на него внимание, и голова Маркуса поворачивалась направо-налево, как у болванчика, если Джулиана не было рядом. Станут ли они с возрастом ближе? Будет ли Джулиан заступаться за младшего брата? Я не мог представить, какими были отношения между Томасом и Джеймсом. Я не чувствовал семейной связи.

Томас свернул на парковку ресторана и остановился. Несмотря на потребность поесть и сбежать, «Барроне» был хорош. За едой мы касались нейтральных тем, больше говорил Томас. Он рассказывал, как восстанавливает «Донато Энтерпрайзес», как приобрел новых клиентов в Азии и Южной Америке. Он пожаловался на то, что *наша мать* настаивает, чтобы он женился и завел детей. Кому-то надо будет заниматься бизнесом, когда он отдаст концы. Потом он спросил о моей живописи и о сыновьях.

Я прижался к спинке кресла и бросил салфетку на стол.

– Джулиан – мой сын?

– Разумеется. Почему бы ему им не быть?

– Усыновление было законным? Я сам на легальном положении? Ты сказал, что мое удостоверение личности настоящее. Как такое возможно?

Томас оглядел зал, потом облокотился о стол и понизил голос:

– Твоя ситуация уникальна. Я не мог говорить об этом в Мексике, и нам определенно не следует обсуждать это здесь, на публике. Но я не знаю, сколько времени ты мне дашь, поэтому слушай. Фил, в конце концов, признался в связях с картелем Идальго. Он рассказал мне об отмывании денег, о том, сколько времени он размещал фальшивые заказы и переправлял наш товар через границу. И ты сказал ему, что мы об этом знали. «Донато Энтерпрайзес» и Управление по борьбе с наркотиками заключили сделку и начали спецоперацию. Федералам нужен был брокер Фила, они надеялись, что он выведет их на окружение Фернандо Руиса, который управлял картелем Идальго. Фил не знал, что я был в Мексике и искал тебя, когда он в первый раз позвонил мне и сказал о вашей рыбалке и о том, что ты пропал в море. В то время я только нашел тебя в больнице. Ты провел там несколько дней, все еще был в бреду, поэтому я не сказал Филу, что нашел тебя. По его первоначальной версии, пока он во всем не

признался, ты упал за борт и исчез. Эту историю я использовал, когда мы – то есть Управление по борьбе с наркотиками – должны были сделать вид, будто ты погиб. Думаю, он пытался тебя убить, или его заставили тебя убить.

– Кто заставил?

– Фил признался еще кое в чем. – Томас постучал пальцем по столу. – Он встречался с двумя представителями картеля, когда ты на них наткнулся. После короткого разговора тебя отвели в заднюю комнату. Фил говорит, что тебя там продержали около часа, а когда тебя оттуда привели, ты был почти без сознания. Нос у тебя был сломан, а щека, – он указал на мой шрам, – была разорвана и кровоточила. Он сказал, что это выглядело так, будто кто-то ударил тебя кастетом. Потом они выволокли тебя из бара и загрузили в лодку, чтобы утопить твоё тело. Фил не думает, что ты рассказал картелю о нашей сделке с Управлением по борьбе с наркотиками. Я тоже так не думаю, потому что ты не знал подробностей. Но он считает, что парень, который тебя пытал, это и есть тот самый Фернандо Руис, за которым гонялось Управление по борьбе с наркотиками. Фил никогда его не видел, но предполагает, что его видел ты. Если бы они узнали, что ты все еще жив, они могли еще раз попытаться тебя убить. Все остальные жаждут узнать, кого ты видел и что ты слышал. У тебя может быть информация, которая приведет нас к Фернандо Руису. При определенном везении мы поймем его без твоей помощи. Тогда ты сможешь выйти из программы защиты свидетелей и не оглядываться всю оставшуюся жизнь. Ты можешь выйти из программы в любое время. Это твоя жизнь. Именно я настоял на том, чтобы ты в нее вошел. Я привел такой аргумент: ты можешь быть полезным свидетелем в суде над Фернандо, как только мы его поймем, а пока твоя жизнь в опасности. Мне хотелось спрятать тебя и от Фила. Нам было нужно, чтобы он сосредоточился на своей работе на картель, а не искал тебя.

Я смотрел на него во все глаза, как будто он рассказывал мне сюжет блокбастера, а не цепь событий, которые сделали меня таким, каким я стал. Шрам на моей щеке пульсировал, рубец на бедре горел. Это были единственные физические доказательства того, что произошло со мной в тот день. По мнению врачей и Имельды, я получил эти раны, когда пытался выбраться на берег, когда волны бросали меня о скалы. Именно так мой мозг интерпретировал то, что происходило в моих снах.

– О какой программе ты говоришь и кто такой Джейми Карлос Домингес?

– Это ты. Ты в мексиканской программе защиты свидетелей. Тебе

повезло, обеспечение новыми документами недавно закрепили законодательно. Учитывая ситуацию, я выпросил некоторые льготы и подал срочную просьбу. Ты оставил мне доверенность и был не в том состоянии, чтобы принимать решения относительно своей жизни. Правительство обеспечило тебя документами, но это я купил тебе галерею и дом. Я открыл твои счета и перевел на них деньги. Я создал твое прошлое. Я изменил тебя, чтобы спасти, – объяснил Томас, подчеркивая точку в конце каждой фразы ударом пальца по столу.

– Почему Мексика? Почему просто не переселить меня сюда?

– Там или здесь, тебе все равно потребуется защита, пока Фернандо Руиса не схватят, не предадут суду и не вынесут ему приговор. Прятать на самом видном месте – это основа любой программы по защите свидетеля. Фуга создала дополнительный защитный слой. Мы спрятали тебя от самого себя.

Чтобы Джеймс оставил Филадельфию в покое и они могли продолжать свою спецоперацию.

Официантка принесла Томасу счет, и он поблагодарил ее. Потом посмотрел на цифры и потянулся за бумажником.

– Ты не должен никому говорить о том, кто ты на самом деле. Ты должен оставаться в тени до того момента, когда Руис предстанет перед судом и ты дашь показания.

– Что, если Джеймс ничего не помнит?

– Тогда я буду рекомендовать, чтобы тебя и твоих сыновей перевезли сюда и здесь использовали программу защиты свидетеля. Пока Фернандо на свободе, картель Идальго должен считать тебя мертвым, иначе они подошлют к тебе убийцу.

Я жадно глотнул воды. Ну и неразбериха.

– Каким боком в этой истории замешана Имельда? Она обо всем знает?

– Она не знает, что ты в программе. Я позволил ей сыграть роль твоей сестры, потому что у нее хорошее положение в городе. Ей доверяли, поэтому я сделал ее частью твоего прошлого. Люди знали ее и поверили ей. Поверили бы в то, что ты ее брат, а ты, в свою очередь, продолжал верить в самого себя. Мне в голову не приходило, что она устанет притворяться, так как у нас было финансовое соглашение. Я думал, что она сначала придет ко мне.

– Она боялась тебя.

Томас безразлично пожал плечами:

– И все же мне следовало предвидеть, что она так поступит. – Он

подозвал официантку. Та взяла счет и его карточку. – Ты как-то интересовался состоянием фуги?

Я опустил стакан на стол с чуть большей силой, чем требовалось.

– Нет... А что?

– Я читал кое-что. Твое состояние не так легко вылечить.

– Я не хочу лечения.

– Ага, об этом я тоже читал. Парни в твоем состоянии не хотят восстанавливать свою настоящую личность. Почему, как ты думаешь?

– Если не считать того факта, что мы меняем один набор воспоминаний на другой? А как насчет того, что до этого мы были подонками?

Официантка вернулась с оплаченным счетом. Томас подписал квитанцию и убрал кредитную карточку.

– Джеймс был лучше меня.

– Но это ничего не меняет. Я предпочитаю человека, которым являюсь сейчас.

– Неужели твоя жизнь настолько лучше?

– Это ты мне скажи. Мне не с чем сравнивать.

Томас вдохнул, ноздри его расширились:

– Я думаю, она была лучшей какое-то время. Я помог устроить так, чтобы ты получил жизнь, о которой мечтал Джеймс, но теперь... – Он провел рукой вверх и вниз, как будто измеряя меня. – Ты напуган.

– Я осторожен.

– Ты слаб.

Мои пальцы сжались в кулаки:

– Недоверчив. Мы закончили?

Томас откинулся на спинку кресла и скрестил руки.

– Я наткнулся на несколько интересных случаев. Знаешь, нет лекарств, которые могли бы помочь тебе.

– Мне не нужна помощь. Мне хорошо и так.

– Ты пробовал гипноз?

– Мы закончили. – Я встал.

Томас испустил продолжительный вздох. Он посмотрел на зал, ни на ком и ни на чем не останавливаясь особо. Потом оперся кулаками о столешницу и встал.

– Я отвезу тебя в гостиницу.

Когда мы выходили из ресторана, телефон Томаса завибрировал. Он посмотрел на экран, потом на меня.

– Прости, я должен ответить. – Он ответил на звонок, пока мы шли к

машине. – Ты готов? – Он помолчал, слушая. – Я сейчас приеду.

Он нахмурился и нажал на отбой:

– Мне нужно заехать на наш склад. Новое место, но нам по дороге. Не возражаешь? Это займет одну минуту.

– Хорошо. – Если только это приблизит меня к горячему душу, чистой постели и минуте уединения, чтобы позвонить Наталии.

Мы доехали до склада, и Томас припарковался позади него.

– Я вернусь через несколько минут. Хочешь зайти внутрь?

– Я пас. Спасибо.

Томас секунду всматривался в меня:

– Как знаешь.

Я увидел, как он набирает код на панели рядом с дверью, услышал щелчок открывшегося замка. Томас вошел внутрь, я остался ждать в машине. Прошло пять минут, я все еще ждал. Десять минут спустя я выбрался из салона и принялся ходить вокруг «Теслы». Через двадцать пять минут, злой, как осиный рой, я решил зайти внутрь и вытащить оттуда Томаса.

Тут я вспомнил, что на двери автоматический замок.

Я постучал, никто не ответил. Я забарабанил в дверь. Опять в ответ ни звука. Я дернул ручку, и дверь распахнулась.

– Вау! – Я остановил движение двери ногой и заглянул внутрь. Там была полная темнота.

– Эй! – Я прислушался. Где-то слева от меня скрипнул пластик.

Я двинулся вперед. Дверь захлопнулась. Я провел рукой по стене, нашел выключатель и нажал на него. Мощная лампа загудела в нескольких футах от моего лица, ослепив меня.

Проклятье. Я прикрыл глаза рукой.

– Карлос? – обратился ко мне бестелесный голос из-за лампы. – Смотри на меня, я скажу тебе кое-что.

Я чуть опустил руку и сощурился:

– Кто здесь?

– Не разговаривай. Слушай... Слушай... Слушай, – произносил голос с мерным ритмом. – Через мгновение я скажу один, два, три, и когда я закончу, я хочу, чтобы ты кивнул.

Я слушал и ждал.

– Один... два... три, – отсчитал монотонный голос.

Я кивнул.

– Теперь продолжай кивать, я хочу, чтобы ты закрыл глаза. Я хочу, чтобы твои веки потяжелели, как будто тебе очень хочется спать. Ты устал,

Карлос.

Я покачнулся.

– Твои веки тяжелые... Очень тяжелые...

Мои глаза закрылись.

– Спи... тебе нужно... спать.

Я рухнул на пол.

* * *

Жужжание возбужденных голосов, говоривших шепотом, достигло моего слуха, едва у меня просветлело в голове. Я заставил себя открыть глаза, и это было так же больно, как отдирать клейкую ленту от свежей раны. Свет лился сверху. Он не слепил так, как тот, который ударил мне в лицо мгновение назад, но обжигал. Глаза слезились, лоб пульсировал. Конечности были такими тяжелыми, как будто их прибили к тому, на чем я лежал. Я попробовал поднять голову по направлению к голосам. Висок пронзила боль.

«Черт подери, как больно». Я застонал.

Шепот стих, и надо мной появилось лицо, блокируя свет. Оно показалось мне знакомым.

– Как тебя зовут?

Я нахмурился и снова застонал.

– Как тебя зовут? – спросил человек более жестким тоном.

Мое имя? Меня зовут... меня... зовут...

– Карлос. – Слово оцарапало пересохшие голосовые связки.

– Проклятье. – Лицо исчезло, и горячий шепот раздался снова.

Я приказал своим рукам шевелиться. Подо мной скрипнул жесткий пластик. Я опустил голову. Когда она у меня так отчаянно болела?

Такое было, подумал я, в первые дни после несчастного случая.

Я выдохнул, когда на меня нахлынули воспоминания. Несчастный случай, лечение, моя жена, ее смерть, мои дети. Томас, этот придурок. Наталия. *Боже*. Мне нужно позвонить ей. Сосредоточившись на лампе над головой, я попытался взять боль под контроль.

Голоса зазвучали громче, их жужжание превратилось в шипение, люди заговорили быстрее. Два или, может быть, три человека были здесь со мной, и они спорили. Мышцы вокруг моих ушей напряглись, когда я сквозь боль попытался расшифровать их слова.

– Подавление памяти... Дисбаланс мозга... Нужна нейронная картинка

до эпизода.

– Невозможно. Мы можем попробовать еще раз?

– Не здесь... Мне не следовало приходиться... потеряю лицензию...
приводите его ко мне.

Я попытался сесть. Боль из головы устремилась вниз по позвоночнику.
Из моей груди вырвался долгий низкий стон.

– Что с ним не так?

– Внушение еще действует.

– Вы спровоцировали у него головную боль?

Кто-то выругался. Потом вздохнул, долго, нетерпеливо.

– Что еще мы можем сделать?

– Ничего, можно только найти стрессоры. Пляшите оттуда.

Долгая пауза, потом:

– Думаю, должен быть другой способ. Мне надо отвезти его в гостиницу, прежде чем его «хвост» догадается, что это не просто поездка по городу.

О чем бы они ни говорили, я не собирался выяснять. Я перевернулся на бок и упал. Нос, грудь и колени ударились о цементный пол.

– Черт! – Я подтянул колени к груди и зажал нос рукой.

Рядом со мной загрохотали шаги. Руки схватили меня под мышки, втаскивая обратно на покрытую пластиком кушетку, на которой я лежал. Я уперся локтями в колени и уронил лицо на руки. Нос у меня пульсировал. Я осторожно потрогал переносицу.

Кушетка рядом со мной прогнулась.

– Вряд ли ты его сломал.

Мозг, наконец, пришел в себя и связал голос рядом со мной с Томасом.

– Да пош-шел ты! – Ладонь приглушила слова.

– Я не собирался так надолго задерживаться. Я уже уходил, когда ты вошел внутрь.

– Что случилось? – Боль разрывала голову, и я крепко зажмурился. Я все еще видел слепящий свет, когда закрывал глаза. Его форма и интенсивность отпечатались на моей роговице.

– Ты включил фонарь, споткнулся о веревку и упал на пол. Ты свалился тяжелее, чем стальная балка, которую уронил подъемный кран. Напугал меня до смерти. – Томас неискренне хохотнул.

Я поднял голову и огляделся:

– А где все?

Он странно посмотрел на меня:

– Кто?

– Другие люди, которые здесь были.

Он медленно покачал головой.

– Здесь никого нет, кроме нас.

– Я слышал голоса...

Губы Томаса изогнулись, и я закрыл рот. Я точно знал, как я выгляжу. Как сумасшедший.

– Как самочувствие?

Он еще спрашивает, этот брат-змея, сидевший рядом со мной. Я не поверил ни единому его слову, но я был не в состоянии спорить.

Он хлопнул меня по плечу:

– Давай отвезу тебя в гостиницу.

Я медленно встал и тут же потерял равновесие. Томас схватил меня выше локтя, но я стряхнул его руку.

– Не прикасайся ко мне. – Я сделал первый шаг по направлению к двери. – Просто... оставь меня... в покое... черт подери.

Томас поднял обе руки:

– Разумеется, брат.

* * *

Томас высадил меня возле отеля, не повторив свое приглашение посетить дом, в котором мы выросли, или проверить наследство, которое нам оставили родители. Но ему хотелось поговорить, и он предложил угостить меня коктейлем в баре.

А мне хотелось выпить три таблетки аспирина, принять душ и позвонить Нат.

Я больше не спрашивал Томаса о тех людях, которые были – в этом я мог поклясться – вместе с нами на складе. И чем дальше мы отъезжали, тем больше меня занимало то, что произошло. Окутанный густым туманом мигрени, инцидент все больше тускнел.

Томас остановился перед входом в гостиницу, и я выбрался из машины. Он открыл багажник, и служащий вытащил мой багаж.

– Карлос! – Томас перегнулся через переднее сиденье и протянул мне свою визитную карточку. – Позвони, если я тебе понадобится или у тебя появятся вопросы, – сказал он так, словно только что продал мне полис страхования жизни.

Возможно, так оно и было. *Что-то* произошло на складе, и я пережил это без потерь. Я остался Карлосом.

Лицо Томаса стало серьезным:

– Я скучал по тебе.

– Ага, конечно, – пробормотал я и захлопнул дверцу. Томас отъехал, а я выбросил его визитку в урну.

В номере я сунул багаж и ручную кладь в узкий шкаф размером с пенал, проглотил без воды три таблетки аспирина и принял душ. Обжигающая вода намочила мне волосы, забарабанила по плечам. Я смотрел, как она стекает по мышцам живота, собираясь в ручейки в промежности и на бедрах. Вода кружилась в сливном отверстии, унося в канализацию дневной груз пыли после путешествия. Вена в голове пульсировала, и я заскрипел зубами. *Что, черт подери, случилось сегодня?*

Каждый раз, когда я думал о складе и пытался вспомнить голоса, шептавшиеся вокруг меня, слова не поддавались расшифровке, а малый в моем черепе снова начинал стучать молотком. Я прижал кончики пальцев к уголкам глаз, мучимый желанием вырвать их из глазниц, чтобы снизить давление.

Я выключил воду, вытер полотенцем уставшее тело. Душ и аспирин не помогли. Я чувствовал себя дерьмово.

Обернув полотенце вокруг талии, я уселся на край кровати и позвонил Нат. Звонок сразу переключился на голосовую почту. Я сбросил звонок и через несколько секунд позвонил еще раз. На этот раз я оставил сообщение: «Безумный день. Я в порядке. Расскажу обо всем позже, сейчас очень хочу спать. Люблю тебя».

Я завершил звонок, послал короткое сообщение с номером моей комнаты, раз уж я обещал, и бросил телефон на тумбочку у кровати. Он перелетел через нее и упал на пол, но мне было наплевать. Я слишком устал.

Со стоном я откинулся на подушки. Веки опустились, и я проспал всю ночь и большую часть следующего дня.

Глава 17

Джеймс

Настоящее время

27 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Вечером они пожарили на гриле курицу, которую Наталия купила на местном базаре. Солнце садилось в ярких оттенках лаванды и золота. Потрясающий вид. Джеймс написал бы его, если бы у него было хоть малейшее желание это сделать. Желания не было.

Наталия смотрела, как солнце опускается за горизонт, и Джеймс почувствовал разочарование в себе. Она хотела, чтобы он написал этот закат.

Он бросал на нее взгляды со своего места за столом на веранде, вертя вилку так, как делал это с кистями. Разговор между ними буксовал, и временами Джеймс не сомневался, что Наталия болтает с племянниками, только чтобы не обратиться к нему.

– Сегодня был замечательный день, тетя Нат. – Джулиан зевнул, Марк тоже. Он потер глаза. – Можно нам завтра посмотреть на волны? – спросил Джулиан.

– Я хочу построить еще замки из песка. – Марк снова зевнул.

Джеймс прикрыл собственный зевок. Они привыкли к другому часовому поясу. В Пуэрто-Эскондидо была уже поздняя ночь. Он встал и собрал тарелки. Наталия потянулась к ним.

– Я этим займусь, – сказал Джеймс. – Почему бы тебе не помочь им подготовиться ко сну? – Он вспомнил ритуал чтения на ночь, в котором Наталия с радостью принимала участие во время ее приездов в Мексику. Джеймс унес посуду в дом.

Убирать было особенно нечего. Если не считать салата, который помогли нарезать мальчики, еду готовили на гриле. Джеймс быстро закончил с посудой. Наталия все еще была с его сыновьями, поэтому он

вернулся на веранду, чтобы побыть немного в одиночестве, но не остановился там, а спустился по лестнице, прошел через двор и вышел в парк. Он сел там, где длинные лезвия травы встречались с холодным песком, и сидел, слушая океан. Джеймс подстроил ритм дыхания под ритм волн и стал думать о тех годах, которые он потерял, о своем внезапном отцовстве, о том, что он не будет чувствовать себя спокойно, пока не уладит дела со своими братьями, после чего Фил может снова оказаться за решеткой. У Джеймса был шрам на щеке, рубец на бедре, но памяти у него не было. Пока. Ему нужны были доказательства того, что Фил пытался его убить, а не просто убежденность в этом Томаса.

Мать едва ли будет рада очередному семейному скандалу. Судя по всему, после его смерти у нее был нервный срыв. Если ее старший сын отправится обратно в тюрьму, то, возможно, она снова окажется в том «убежище», куда Томас перевез ее в то лето, когда Джеймс «пропал в море». Но в эту минуту ему было на это наплевать. Безопасность его сыновей превыше всего, и он не думал, что Фил причинит им вред, только бы добраться до брата. Потому что Фил потерял столько же, сколько и Джеймс. Место в семье, право на «Донато Энтерпрайзес» и пять лет свободы.

Океан пел свою песню, возвращая его мысли к Пуэрто-Эскондидо и его опасному прибою, манившему опытных сёрферов. Они мчались на его волнах до самого берега, пока не оказывались на песке.

Джеймс почувствовал, как сам уходит на дно, кружится, его мир становится темнее. В конце концов он оказался у столика в баре. Тусклый солнечный свет, воздух плотный от сигарного дыма.

– Ты наступил на осиное гнездо, Джим.

Он посмотрел на Фила, одетого в черную рубашку и зеленовато-голубые шорты. Старший брат в большей степени, чем Джеймс и Томас, пошел в материнскую родню, и это понятно, ведь оба его родителя были из одной семьи. Фил поднял к Джеймсу лицо с ястребиными чертами, губы скривились в циничной усмешке. Брат медленно покачал головой. Темные очки «Рэй Бэн» скрывали его глаза, но Джеймс знал, что они предупреждающе прищурены. Фил говорил, чтобы он не ходил за ним в этот бар. Брат медленно покачал головой, опустив подбородок, казалось, его больше интересует крышка от бутылки, которую он гонял по столешнице. У Джеймса засосало под ложечкой. Он понял: что бы ни случилось дальше, все это только по его собственной вине. Он обругал свое нетерпение. Пришел в ярость от собственного гнева и желания отомстить.

– Это тот парень, о котором ты нам говорил?

Джеймс перевел взгляд на двух других мужчин. Говоривший сидел рядом с Филом, держал руку поперек толстого живота, прикрывая ее другой рукой. Джеймс скрестил руки, пряча повлажневшие кисти. Ему не хотелось думать о том, что этот парень прятал от него и других посетителей бара.

– Нет, Сал, – твердо ответил Фил. – Это мой второй брат. Джим уже уходит.

Другой мужчина с татуировками на предплечьях, одетый в шелковую рубашку и льняные брюки, ногой выдвинул свободное кресло. Оно ударило Джеймса по ногам.

– Почему бы тебе не сесть?

– Не возражаешь, если я сяду?

Джеймс моргнул и поднял голову, сбитый с толку. В поле его зрения попала бутылка с пивом. На ней выступили капли конденсата, и Джеймса прошиб пот. Он взял пиво, сел поудобнее. Наталия устроилась рядом.

– Как дети? – спросил он.

– Маркус заснул на середине истории, а Джулиан уже отключился к тому моменту, когда я зашла к нему в комнату.

Джеймс глотнул пива, и вкус взорвался у него во рту. Его глаза расширились от нот цитрусов и манго. Он посмотрел на этикетку.

– Пиво в гавайском стиле. – Наталия выпила свое.

– Оно... совсем другое. – Джеймс предпочитал более темные напитки, но в такой вечер, как этот, когда влажный пассат приятнее обжигающей жары Пуэрто-Эскондидо, он был рад переменам.

– О чем ты думал?

Джеймс нахмурился:

– Когда?

– Минуту назад я окликнула тебя по имени, а ты меня не услышал. Или просто проигнорировал. – Наталия нервно рассмеялась.

– Нет, я не стал бы этого делать. – Он дернул за уголок этикетки. – Я думал о своем брате. Ничего особенного. – Джеймс снова попытался ухватить воспоминание, но это было все равно что ловить дым. Детали отступали все дальше с каждой проходящей секундой.

Он чувствовал, что Наталия смотрит на него, поэтому развернулся к ней. Ночное небо придало ее коже голубой оттенок. На лице Джеймса появилось вопросительное выражение, приглашавшее Наталию спросить его о чем-нибудь. У нее, должно быть, много вопросов.

Ее глаза пробежались по его лицу, грудь поднялась в глубоком вдохе:

– Я скажу тебе прямо. Мне очень тяжело смотреть на тебя и не видеть

Карлоса.

– Консервативного стиля в одежде и более коротких волос недостаточно, чтобы различать нас? – попытался пошутить Джеймс в надежде снять напряжение, которое он чувствовал вокруг нее с самого приезда.

– Мне бы хотелось, чтобы все было так просто, но нет. Долгое время Карлос относился к своей ситуации иначе, чем я. Он отделял себя от тебя. Он говорил о тебе так, как будто ты был братом или кузенком.

– А как ты меня видишь?

– Ты тот же человек. Почти. – Это прозвучало как запоздалая мысль. – В твоих жилах течет та же кровь. У тебя то же сердце и та же душа. Поэтому скажи мне, Джеймс Чарльз Донато, кто ты?

Он не знал. От его старой жизни практически ничего не осталось. Он отпил глоток пива.

– Давай, – подбодрила Наталия. – Ты должен дать мне хоть какие-то подсказки. В чем ты не такой, как Карлос?

– Я не собираю газеты? – предложил он.

Она кивнула, обдумывая.

– Это кое-что. А ты знаешь, что он делал это для тебя?

Джеймс взял в ладони песок и высыпал его сквозь пальцы. Там, в Мексике, было множество стопок газет, сложенных в картонные коробки в гараже. Карлос оставил их для Джеймса, чтобы он не пропустил ни одну стоящую новость. Джеймс выбросил эти коробки, не вскрывая. Беспорядок его подавлял. Газеты только увеличивали количество тем, которыми он вынужден был заниматься.

– Между вами мало сходства. Вы оба любите бег, бог знает, почему.

Джеймс хохотнул вопреки своему мрачному настроению. И допил свое пиво.

– Вы оба пишете картины.

– Я уже не пишу.

– Почему?

Он дернул плечом.

– Не чувствую.

Наталия изучала его какое-то время. У него колело кожу от того, как она на него смотрела. Он не ее Карлос, и он устал от того, что его сравнивают с мужчиной, который больше не существовал. Он уже достаточно насравнивал себя с Карлосом. Джеймс воткнул бутылку в песок рядом с собой и подумал, не вернуться ли в дом. Пожалуй, им лучше поговорить завтра. Его настроение мрачнело вместе с ночным небом.

Наталия зарылась ступнями в песок и пошевелила пальцами.

– Мне было четыре года, когда умерла моя мама. Отец перестал заниматься сёрфингом. На вершине своей профессиональной карьеры он оставил соревнования. Сёрфинг как любой спорт. Все идет от головы. – Она постучала себя по лбу. – Мысли отца были далеки от сёрфинга, поэтому он решил взять паузу и погоревать. Потом он взял еще один год отпуска, чтобы основать собственную компанию. Но океан позвал его, и отец вернулся на воду и стал побеждать, потому что к этому времени он был готов вернуться. Теперь у него процветающий бизнес, он путешествует по миру, спонсируя турниры, и у него девушка в каждом порту.

– Вы с Ракелью были сестрами, верно?

– Сводными. Папа – это свободный дух. Его всегда тяготили серьезные отношения.

– Сколько у тебя братьев и сестер? – Джеймс вспомнил, что читал что-то о ее семье, но детали память не сохранила. Это будут тети и дяди его сыновей. Их семья.

– Моя сестра Тесс живет в Сиднее, в Австралии, мой брат Келвин – в Южной Африке. Он еще маленький. Я самая старшая.

– Сколько тебе лет?

– Тридцати три.

– Ты, вероятно, уже знаешь, что мне тридцать шесть. Но я чувствую себя на тридцать.

– Гм-м, интересно, почему?

Джеймс постучал себя по виску:

– Все идет от головы. Вот сейчас мне кажется, что я пью пиво с женщиной, которая старше меня.

Наталия посмотрела на него с удивлением. Потом из ее груди вырвался смех. Джеймс улыбнулся:

– Я не смог удержаться.

– Как бы там ни было, в моей истории есть смысл.

– Какой именно?

– Ты не готов писать красками.

– Ну... – сказал он, вставая и отряхивая шорты. – Сообщи мне, как только поймешь, что я уже готов. – Джеймс хотел, чтобы это прозвучало как шутка, но получилось грубо.

– О, я уже знаю. – Ее тон соответствовал его тону. Она встала и взяла его пустую бутылку. – Ты снова начнешь писать, когда перестанешь ненавидеть себя и свою жизнь.

Джеймс напрягся. Карлос ничего не писал о резкости Наталии. Правда,

в декабре он сказал, что не нуждается в ее помощи, но больше не сделал ничего такого, чтобы заслужить ее холодность.

– Ты все поняла про меня. – Джеймс скрестил руки. – А какая история у тебя? Кто ты, черт побери?

– Разве Карлос не написал о моих темных интимных секретах?

Джеймс прищелкнул языком.

– Ах, вот как... Значит, ты знаешь, что он писал в дневниках.

Ее лицо заалело в бледном свете.

– Я читала некоторые отрывки.

Она жадно глотнула из бутылки, и Джеймсу незачем было гадать, о каких отрывках идет речь. Как и его картины, дневники Карлоса были очень подробными.

– Неудобно получилось. – Слово эхом отозвалось в ее бутылке. Она выглядела печальной, и Джеймс не мог не чувствовать себя придурком.

– Я не помню ничего... гм... о нас. – Джеймс помахал рукой между ними.

Наталия плотно сжала губы и кивнула, ее глаза заблестели.

– Возможно, это к лучшему. Завтрашний день будет легче.

– А что будет завтра?

– Я позвоню адвокату, чтобы он начал составлять документы об усыновлении.

Глава 18

Карлос

Пять лет назад

15 августа

Сан-Хосе, Калифорния

По комнате разнесся приглушенный шум. Казалось, кто-то забивал гвозди молотком в стену, но ощущалось так, как будто это происходило в моей голове. Острая боль пронзила голову.

Бум, бум, бум. Я разлепил слипшиеся после сна веки. В комнате было темно. Я моргал и моргал, пытаюсь привыкнуть к полнейшей темноте.

Бум, бум, бум.

– Карлос! – Мое имя прошло сквозь стены.

Воспоминания о прошлом вечере, вернее, их отсутствие, прокатились по моему мозгу как перекасти-поле по пустой дороге. Никакого направления и полностью во власти ветра. Утром я в какой-то момент закрыл плотные шторы, чтобы заблокировать солнечный свет. И теперь я ни черта не видел.

Я прижал ладони к глазницам.

Бум, бум, бум.

– Открой эту проклятую дверь, Карлос, пока я не спустилась вниз и не попросила портье сделать это.

– Иду, – проскрипел я, скатился с кровати и упал на колени. Мигрень, горевшая вчера, словно лесной пожар, за ночь прошла, но тело болело, мышцы затвердели после крепкого сна в последние несколько часов.

Я поднялся на ноги, принялся нащупывать путь к двери, вытянув вперед руки, чтобы не наткнуться на стены. Большой палец ноги налетел на кресло у письменного стола, и я выругался. Боль распространилась до подбородка. Я толкнул кресло под письменный стол. Я не помнил, что выдвигал его.

Бум, бум...

Я повозился с замком и открыл дверь.

Глаза Нат округлились, как у кошки, застигнутой врасплох. Она ахнула, потом напряжение спало.

– Ты здесь. Слава богу! – Наталия посмотрела вниз, и ее глаза снова сузились. – Ты голый.

Она шлепнула ладонями по моей груди и втокнула меня обратно в комнату. Дверь за ее спиной захлопнулась.

От контакта с ее кожей мой мозг проснулся. Проснулось и тело.

– Нат, – простонал я, мои руки обвились вокруг нее, словно щупальца осьминога. Я подтолкнул ее к стене и прижался к ней всем телом. – Ты здесь.

«И, черт подери, ты просто потрясающая». Я крепко поцеловал ее, руки скользнули под рубашку и легли на груди. Мои бедра задвигались. Я снова застонал.

Наталия задохнулась.

– Карлос.

– Прямо здесь. – Я укусил ее за шею.

– Ой, Карлос. – Она шлепнула меня по плечам.

«Нетерпеливый дьявол», – подумал я с рычанием. Я завозился с «молнией» ее джинсов. Она подняла колено между нами, попав мне прямо под дых.

– Уф...

Она вывернулась из моих рук и отошла на безопасное расстояние.

– Какого черта, Карлос? – вспыхнула она и включила свет.

– Черт! – Я крепко зажмурился.

– Что ты, черт подери, делаешь?

Я сощурился и посмотрел на нее. Она явно злилась, лицо под веснушками покраснело и напоминало помидор, кулаки уперлись в бедра. Она была такой чертовски восхитительной и горячей. И как же здорово, что единственный человек в мире, которому я доверял, был здесь, рядом со мной. От этого мое возбуждение только усилилось.

– Ты меня завела, Нат. – Я жестом указал на промежность.

Она нахмурилась и посмотрела на смятую постель.

– Ты проспал все это время?

– Ну... – Я потер шею, взгляд метнулся к кровати. На полу валялись смятые простыни. – Да.

Ее ноздри расширились.

– Тебе, вероятно, нужно в туалет.

При упоминании об этом мой мочевого пузыря завопил, а эрекция пропала.

– Что с тобой случилось?

– Мне надо помочиться. – Я включил свет в ванной и ногой захлопнул дверь.

– И зубы почисти, – крикнула она мне вслед. – От тебя воняет.

Я облегчился, вымыл руки, плеснул холодной водой в лицо, надеясь, что холод разгонит туман, сгущавшийся в моей голове. Я не мог думать, не мог сосредоточиться. Потом я дважды почистил зубы, натянул трусы и рубашку и вернулся к Нат.

Она подняла шторы, включила кондиционер, чтобы разогнать застоявшийся воздух, и успела привести в порядок постель. Простыни снова оказались на матрасе. Теперь Нат просматривала маленький блокнот. Она подняла глаза, когда я подошел, и закрыла его.

– Я не находила себе места от тревоги за тебя. Я все время звонила и отправляла сообщения после того, как ты бросил трубку.

Мой взгляд метнулся к прикроватной тумбочке:

– Где мой телефон?

– Вот он. – Наталия протянула его мне. – Я нашла его на полу вместе с миллионами моих звонков и сообщений, оставшихся без ответа.

Я включил экран, увидел вереницу уведомлений, бросил телефон на письменный стол и рухнул в кресло.

– Я забыл отключить беззвучный режим перед тем, как рухнуть в постель.

– Сомневаюсь, что ты бы их услышал. Ты спал мертвецким сном. Ты знаешь, сколько времени я барабанила в дверь? Десять минут. – Она ответила на недоумение на моем лице.

Я поскреб заросшее щетиной лицо.

– Уф. – Я ненавижу себя за то, что заставил ее волноваться, и за то, что ей пришлось лететь сюда. – Нат, я отдам тебе деньги за авиабилет.

Она закатила глаза и поджала губы. Я догадался, что моя фраза обидела ее, потому что она отошла к окну, сложила руки на груди и стала смотреть на самолет, заходящий на посадку.

– Господи, Карлос, я люблю тебя, но не пугай меня так, – сказала Наталия после того, как самолет покотился по взлетной полосе. Она провела пальцем под глазами.

Мне хотелось заплакать вместе с ней, но я понял, что и без того упал в ее глазах. *Озабоченный ублюдок.*

– Иди сюда, – позвал я, раскрывая объятия.

Она свернулась у меня на коленях, положила голову мне на плечо, уткнувшись лицом в шею. Мы обняли друг друга и несколько минут просто

сидели. Это было блаженство.

– Я постараюсь больше не пугать тебя так. – Это прозвучало не очень уверенно. Я нежно поцеловал ее, надеясь успокоить нас обоих.

Она поерзала у меня на коленях, усаживаясь поглубже.

– Не переживай из-за моего прилета. Я все равно собиралась в понедельник лететь в Лос-Анджелес.

Я сжал губами мочку ее уха.

– Что у тебя в Лос-Анджелесе?

– Победительница конкурса «Мисс Малибу Про». Она живет в Санта-Монике. Мы с папой встречаемся с ней по вопросу лицензии на наши новые лонгборды. «Мисс Малибу Про» принимает у себя соревнования на лонгбордах.

– Те самые, с дизайном Мари.

– Те самые. Но я не хочу об этом говорить. – Наталия снова прижалась ко мне и уткнулась в шею. Большие пальцы ее рук гладили мое лицо. Я скорее слышал, чем чувствовал, как щетина царапает ее кожу. Складка между ее бровями стала глубже. – Что с тобой случилось вчера?

– Я не знаю. Не могу вспомнить. – От этого признания мое сердце забилося чаще.

– Это амнезия или ты слишком много выпил и отключился?

– Последнее, но без вмешательства алкоголя. – Я легонько сжал ее обтянутое джинсами бедро. – Томас ждал меня в аэропорту.

Наталия приоткрыла рот:

– Что? Как?

– Возможно, мое удостоверение личности подало сигнал, когда я проходил через таможню.

Наталия резко вдохнула, и я поцеловал ее в нос.

– Не беспокойся. Никто не собирался меня арестовывать. Но Томасу кто-то сообщил, что я здесь. Думаю, за мной установили слежку.

– Карлос! – В ее голосе послышалась тревога.

– Томас предложил показать мне город и встретиться со старыми друзьями. Он решил, я приехал потому, что мне захотелось узнать о самом себе.

– Так и есть, – подтвердила Наталия.

– Да, но я сказал ему, что это не так. Он пригласил меня на ланч, и... – Я нахмурился, пытаясь поймать вчерашние события. Что-то от меня ускользало.

– И что? – Пальцы Наталии постучали по моей шее, чтобы привлечь внимание.

– Томас рассказал Имельде и Эйми не всю историю о Джеймсе. – Я обо всем рассказал Наталии, а когда закончил, ее нежные черты затуманились от недоверия и страдания.

– Боже мой, Карлос. Тебе нужно немедленно сесть в самолет и вернуться к сыновьям. Твоя жизнь может быть в опасности. – Паника заставляла ее произносить каждое следующее слово громче предыдущего.

Я резко покачал головой.

– Нет, я так не думаю. Фил в тюрьме и не знает обо мне. Пока он и картель Идальго уверены в том, что Джеймс мертв, а Карлос не может вспомнить, что случилось, я ни для кого не имею никакой ценности.

– Для меня имеешь. И для Джулиана с Маркусом.

– Да, я знаю. Но послушай, есть еще кое-что. После ланча Томасу позвонили. Ему надо было заехать на какой-то склад, прежде чем везти меня в гостиницу. Я помню, как ждал его в машине, а потом,... а потом... – Я нахмурил брови. – Потом он высадил меня у гостиницы.

– Ты не можешь вспомнить, что было между ожиданием в машине и приездом в гостиницу?

Я поднял Наталию со своих колен и прошелся по комнате.

– Нет. И у меня голова разрывается от боли всякий раз, когда я пытаюсь думать о том, что случилось.

– Что-то точно случилось, потому что ты написал об этом.

Я остановился на полдороге.

– Я написал?

Ее лицо позеленело, пока она перелистывала блокнот.

– Что это?

Она прижала блокнот к груди, как будто не хотела, чтобы я его читал.

– Думаю, Томас что-то с тобой сделал.

– Дай мне взглянуть.

Наталия неохотно протянула мне блокнот, потом взъерошила копну своих волос.

Я быстро перелистал страницы, проглядывая слова, которые написал ночью. Я исписал весь блокнот. К горлу немедленно подкатила тошнота, и тут же в голове стало пусто. Я рухнул на край кровати и выругался.

– Вот почему Томасу нужно было рассказать мне о документах при личной встрече. – Я помахал блокнотом в воздухе. Зашелестела бумага, раскрывшаяся от движения. – Он хотел, чтобы я приехал к нему, и был готов к встрече. Ублюдок подверг меня гипнозу.

Я отшвырнул в сторону блокнот и вскочил.

Томас был моим братом. Он был дядей моих сыновей. Они окажутся в

его власти, если моя испорченная голова поймет, как себя исправить. Потому что Джеймс захочет вернуться в Калифорнию.

Я подошел к окну. Солнце прошло по небу уже три четверти пути. Взгляд метнулся к часам у кровати. 3.45 пополудни. Я проспал весь день.

– Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты стала их опекуном?

– Карлос... – начала она.

– Ты хочешь, чтобы Джулиан и Маркус оказались во власти таких людей? – Я резко указал на блокнот.

– Разумеется, нет.

– А будет именно так. С этой семьей они будут отмечать праздники. С ней будут проводить летние месяцы. Эти люди захотят, чтобы мои сыновья работали в их бизнесе.

– Ты этого не знаешь.

– Это долбаная семейка Джеймса, Нат. Моя семья. – Я ударил себя в грудь.

Мой взгляд двинулся от Наталии к часам, потом к блокноту, прежде чем резко остановиться на стенном шкафу. Я протопал через комнату и вытащил свой чемодан. В ванной собрал свои вещи.

– Что ты делаешь?

– Собираю вещи. Я отправляюсь домой. – Потом я вспомнил, что от меня воняет.

– Карлос?

Я взял чистую одежду, снова схватил туалетные принадлежности и ушел в ванную.

– Карлос!

– Что? – бросил я с порога.

Щеки Наталии порозовели.

– Здесь все непросто, Карлос, – твердо сказала она. – Я о твоих чувствах и о том, как ты относишься к Джеймсу и семье Донато.

– Что это значит?

– Ты слишком резко на них реагируешь.

– Это заслуженно, Нат. Мой брат подверг меня гипнозу против моей воли.

– Да, я понимаю, почему ты его ненавидишь. Но если дело касается твоих сыновей, ты готов на все, чтобы обеспечить их безопасность.

– Это свойственно всем людям и мне как отцу.

– Не каждый отец чувствует это. Иначе в мире было бы куда меньше случаев насилия и брошенных детей.

Я поправил одежду, которую держал под мышкой.

– К чему ты ведешь?

– Тебе не приходило в голову, что Джеймс чувствовал то же самое по отношению к своей семье? Старший брат едва не изнасиловал его невесту. Ты рассказывал мне о том, что Эйми тебе снилась до того, как ты узнал, кто она такая, и ты испытывал ужас из-за того, что ты не мог защитить ее. Не уезжай, пока не узнаешь о Джеймсе. Потому что, если ты всегда был похож на себя сегодняшнего, а я в это верю, Джеймс пожертвовал бы собственной жизнью, только бы Джулиан и Маркус были в безопасности.

Глава 19

Джеймс

Настоящее время

27 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

– Эй-эй-эй! – Джеймс вскочил. Бедрa чесались от травы и песка, но он не обратил на это внимания. – О чем это ты толкуешь?

Наталия склонила голову к плечу. Свет, падающий из дома, очертил ее силуэт, оставляя лицо в тени. Джеймс не мог рассмотреть его выражение.

– Я о документах. Для чего они? – задал он уточняющий вопрос.

– Для опеки над Джулианом и Маркусом. Ведь ради этого ты здесь, разве не так?

– Нет!

– Но ты сказал по телефону... – Она замолчала.

– Я это сказал? – Джеймс шагнул к ней.

Наталия нахмурилась, судорожно вздохнула.

– Боже, как это все неловко. Я говорила о Карлосе, а не о тебе. Просто каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу... его.

Пластическая хирургия на его лице помогла Эйми отделить Джеймса от Карлоса, но для Наталии он был на одно лицо с мужчиной, которого она любила.

Ее плечи поникли, подбородок опустился.

– Все это так странно.

Джеймс сунул руки в карманы и быстро наклонил голову.

– Если это поможет, то тебя прекрасно понимаю. – Видеть ее – все равно что встретить оживший персонаж романа. Он столько о ней прочел. Знал множество интимных деталей, например, откуда у нее шрамы внизу живота и что ей больно от того, что отец оставил ее, путешествуя по миру.

Глаза медленно привыкли к ночному небу, и Джеймс увидел белую полосу, когда Наталия быстро улыбнулась. Легкий бриз играл с ее юбкой,

и Джеймса поразило, насколько Нат красива. Его тело занималось с ней любовью. Его руки касались всех потаенных складочек. Его рот боготворил каждый ее женственный изгиб.

Но его мозг не мог вспомнить из всего этого ни одной проклятой секунды, и странно, но Джеймс испытывал сожаление.

Наталия собрала волосы, скрутила их в узел и перебросила через плечо.

– Позволь пояснить, чтобы нам обоим было понятно. Карлос не хотел, чтобы его сыновья воспитывались в семье Донато. Он им не доверял, и тебе тоже. Он был убежден в том, что ты не захочешь получить в нагрузку двоих детей, которых ты не собирался иметь. Карлос попросил меня оформить официальное опекуновство. Он говорил, что собирается оставить для тебя «лазейку», – она пальцами показала кавычки, – записав в дневнике, что я возьму твоих детей, если ты не захочешь их растить. Потом ты позвонил и сказал, что хочешь, чтобы я присмотрела за твоими сыновьями...

– Какое-то время, – Джеймс протянул к ней руку, – возможно, неделю или две. Но давай вернемся к Карлосу. Есть одна вещь, с которой я соглашусь и сейчас, – это моя семья. Я не доверяю своим братьям и не хочу, чтобы они были рядом с моими сыновьями.

Наталия с силой выдохнула и широко улыбнулась:

– Я так рада это слышать.

Теперь он понял, почему она оказала ему такой холодный прием в аэропорту. Она думала, что он решил сдать ей на руки своих сыновей.

– Моя мать – это другая история.

– Ага. – Наталия переминалась с ноги на ногу. – Это был шок. Не могу поверить в то, что Карла – твоя мать.

Джеймс потер шею, потом локоть.

– С ней я справлюсь. Мальчишки не знают о ней, и я не знаю, как они воспримут такую новость. – Он взял у Наталии пустые бутылки и жестом пригласил ее вернуться в дом. Москиты нещадно кусались. – Они и так злятся на меня, потому что я не их *настоящий* отец. А что, по-твоему, они будут чувствовать, когда узнают, что пожилая соседка, покупавшая им мороженое и хворост, тоже не та, кем они ее считали?

– Не могу сказать, но сеньора Карла любила твоих сыновей, а это значит, что твоя мать любит своих внуков. Мы рискуем и не всегда можем объяснить свой риск тем, кого любим.

Куда уж правдивее... Он почувствовал себя лицемером, когда сказал:

– Но она солгала им.

– И это тебя беспокоит.

– Очень. – Потому что он сам годами лгал Эйми о своей семье, и вот куда это привело. Он сорвал цветок гибискуса с куста, мимо которого они проходили, и принялся крутить стебель. – А тебя?

– Да, но... я понимаю, почему она сделала то, что сделала. Карлос не подпустил бы ее к себе, если бы она сказала ему правду. И я не думаю, что она приезжала только ради детей.

– Вот как? – Он покрутил стебель цветка.

– Куда больше времени Карла проводила с тобой, Джеймс. Она приезжала, чтобы увидеть тебя. Ты – ее сын. Сын, которого она считала умершим. Полагаю, в какой-то момент Томас все-таки рассказал ей о тебе. Можешь представить, что она почувствовала?

– Они не разговаривают друг с другом. Во всяком случае, не общаются регулярно, как это бывало раньше.

– Ничего удивительного.

Между ними пролетел бриз, насыщенный дождем и отяжелевший от соли. Наталия остановилась у подножия лестницы, ведущей на веранду, и повернулась к Джеймсу.

– Я полагаю, что ты любишь своих сыновей, раз не отдаешь их мне.

– Безусловно.

– Я говорила Карлосу, что так и будет. – Она коротко улыбнулась, потом рассеянно поскребла ногтем деревянные перила. – Карлос мне говорил, как нервничала Карла во время ее первого приезда в Мексику. Представь, что бы ты чувствовал, узнав, что твой сын жив, хотя ты сам похоронил его тело. Это сильное эмоциональное потрясение.

Наталия была права.

– Я все равно ей не верю.

Она взяла у него цветок, который он мучил, и заложила его за ухо.

– Дай ей время. Она твоя *охана*, твоя семья, а семья означает, что никого не бросают и не забывают.

Его губы скривились. Он сорвал еще один цветок с куста.

– Ты цитируешь мне «Лило и Стич»?

– Отлично. Я ценю твой юмор.

– У меня сын шести лет.

– Да, это так. – Она взяла его руку в свои ладони, без слов прося отдать ей цветок. Он повиновался, и она заложила цветок ему за ухо. Лепестки, щекотавшие ему щеку, легчайшее прикосновение ее пальцев к чувствительной коже, теплое дыхание Наталии на подбородке заставили Джеймса резко втянуть в себя воздух. Чувства пронзили тело, пробуждая,

как будто он долгие годы находился в спячке. Она посмотрела на цветок, потом на него и сверкнула улыбкой. Он покраснел, словно подросток, и его затопило чувство вины, словно краска сорвалась с кончика кисти.

За исключением Эйми и их безумного, рвущего душу расставания несколько дней назад, он давно не общался с женщиной. Обнимашки с Кристен в счет не шли. Они были абсолютно платоническими и достаточно неловкими. Были еще жесткие объятия Маркуса, который, казалось, старался разорвать контакт еще быстрее, чем устанавливал его. Если не считать этого, Джеймса, кажется, целую вечность не обнимало ни одно человеческое существо, не говоря уже о женщине.

Он коснулся цветка.

– Спасибо. – Голос Джеймса прозвучал напряженно, он был переполнен эмоциями, которые сам едва понимал.

На этот раз покраснела Наталия.

– Так... *почему* ты здесь?

Он вздернул бровь:

– Каникулы.

– Почему я в это не верю?

От порыва ветра по коже Джеймса пробежал холодок. Он вдруг почувствовал себя уставшим, измотанным, как будто не спал несколько месяцев. Все последние дни он беспокоился или о том, чтобы его сыновья были в безопасности, или о том, как перемены в их жизни скажутся дальше, или о том, как восстановить связь «отец–сыновья». Он не был плохим парнем и устал от того, что они с ним обращаются именно так. А сейчас он хотел уснуть и проспаться несколько дней. Удивительно, здесь, на Гавайях, когда его братья находятся от него за тысячи миль, а Наталия рядом, Джеймс вдруг почувствовал, что сможет это сделать. Он почувствовал, что попал в безопасное место.

Джеймсу вдруг стало ясно, что он привез своих сыновей сюда по причине куда менее простой, чем импульсивное желание не встречаться с Филом или избежать настойчивых расспросов Томаса о тех трех часах, которые он никак не мог вспомнить. Все достаточно просто. Джеймс приехал на Кауаи, потому что ему некуда было ехать. У него не было никого, кто бы до конца понимал не только то, что происходило вокруг него, но и что происходило у него внутри. У него не было никого, кроме Наталии. Возможно, он ищет успокоение в этой мысли. Или просто ищет ее дружбы. Ему еще только предстояло это выяснить, но, возможно, он найдет это здесь, в этом раю с помощью женщины, которая ему в данный момент не чужая, но и не любовница, а просто *охана*.

Заморосил дождь, и Наталия подняла лицо к небу.

– Сейчас начнется ливень. Идем в дом.

В кухне Джеймс бросил бутылки в мусорный бак и зевнул во весь рот.

– Я собираюсь лечь спать. Спасибо за пиво и за разговор.

– Пожалуйста, все было мило. – Она посмотрела на ступени, ведущие вниз. – Надеюсь, ты не против, что я поместила тебя в своем кабинете? Отец скоро должен вернуться, мы обычно встречаемся здесь, чтобы он наверстал упущенное за время деловых поездок. Если мы станем слишком бесцеремонными, то я поселю мальчишек вместе, и ты тогда переедешь в одну из их комнат.

– Не волнуйся, мне все нравится. – Джеймсу предстояло спать на раскладном диване в ее кабинете. Наталия постелила постель, оставила полотенца и мыло.

– У тебя есть все необходимое?

– Думаю, да. – Джеймс пошел вниз по лестнице, потом остановился. – Спасибо, что позволила нам пожить у тебя.

Ее плечи поднялись и опустились в долгом вдохе и выдохе, потом она подняла глаза, и их взгляды встретились.

– Разумеется, вы же моя семья.

– Охана.

Наталия улыбнулась:

– Да, охана. – Она стиснула руки.

От этого жеста ему стало не по себе.

– Все в порядке?

Она кивнула и сделала круговой жест, как будто стирая свои мысли.

– Ты двигаешься, как он. То есть ты двигаешься, как ты. Полагаю, я ожидала, что будет больше различий, не только имена.

– Мы *разные*. Держу пари, к завтрашнему вечеру ты выгонишь меня из дома, потому что я буду казаться тебе слишком большим снобом. – Он указал на свою сорочку с воротником.

Наталия засмеялась:

– Сомневаюсь. Но, говоря о завтрашнем дне, у меня есть работа. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я оккупирую твое пространство.

– Вовсе нет. Мы с мальчиками пойдем осматривать окрестности.

– Что ж... гм... тогда спокойной ночи. – Она направилась по коридору, ведущему к ее спальне.

– Спокойной ночи, Наталия. – Джеймс смотрел ей вслед. Карлос поцеловал бы ее на ночь. Или отнес в комнату. И занимался бы с ней любовью, пока оба не рухнут, задыхающиеся и потные, на смятые

простыни. Джеймс перечитывал эти отрывки множество раз, часто гадая, насколько не похожим на него был Карлос в постели. *Почувствовала бы Наталия разницу, если бы закрыла глаза?*

Он простонал про себя. Почему он вообще думает о постели? Они только что встретились.

В некотором замешательстве он поскреб в затылке и отвернулся.

– Джеймс?

Он обернулся.

– Джулиан сказал мне, что ты оставишь их с Маркусом здесь.

И когда только Джулиан поймет, что Джеймс их не бросит?

– Что еще он тебе сказал?

Наталия вернулась в гостиную.

– Он не верит, что нужен тебе. А Маркус верит всему тому, что говорит старший брат.

Джеймс выругался. Потер предплечье, почесал укусы москита.

– Буду честен: первые несколько недель после моего «возвращения» все было непросто. Не так легко было привести наши жизни в порядок. Ладно, это было невероятно трудно, и это мягко выражаясь. – Он чуть улыбнулся, признаваясь в этом. – Но они – мои сыновья. Я люблю их и никогда их не брошу. Я только хочу, чтобы они в это поверили.

Когда Джеймс только что пришел в себя, он и его сыновья были сбиты с толку и напуганы. Хотя Карлос подготовил Джеймса к такой возможности, от этого ситуация не стала менее пугающей. Не помогли и инструкции Карлоса для Джулиана. Он говорил сыну, что может забыть его и что ему потребуется помощь, чтобы снова стать отцом. Он предупредил мальчика, что Джеймс может отказаться от них, и тогда они поедут жить к тете Наталии. Джеймс с удовольствием дал бы за это пинка другой своей ипостаси. Парнишке всего десять лет. О чем Карлос только думал?

– Я не знаю, что именно Карлос говорил сыновьям, но он думал, что ты можешь оказаться похожим на твоих братьев. – Наталия смерила его взглядом. – Ты же не похож на них, нет?

– Черт побери, нет.

– Я знала это. – Она коснулась его руки. – Я хочу помочь тебе.

– Как? – Он смотрел, как она водит пальцем по линиям на его ладони. От ее легчайшего прикосновения вся его рука завибрировала до самого плеча. В горле появился комок от невысказанных эмоций.

– Племянники мне доверяют. Пусть они увидят, что ты мне нравишься. Пусть они увидят, что я тебе доверяю. – Наталия подняла на него глаза, их взгляды встретились. – Возможно, они поступят так же.

– Возможно, – прошептал Джеймс, глядя на нее. Он понимал, почему Карлос любил эту женщину. И она только что призналась, что он, Джеймс, ей нравится. – Спасибо.

– Могу я тебя кое о чем попросить?

Он кивнул.

– Можно мне обнять тебя?

– А... да. – Он раскрыл объятия, и она прижалась к нему, ее ухо оказалось у самого его сердца. Он стоял с распростертыми руками, кровь шумела в ушах, и он не знал, что делать. Обнять ее в ответ? Прижать к себе? Потом он почувствовал, как тепло ее тела проникает в него. Это его успокоило, он выдохнул, хотя сам не заметил, что задержал дыхание. И обнял ее.

Наталия издала довольный звук. И после нескольких ударов сердца и нескольких спокойных вдохов прошептала:

– То же самое сердце.

Глава 20

Карлос

Пять лет назад

15 августа

Лос-Гатос, Калифорния

Через несколько недель после того, как Эйми появилась в Мексике и Имельда рассказала мне все, что знала о моей ситуации и о той роли, которую она в этом сыграла, я получил посылку от Томаса. Это был айфон. Эйми загрузила все контакты Джеймса, музыку и фото с его аккаунта в iCloud, когда Томас сказал ей, что этот телефон предназначается для меня. Просто на тот случай, если все это мне пригодится.

Не пригодилось, до этого дня.

Я привез айфон с собой. Наталия сделала нам кофе и, когда айфон зарядился, принялась просматривать контакты Джеймса. Потом она перелистала фотографии.

– Здесь много снимков, на которых вы с Эйми вместе, – произнесла Наталия, отдавая мне айфон. Она скрутила волосы в жгут, и ее внимание переключилось на мой телефон на письменном столе, в котором было множество наших с ней фотографий.

– Эй, – пробормотал я, коснувшись ладонью ее лица и проводя большим пальцем по веснушчатой щеке. Кожа была гладкой, словно дорогое постельное белье. – Я люблю тебя. – Я нежно поцеловал ее, потом прижался лбом к ее лбу. – Тебя.

Наталия кивнула:

– Я знаю. Просто...

– Ты не обязана была приезжать сюда.

– Нет, обязана. Кто-то должен защищать тебя, иначе тебе снова дадут по голове.

Мы оба невесело рассмеялись.

– Ты просматривал снимки?

Я покачал головой. Разглядывание жизни Джеймса на фотографиях было игрой для ума, но играть в нее мне не хотелось.

Наталия отошла от меня и схватила сумочку.

– Я нашла адрес того дома, где ты жил раньше. Мы могли бы поехать туда.

И вот мы уже сидели в машине, припаркованной у дома, соседнего с тем, которым я когда-то владел. Два мальчика играли на лужайке в салки, и женщина, сидевшая на крыльце, была не Эйми.

– Должно быть, она переехала, – предположила Наталия.

По дороге я рассказал ей, что Эйми и Ян недавно поженились. Эту часть моего разговора с Томасом я помнил.

Лоб жгла тупая боль. Я вытащил из кармана аспирин и проглотил две таблетки, не запивая.

Наталия передала мне бутылку с водой.

– Сколько таблеток ты уже выпил с того момента, как я тебя разбудила?

– Шесть, кажется. – Я закрутил пробку и поставил бутылку на центральную консоль в держатель для стакана. – Они не помогают.

– Может быть, тебе следовало поехать в больницу?

– Нет, никаких докторов. Я не хочу, чтобы кто-то еще копался в моей голове. Я не хочу забыть своих сыновей. – Я схватил руку Наталии и поцеловал запястье. – Или тебя.

– Боже, какой ты упрямый. Никаких докторов, но если только твоя головная боль не ухудшится. Договорились?

Я нагнулся к ней и поцеловал.

– Договорились.

Наталия включила зажигание.

– Куда дальше? В кафе?

На часах было 5.56 пополудни.

– Не успеем. Кафе закрывается в шесть.

– И каковы же наши планы?

Я потер лоб и закрыл глаза, спасаясь от приступа пустоты в голове:

– Я подумал о родителях Эйми. Они смогут сказать нам, где она живет.

Но мне нужно что-нибудь съесть.

Наталия тронула машину с места.

– Тогда будем считать наш день законченным.

– Какая напрасная трата времени, – пожаловался я, массируя голову.

Наталия с тревогой посмотрела на меня:

– К Тирни поедem завтра. А сегодня я угощу тебя ужином. А потом

потру тебе спинку.

– Только спинку?

Наталия фыркнула и игриво ткнула меня в плечо:

– Давай для начала накормим твой желудок, а потом посмотрим, что случится.

* * *

В дверь Тирни я позвонил ближе к полудню. Наталия стояла рядом, наши плечи соприкасались. Я крепко схватил ее за руку. Она погладила мое предплечье. Я ослабил хватку.

– Я нервничаю так же, как и ты. – Она крепче сжала мою руку.

За дверью слышались легкие шаги. После секундного колебания щелкнул замок, и дверь распахнулась. Нас приветствовала постаревшая копия Эйми. Женщина была ниже ее ростом. Голубые глаза, большие и яркие под копной коротких волос с проседью, переместились с меня на Наталию, потом обратно. Пожилая женщина смотрела, не мигая, потом моргнула несколько раз, отступила на шаг назад и ахнула. Руками она зажала себе рот и нос, глаза подернулись слезами.

– Миссис Тирни? – спросил я.

Она убрала руки от лица.

– Джеймс?

Ногти Наталии впились в мою руку. Я посмотрел на нее. Наталия побледнела.

– Карлос. – Я протянул руку.

– Да, разумеется... Карлос. – Миссис Тирни вцепилась в мои пальцы обеими руками. – Карлос, – повторила она, пробуя имя на вкус. – Ты выглядишь иначе... Я бы никогда не подумала... – Она сжала губы, ее подбородок задрожал, и она выпустила мои руки. Потом коснулась волос, спустила на запястье серебряный браслет, который носила, оглянулась через плечо в глубину дома и украдкой смахнула слезы.

– О, боже, – прошептала она. – Я несколько сбита с толку.

Наверное, увидеть меня на ступеньках крыльца было для нее равносильно встрече с привидением. Родители Эйми присутствовали на погребальной службе и на похоронах Джеймса.

Наталия потянула меня за руку.

– Это Наталия Хейз, моя...

– Я его свояченица, – закончила она, глядя на меня. Я нахмурился, она

покачала головой и протянула руку. – Рада с вами познакомиться.

– Я – Кэтрин. – Миссис Тирни выглядела несколько оторопевшей.

– Мы можем войти? – спросил я.

– Господи, где мои манеры! Входите, входите. – Она распахнула дверь.

Наталия вошла первой, а я замешкался. Меня охватила паника. Что, если я узнаю комнаты? Что, если на стенах есть наши с Эйми совместные фотографии? Что, если я вдруг забуду, кто я сейчас, и вспомню, кем я был?

Наталия обернулась на меня и сжала мою руку, чтобы я прочел по губам. *Все в порядке*, беззвучно сказала она мне. Я вошел в прихожую и огляделся. Если не считать написанного маслом старого фургона, в котором я признал работу Джеймса – это был его художественный стиль и подпись в уголке, – я не увидел ничего знакомого. Я выдохнул и улыбнулся Наталии.

Кэтрин закрыла входную дверь, наблюдая за нами. За тем, как Наталия стоит рядом со мной, как соединены наши руки. То, что мы тайком переглядываемся, тоже не осталось для нее тайной.

– Она больше чем свояченица.

– Я люблю ее.

Уголки губ Кэтрин опустились. Она кивнула.

– Не могу представить, что за жизнь у тебя сейчас, когда ты большую часть из нее не помнишь. Все, что сделала твоя семья... – У нее дрогнул подбородок. – Но для нас ты всегда желанный гость. Ты всегда будешь членом нашей семьи. – Она повернулась к Наталии. – Я рада, что у него есть ты.

Наталия дрожащей рукой поправила ремешок сумочки на плече.

– Спасибо.

– Я рада, что ты не один, – сказала Кэтрин мне. Слезы наполнили ее глаза и потекли по морщинистым щекам. Плечи затряслись, и она громко заплакала.

– О! – воскликнула Наталия. Она обняла Кэтрин, и та зарыдала у нее на плече.

– Кэти? – разнесся по дому громкий голос.

– Я здесь, Хью. – Ее голос дрогнул от слез.

Раздались тяжелые шаги, эхом отозвавшиеся по дому. Из-за угла появился крупный мужчина.

– Почему ты плачешь? – обратился Хью к жене. Я с извращенным удовольствием наблюдал, как выражение его лица меняется от смущения к шоку. – Господи Иисусе.

– Я полагаю, мы оба восстали из мертвых.

Наталия шлепнула меня по груди:

– Карлос!

Кэтрин схватила меня за запястье:

– Останешься на воскресный ланч?

– Кэти, я не думаю...

– Ланч? – переспросил я, потом заметил в столовой накрытый на четверых стол, и в это мгновение входная дверь распахнулась.

– Привет! Вот и... мы, – голос Эйми упал на середине фразы, последнее слово она произнесла еле слышным шепотом. Она резко остановилась на пороге, ее голубые глаза были такие же глубокие, как море, темные кудри водопадом падали на плечи. Она издала странный звук: – Карлос.

За ее спиной возник Ян.

– Отойди в сторону, любимая, не то я... – Наши взгляды встретились. Если лицо Эйми побледнело, то лицо Яна стало напряженным и красным. Глаза потемнели от страха.

– Не беспокойтесь, я все еще Карлос, – сказал я.

Глава 21

Джеймс

Настоящее время

28 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Привыкший к другому часовому поясу, Джеймс проснулся еще до восхода солнца. Снаружи барабанил дождь, на протяжении всей ночи он то прекращался, то начинался снова. Джеймс переделся в шорты для бега и рубашку, зашнуровал кроссовки. Он уже очень давно не оставлял мальчиков одних. Прошлой зимой ему было все равно. Он убегал на девяностоминутную пробежку и не думал о том, что оставляет малыша-пятилетку с одиннадцатилетним парнишкой, который каждый день угрожал автостопом добраться до аэропорта. Мозг Джеймса был поврежден, и знакомый ему мир продолжал жить без него. Ему надо было выбраться на улицу и бежать, долго и быстро, пока не начнут гореть легкие и болеть икры. Это он и делал.

Но этим утром он знал, что побежит ради чистого удовольствия, ради прилива адреналина, прибывавшего по мере того, как накапливались мили. Потому что в этот раз мальчики были в безопасности и спокойно спали под крышей тетушкиного дома.

Джеймс надел свои «умные часы», стер сообщение от Томаса, не потрудившись его прочесть, и выставил параметры для пробежки. Пробежка обещала быть приятной, и он планировал растянуть удовольствие.

Он побежал по направлению к автостраде Кухио, выдерживая ровный ритм и пробегая мимо насупившихся под серой облачностью домов. Джеймс знал, что деревья над головой и лужайки, уходившие в сторону от дороги, были такие же зеленые и яркие, как акриловая краска. Он видел их накануне, пока они ехали к дому Наталии. Карлосу нравились жара и деревенская прелесть Пуэрто-Эскондидо, его сухой воздух, насыщенный

солью и пылью. А Джеймс предпочитал атмосферу этой местности на берегу океана. Ханалеи напоминал почтовую открытку 1950-х годов, и, когда Джеймс пробежал мимо витрин магазинов, начальной школы и маленькой зеленой церкви, ему казалось, что он вернулся в прошлое. Он пробежал милью за милей, кроссовки топали по мокрому от дождя асфальту, и Джеймс позволил своему мозгу перенестись в те времена, когда он занимался футболом, бегал на короткие дистанции, оказываясь впереди остальных. Потом его мозг еще больше углубился в прошлое, в то время, когда они жили в штате Нью-Йорк.

Джеймсу было девять в тот День благодарения, когда он, Фил и друг Фила Тайлер наткнулись на мать и дядю Гранта, папу Фила, в сарае для дров. Их руки и ноги сплелись, одежда была в беспорядке. После минутного замешательства Тайлер схватил Фила за воротник и потащил прочь. Грант побежал за ними, умоляя сына подождать.

Мать расправила юбку и вцепилась в плечи Джеймса.

– Забудь то, что ты видел, – взмолилась она. – Твой отец не должен ничего узнать, и ты ничего не расскажешь Томасу. Пообещай мне.

Но мог ли он забыть такое? Мать тряхнула его, когда он не ответил.

– Обещай.

Джеймс пообещал, и не от него отец, в конце концов, услышал о матери и ее брате в дровяном сарае.

Филу еще в раннем детстве сказали, что мать бросила его, предоставив отцу в одиночку воспитывать сына. После того случая в сарае для дров Фил разыскал свое свидетельство о рождении. Он всегда думал, что у его матери и тети одинаковые имена. Но после того, как он увидел отца и тетку вместе, правда о родителях предстала перед ним в виде четкого почерка тети, который он мгновенно узнал, так как стал старше. *Клэр Энн Мария Донато*. К несчастью для Фила и всей семьи Джеймса, Тайлер снова находился рядом с Филом, когда тот нашел свое свидетельство о рождении. Прошло совсем немного времени, и правду узнали одноклассники Фила, вся их маленькая община и прихожане местной церкви. Вскоре в коридорах и кабинетах «Донато Энтерпрайзес», штаб-квартира которой находилась в то время в штате Нью-Йорк, заговорили о том, что произошло в День благодарения. Потому что новость о Гранте Донато и его сестре была слишком шокирующей, чтобы ее не распространять.

Опозоренный Эдгар, отец Джеймса, собрал вещи и перевез семью на другой конец страны, но только после того, как совершил сделку с Грантом и стал вторым крупным держателем акций после него. Отец открыл западный филиал «Донато», который после смерти дяди Гранта

превратился в головной офис фирмы. Достаточно странно: Эдгар любил свою жену, но бизнес он любил больше.

Хотя Фил в то время этого не понял, но именно из-за этой сделки и того, что он увидел в сарае для дров, он потерял возможность унаследовать «Донато Энтерпрайзес».

Задыхаясь и от воспоминаний, и от физической нагрузки, Джеймс добежал до парка развлечений на пляже Хаена быстрее, чем изначально рассчитывал. Шесть миль от дома Наталии он пронесся, как на соревнованиях. Джеймс нагнулся, уперся руками в колени и постарался отдышаться. Пот капал с кончиков волос, с носа и подбородка и падал на траву. Фил изменился, когда узнал о своих родителях. Черт, они все изменились. И, в конце концов, Филу удалось выполнить то, что он задумал. Федералы забрали большую часть активов «Донато Энтерпрайзес», а Джеймс потерял Эйми. Было бы слишком легко свалить всю вину на Фила, но они все втроем – Фил, Томас и Джеймс – подожгли запал, который разметал всю их семью.

Джеймса спрятали в Мексике. Фила посадили за решетку, а Томас восстанавливал «Донато». Оставалось только гадать, были ли последние несколько лет «оком шторма». Что хочет от Джеймса Фил? Перегорело ли его желание отомстить или он все еще жаждет крови брата? Или произойдет что-то совершенно другое? Проклятье, Джеймсу просто необходимо вспомнить, что произошло в баре и на лодке.

Как бы ему ни хотелось остаться на острове Кауаи, Джеймс знал, что он должен вернуться в Калифорнию и встретиться с Филом. Выяснить правду о том дне, когда его мозг дал сбой. Если Фил действительно пытался его убить, то Джеймс согласен с Томасом: они должны сделать все возможное, чтобы снова отправить Фила в тюрьму.

* * *

Когда он бегом возвращался обратно в Ханалеи, лучи утреннего солнца пробрались сквозь низкие облака, заискрились в кронах деревьев, окрашивая их в золотой цвет. Пальцы Джеймса согнулись, как будто держали невидимую кисть. На мгновение, может быть, на несколько мгновений он задумался о том, чтобы с помощью Google узнать, где на острове продаются материалы для живописи. Но вскоре вспомнил картины Карлоса, написанные акриловыми красками, такие же яркие, как и палитра цветов на заднем дворе у Наталии. Полотна были написаны с таким

мастерством, которое Джеймс даже не надеялся повторить.

Наталии нравились работы Карлоса. Три из них висели в ее доме. Пейзажи Пуэрто-Эскондидо, и ни на одном из них не было заката.

В Ханалеи Джеймс остановился, чтобы заказать кофе, один – для себя, другой – для Наталии, потом вернулся в дом. Он оставил кроссовки на веранде и открыл стеклянную раздвижную дверь. Громкий хохот и грохот кастрюль наполняли комнаты. Джеймс двинулся в кухню, привлеченный шумом и ароматом оладий и сиропа. Наталия стояла возле плиты и наливала тесто на железную сковородку. Джулиан разливал в пластиковые чашки ярко-розовый сок, а Марк, накрывавший на стол, размахивал ножом, словно воображаемым мечом. Клэр с ловкостью шеф-повара резала фрукты.

Джеймс моргнул, и, если бы его руки не были заняты стаканчиками с кофе, он бы точно потер кулаками глаза, потому что решил, что это обман зрения. Сначала сэндвичи с яйцами в Лос-Гатос, а теперь это. С каких это пор его матери нравится работать на кухне? Он вообще не помнил, чтобы она хоть что-то готовила. Их экономка на столе в кухне оставляла ему и Томасу еду, чтобы перекусить после школы. Именно она готовила на всю семью. И, боже мой, что это за цветастая палатка, в которую облачилась его мать? Рисунок настолько яркий, что искрится.

Клэр разрезала спелую папайю и поймала взгляд сына. Она одарила его улыбкой, такой же ослепительной, как и ее наряд.

– Доброе утро, Джеймс.

– Э...

Джеймс не мог оторвать от нее глаз. В своем наряде, который он считал чем-то вроде пляжного халата, она выглядела молодой, экстравагантной и забавной. Она хотела быть веселой бабушкой.

Клэр надула губы, морщинки вокруг них стали глубже.

Ну да, это же его мать.

– В самом деле, Джеймс. Закрой рот. Гекконы, которых я видела поблизости, решат, что это новый дом.

Да, это определено она.

Марк хихикнул, потом фыркнул от смеха.

– Тебе это кажется забавным? – сухо спросил Джеймс.

Марк кивнул.

– Угу.

– Уморительно, – оценил Джулиан.

– Джулиан! – одернула его Наталия.

Джеймс посмотрел на нее. От горячего кофе у него вспотели руки.

Наталия улыбнулась. *Доброе утро.* Она произнесла эти слова одними губами. Эластичная лента свободно удерживала ее волосы в небрежном пучке на затылке, фиолетовые полукружья подчеркивали зеленые глаза. Среди этой веселой компании только она выглядела невыспавшейся. Было не позже восьми, но все, кроме нее, жили по тихоокеанскому времени.

Наталия положила еще несколько оладий в стопку уже готовых и выключила плиту. Потом жестом пригласила Джеймса пройти в гостиную.

– Ты не обязана для нас готовить, – сказал Джеймс, когда Наталия принялась собирать журналы с кофейного столика.

– Я не против. – Она переложила их на полку под телевизором. – Мальчикам нравится помогать на кухне.

Это оказалось для Джеймса новостью. Впрочем, он и не готовил. Чаще всего они ели вне дома. Джеймс поставил стаканы с кофе и подумал, что сегодня надо обязательно купить продукты. Он скучал по барбекю и с удовольствием помогал с ужином накануне.

– Твоя мама приехала около часа назад. Она знала, что мальчики встанут рано. – Наталия сложила рисунки, которые Марк оставил разбросанными на диване. Джеймс решил ей помочь и собрал цветные карандаши сына. – Не переживай, – улыбнувшись, продолжала Наталия, – они не знают, кто она такая на самом деле. Лучше ты сам им обо всем расскажешь.

– Спасибо, – сморщился Джеймс, складывая карандаши. Один упал на пол и покатился к босой ступне Наталии. Нат передала ему карандаш, Джеймс положил его к остальным и сел рядом с ней на диван. – Я и не думал, что ты им скажешь.

– Клэр не жалуется. Боже, как странно ее так называть. – Она опустила на колени, заглянула под диван в поисках укатившихся карандашей и нашла две штуки. – Марк привез с собой краски?

Джеймс покачал головой.

– Я не хотел, чтобы он тут у тебя пачкал.

– У меня есть виниловая скатерть. Он может рисовать в кухне или за столом на веранде. В магазине игрушек в Принсвилле продаются материалы для живописи. – Наталия поскребла голову карандашом. – Утром звонил мой отец. – На ее лице снова появилась смущенная улыбка. – Кстати, если тебе интересно, это он меня разбудил, а не твои дети.

– Неинтересно, но... все в порядке?

– Да, он здоров. Прилетает раньше, чем я ожидала. Сегодня во второй половине дня.

– Ага. Ты мне сообщаем или предупреждаешь?

Наталия нервно хохотнула и села рядом с ним. Она не отводила взгляда от карандашей, которые катала по столу.

– Я надеялась, что он появится через несколько дней, что мы сможем побыть одни какое-то время. Кстати, как долго ты останешься у меня?

Бесконечно.

Слово едва не сорвалось с языка. Джеймс сжал губы, чтобы не произнести его. Жизнь в Калифорнии уже не была прежней, и единственный человек, с которым он хотел быть рядом, больше ему не принадлежал.

Но Джеймс знал, что он не может задерживаться здесь надолго.

– Думаю, пару недель, если ты не против.

– Совсем даже не против. Ты можешь оставаться дольше. Честно говоря, я была бы рада, если бы ты и дети остались на все лето. Я давно их не видела. Ведь в школу они пойдут только в августе, верно? – Джеймс кивнул, и Наталия положила руку ему на плечо. – Вы останетесь?

– Думаю, мальчики будут рады.

– А как насчет тебя? – Наталия искала его взгляда. – Ты хочешь остаться?

Джеймс подумал о помолвочном кольце Эйми, лежавшем в его чемодане. Он подумал о своих сыновьях, завтракавших в кухне, и о том, как женщина, сидевшая с ним рядом, предложила помочь им снова стать семьей.

– Да, я хочу остаться.

– Замечательно, – улыбнулась Наталия. – Хотя ты, возможно, передумаешь после того, как приедет мой папа.

– Мы уже встречались?

– Один раз. На вашей свадьбе.

У Джеймса свело желудок, и мозг сразу напомнил о несостоявшейся свадьбе с Эйми. Тот особенный день, который они за год обозначили в календаре, Эйми провела на его поминальной службе и похоронах. Потом он вспомнил, что Карлос женился на Ракели.

– Что случилось на свадьбе? – В дневниках почти не было информации об этом. В то время Карлос не вел записи так, как будто они спасали ему жизнь.

– Ну... – Наталия потерла руки и встала. Она взяла рюкзак Марка и вытащила его книги. – Папа – ловелас, и он приставал к Имельде, женщине, которую ты считал своей сестрой, – добавила она, нахмурившись. – Он не был слишком непристойен, но ей это не понравилось, и ты дал ему по физиономии.

Брови Джеймса взлетели к самым волосам.

Наталия открыла «молнию» на всех карманах рюкзака, сунула в каждый руку и добавила все найденное к растущей куче вещей Марка на кофейном столике.

– Когда ты был Карлосом, ты очень легко выходил из себя. Ты любил драться.

Она наклонила голову, и небрежный пучок рассыпался. Волосы упали вперед, закрывая лицо, но недостаточно быстро. Джеймс успел заметить румянец, выступивший на ее щеках. Наталии было неловко, она нервничала, если судить по тому, что она проверила каждый карман несколько раз.

Джеймс встал и взял рюкзак. Ему хотелось сказать Наталии, чтобы она не нервничала в его присутствии, но ей явно было до такой степени неловко, что Джеймс побоялся напугать ее, чтобы она снова не скрылась за холодным фронтом.

Он отложил рюкзак в сторону.

– Из этого я делаю вывод, что твой папа не слишком меня любит.

– Не слишком.

По какой-то причине это признание рассмешило его.

Джеймс засмеялся громче, вытер уголки глаз.

– О, боже. Не могу передать, насколько я рад слышать, что не только у меня ненормальная семья. До этого момента я думал, что ты идеальная. – Его голос звучал легко и дразнящее.

– Ну... он твой *тесть*.

Джеймс округлил глаза:

– В самую точку. Но ты не беспокойся из-за него. Я постараюсь с ним помириться. Одному богу известно, что из этого выйдет.

– Просто будь собой. Ты ему понравишься.

Он спрятал улыбку, глядя на нее. Джеймс уловил аромат ее лосьона, о котором Карлос не раз писал.

– И еще, Джеймс...

– Гм-м? – Джеймс не мог отвести глаза от ее ключицы, уходившей под вырез блузки. Ему захотелось поцеловать впадинку между ключицей и плечом.

– От тебя воняет.

– Черт! Я пробежал сегодня двенадцать миль. – К его щекам прилила кровь. Джеймс крикнул и отодвинулся от Наталии к противоположному концу стола.

– Это для меня? – Она жестом указала на кофе.

– Да. Я купил его по дороге в двух кварталах отсюда. – Джеймс протянул ей стакан.

Наталия сняла крышку, подула на кофе и осторожно сделала глоток. А потом округлила глаза:

– Откуда ты узнал, какой кофе я люблю?

– Это твой любимый, верно? С капелькой кокосового молока и сиропом из макадамии.

– Да, но... – Наталия провела пальцем по губам, ей явно было не по себе. Джеймс понял, что она думает о дневниках Карлоса. Возможно, ему не следовало так откровенно демонстрировать, сколько он о ней знает. Ситуация между ними и без того была странная.

– Мне кажется, это нечестно: ты так много обо мне знаешь, а мне приходится заново узнавать тебя, – сказала Наталия. Она думала так же, как и он. Но в ее словах было приглашение.

– А ты этого хочешь?

Она постучала по краешку стакана и кивнула.

Джеймс улыбнулся, довольный ее ответом. Он взял свой стакан, поднял его в приветственном жесте и сделал глоток.

– Не беспокойся о своем отце. Я буду рад встретиться с ним. – Джеймс широко улыбнулся. – Снова.

* * *

Пока Джулиан катался на сёрфе с тетей, Джеймс взял машину Наталии и отправился с Марком и Клэр за продуктами. Они не успели дойти до конца продуктового отдела, как Марк начал жаловаться. Ему скучно. Он хочет строить замки из песка на пляже с тетей Наталией. И еще хочет раскрашивать.

– Помоги мне выбрать цукини, – предложил Джеймс, кладя в тележку баклажаны, которые он собирался поджарить на гриле.

Марк ссутулился, руки повисли вдоль тела.

– Это ску-у-учно.

Джеймс подкатил тележку к корзине с тропическими фруктами. Марк неохотно последовал за ним, его шлепанцы скользили по покрытому линолеумом полу. Джеймс выбрал два ананаса и сравнил их вес.

– Не могу понять, какой из них спелый. – Он всегда умел выбирать мясо. Все остальное покупала Эйми. В их паре еду готовила она.

– Понюхай их, – посоветовала Клэр, кидая в тележку пакет колючих

коричневых плодов. Джеймс по очереди понюхал выбранные ананасы. – Пахнет или нет? – спросила мать.

– Вот у этого сладкий запах. – Он покачал ананас в левой руке. – А этот совсем не пахнет.

Клэр указала на ананас без запаха, и Джеймс вернул в ящик сладкий перезревший плод.

Марк заглянул в тележку и указал на колючие фрукты.

– Что это такое?

– Питайя, или драконий фрукт, – ответила Клэр.

– Вау! – Малыш ткнул в него пальцем. – Их едят драконы?

– Возможно. – Подыграла ему Клэр. – Мы попробуем один из них, когда вернемся в дом твоей тети. – Она принялась выбирать яблочные бананы, более мелкую и душистую разновидность бананов, как Джеймс прочел на табличке рядом с ценой. Он добавил ананас к остальным продуктам.

Марк повис на тележке.

– Мы уже закончили?

– Почти. Потом пойдем в магазин игрушек.

– Может быть, мне отвести его туда сейчас?

– Что? – Джеймс крепче вцепился в ручку тележки.

– *Sí, sí, sí!* – Марк потянул Клэр за руку. – То есть, да, да! Идем. – Он попытался потащить Клэр к выходу.

– Я с ним не сбегу. У меня нет машины.

Джеймс нахмурился, и не потому, что подозревал свою мать в желании сбежать с внуком. *Он сам* хотел провести время с Марком.

– Ты не хочешь помочь мне с покупками? – спросил он сына.

Тот энергично замотал головой и потянул Клэр за руку:

– Идемте, сеньора Карла.

Мать Джеймса поморщилась, услышав это имя, и Джеймс не удержался от смешка на ее счет.

Карла смущенно посмотрела на сына:

– Я ничего не скажу. Вы с Наталией ясно дали мне понять, чтобы я этого не делала. Но, Джеймс, – добавила она, позволяя внуку потянуть ее прочь, – поход за продуктами – это не лучшее времяпрепровождение с отцом.

Джеймс опустил голову и вздохнул. Нестерпимо было соглашаться с этим, но мать была права.

– Дай мне двадцать минут. Я найду вас там.

Клэр помахала ему на прощание.

– До скорого.

Джеймс смотрел, как они уходят, как взялись за руки и раскачивают ими, и гадал, когда его сын по своей воле проделает то же самое с ним. Как только они скрылись из виду, Джеймс проверил время на своем телефоне. Экран заполнили оповещения о сообщениях на голосовой почте, одно было от Ника и несколько штук – от Томаса. Джеймс сунул телефон обратно в карман, мысленно отметив, что нужно будет позвонить Нику позже. Брат мог подождать. Хотя Джеймсу было любопытно, знает ли Томас о том, что их мать гуляет по Кауаи. Вероятно, нет. Томас мог сообщать матери о местонахождении младшего сына, но едва ли она платила ему той же монетой.

Джеймс пожал плечами. Это не его проблема, подумал он, толкая тележку к мясному отделу.

* * *

Спустя полчаса Джеймс стоял на пороге «Пятнистой лягушки», странного сельского магазина игрушек и художественных принадлежностей. На полках теснились пазлы, игры, книги и краски. Джеймс обежал взглядом магазин, и его охватила паника. Матери и Марка нигде не было. Он опоздал на десять минут, они уже ушли. Но куда?

Джеймс оглядел торговую площадь. Мать пообещала держаться поблизости, поэтому она скорее всего ходит из магазина в магазин, чтобы развлечь внука. Взгляд Джеймса метнулся к парковке, рука скользнула в карман в поисках ключей от машины.

Ему хотелось верить матери, но она лгала ему и его сыновьям в течение пяти лет. Джеймс неохотно отошел от красок, кистей и холстов и отправился на поиски Клэр и Марка. Проверив бутики с женской одеждой, где он ожидал увидеть свою мать и невероятно заскучавшего Марка, он нашел их в пустующем торговом помещении, и то только потому, что услышал смех сына.

Джеймс вздохнул с облегчением, загнал панику поглубже и с порога посмотрел на малыша. Марк перебежал от стены к стене, отвечая на вопросы Клэр. *Сколько картин? Какие будут картины? Оставит ли он те же светильники на потолке или установит новые? Сколько служащих? Где он будет писать? Как он назовет свою галерею?*

– «Эль-Студио дель Пинтор», – ответил Марк. – Точно, как у *rará*.

И тут он увидел своего отца, стоявшего в дверях. Возбуждение Марка

исчезло, словно крошки от стертого рисунка, которые он смахивал с бумаги. Сердце у Джеймса упало вместе с этим крошками. Ему хотелось, чтобы Марк улыбнулся в ответ. Ему хотелось, чтобы сын посмотрел на него с тем же радостным возбуждением, с каким он говорил о Карлосе. Ему хотелось, чтобы сын назвал его *papá*.

Джеймс вошел в помещение, и Клэр развернулась к нему.

– Ты пришел. Хорошо.

– Чем вы занимаетесь? – спросил он ее.

Марк отошел в дальний угол и взял пакет. Джеймс заметил логотип магазина игрушек.

– Марк рассказывал мне о картинной галерее, которую он хочет открыть, когда вырастет. Правда, Маркус?

– *Sí, Señora Carla.* – Марк нервно посмотрел на Джеймса и откашлялся. – То есть да, миссис Карла.

Клэр издала странный звук.

– Что ж, джентльмены, здесь убийственно жарко. Я жду вас у машины. – Она скользнула к двери и замедлила шаг, проходя мимо Джеймса. – Из этого места получится замечательная галерея. Освещение идеальное.

Больше половины жизни слыша от матери слова о том, что живопись – это пустое занятие, Джеймс еле сдержался, чтобы не открыть рот. Почему она сменила пластинку после всех этих лет?

Возможно, они все меняются.

– Мама!

Клэр развернулась и выгнула аккуратную бровь.

– Спасибо, что присмотрела за Марком.

«*И за то, что поощряешь его желание рисовать*», – хотелось добавить Джеймсу, но эмоции слишком сильно сдавили ему горло. Чересчур мощное напоминание о том, что она не сделала для него.

Клэр опустила подбородок и вышла. Она обошла здание и направилась к машине.

У Джеймса за спиной зашелестел пластиковый пакет. Он оглянулся и увидел широко распахнутые глаза и приоткрытый рот Марка.

– Готов идти на пляж?

– *Sí*, то есть да.

– Я тоже. И знаешь что, Марк? – Джеймс протянул ему руку. – Так как ты понимаешь и говоришь по-английски очень хорошо, со мной ты можешь говорить на том языке, на котором хочешь.

Марк просиял.

– *Gracias, papá.* – Сын схватил его за руку, и Джеймс отвернулся, когда они выходили из воображаемой художественной галереи Марка. У него щипало глаза, как будто он долго смотрел на солнце.

Глава 22

Карлос

Пять лет назад

16 августа

Лос-Гатос, Калифорния

Ланч у Тирни вышел... неловким. За едой Кэтрин, не умолкая, поддерживала беседу. Она сидела с торца стола, слева от меня и напротив мужа. Наталия, клевавшая рыбу, словно птичка, сидела справа, вцепившись мне в бедро. Думаю, никто из сидевших за столом не чувствовал себя комфортно. У Наталии, как я догадывался, были свои мысли насчет того, что я провожу время с Эйми. А она была тут, и я никак не ожидал, что наша встреча с ней произойдет на публике.

Эйми сидела напротив Наталии и не смотрела ни на нее, ни на меня. В разговоре она не участвовала. Ян занял место напротив меня. Он не отрывал от меня глаз, пока Кэтрин засыпала меня вопросами. «*Сколько у тебя детей? Какого они возраста? Тебе нравится в Мексике? Ты все еще пишешь? Что ты пишешь?*»

Вопросы были безопасными до того момента, пока Ян не подался вперед и не спросил:

– *Зачем ты здесь, Карлос?*

Эйми с громким стуком положила вилку:

– *Ян, не надо.*

Хью откашлялся и опустил голову. Его пальцы едва заметно сжались в кулаки.

Ян посмотрел на жену:

– *Это честный вопрос, и ответ на него мы все здесь хотим услышать.* –

Он оглядел остальных.

Пальцы Наталии взлетели с моего бедра и вцепились мне в руку. Что ж, пора выложить карты на стол.

– *Уверен, что вы знаете о моем состоянии.* – Я обращался ко всем, но

смотрел в глаза Яну. – Я могу остаться Карлосом до конца жизни. Или могу мгновенно, по щелчку вернуться к прежней личности.

Наталия издала низкий горловой звук, когда я щелкнул пальцами для пущего эффекта.

– Эйми мне немного рассказывала о том, что с тобой случилось. – Взгляд Кэтрин на мгновение остановился на Эйми. – Что может спровоцировать твое возвращение к... Что может заставить тебя снова превратиться в Джеймса?

– Это индивидуально для каждого и обычно происходит тогда, когда человек готов столкнуться с той травмой, которая спровоцировала фугу. На самом деле, все что угодно может превратить меня в Джеймса. Знакомая обстановка, встреча с родственниками и друзьями.

– Ты рискуешь, придя сюда, – заметил Хью.

– Да, – немедленно поддержала его Наталия.

– И это заставляет меня гадать, почему ты *все-таки* пришел. – Ян скрестил руки. – В прошлом декабре ты был предельно конкретен. Ты не хотел иметь ничего общего со своей бывшей личностью.

– Я не доверяю никому из семьи Донато, включая Джеймса, – ответил я, украдкой бросив взгляд на Эйми. Она судорожно выдохнула и уставилась на почти нетронутую еду на своей тарелке.

– Им не стоит доверять, – согласился Ян.

– Если я снова стану Джеймсом, я потеряю все воспоминания о своих сыновьях. Джеймсу они будут не знакомы, он не собирался их иметь. Возможно, он не захочет их растить, но при этом формально останется их отцом. В семье Донато я никого не могу спросить о Джеймсе и о том, каким человеком он был. Будет ли он хорошим отцом? Достойный ли он человек? Или он похож на своих братьев? Могу ли я доверить ему воспитание моих сыновей?

Ян откинулся на спинку стула:

– У меня голову сносит, когда я думаю о том, с чем ты имеешь дело. Без обид. – Он поднял ладонь.

– Я не обиделся.

Кэтрин протянула руку и положила ее на мое предплечье.

– Джеймс совсем не был похож на своих братьев. Мы его обожали.

– У меня отлегло от сердца после ваших слов. Но есть вопросы.

– Я не буду в этом участвовать. – Эйми быстро встала, бросила салфетку на стол и оттолкнула стул.

– Прошу меня простить. – Эйми вышла из комнаты.

Муж посмотрел ей вслед. Когда открылась входная дверь, он встал и,

извинившись, быстро пошел следом за женой. Дверь за ним захлопнулась, в окне столовой задрожали стекла.

Через это самое окно мы видели, как Эйми и Ян спорили на лужайке перед домом. Их руки двигались в преувеличенных жестах, губы шевелились, грудные клетки вздымались, лица покраснели и стали враждебными.

– Сделай что-нибудь, Хью, – попросила Кэтрин.

– Что, например? – Хью положил в рот кусочек лосося, аккуратно вытащил косточку. – Ян сумеет с этим справиться.

На улице Ян схватился за голову и принялся ходить по кругу.

Кэтрин вздохнула. Она волновалась за Эйми и была недовольна Хью. Эйми заплакала. Ян попытался успокоить ее, но она его оттолкнула.

– Хью, – резко сказала Кэтрин, – ты же ее отец.

– А он – ее муж. Я никоим образом не могу в это вмешиваться. – Хью вилкой указал на окно.

Я сложил салфетку.

– Нам не следовало приходить.

– Чушь, – ответила Кэтрин. – Ты – член семьи. Просто мы никак не ожидали... увидеть тебя здесь... – Она вздохнула. – Мы просто удивлены, только и всего.

Эйми резко протянула руку к Яну. Тот сунул руку в карман и задержал над ее ладонью ключи от машины. Они смотрели друг на друга какое-то время, потом Ян уронил ключи в руку Эйми, и она сжала их в кулаке.

Ян вернулся, остановился в дверях столовой, скрестив руки на груди. Он смотрел в пол, пока следом за ним не вошла Эйми и не встала рядом. Тогда он поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

– Я не согласен с тем, что она делает, и мне неприятно, что она собирается тебя куда-то отвезти. Встреча с тобой была достаточным шоком. Для всех нас.

– Ради бога, Ян, – вмешалась Эйми. Глаза у нее покраснели и припухли. – Я хочу кое-что показать тебе, Карлос. Ты поедешь со мной?

Наталия быстро встала. Она посмотрела на меня, явно паникуя.

Мы оба знали, что произошло в тот раз, когда я выходил один.

Я встал и обнял ее за талию.

– Все будет в порядке, – шепнул я ей на ухо. – Сомневаюсь, что она попытается меня загипнотизировать.

Наталия уперлась мне в грудь ладонью.

– Это не смешно.

– Мы недолго, Наталия, – сказала Эйми с легко читаемыми нотками в

голосе. Пусть она была замужем за Яном и любила его, но ей не нравилось, что Наталия рядом со мной.

Ян бросил взгляд на часы:

– У вас будет час, потом я за вами приеду.

Эйми в отчаянии посмотрела на потолок.

– На чем? Я же возьму машину. Папа, проследи за тем, чтобы Ян оставался здесь.

Хью поднял бровь над краем бокала, из которого пил вино. Он махнул вилкой в сторону пустого стула.

– Садись, сынок. Вы с Кэти сможете допросить Наталию.

– Хью, – возмутилась раздосадованная Кэтрин. Ян поцеловал Эйми в щеку, что-то прошептал ей и вернулся на свое место за столом. Кэтрин встала.

– Налить тебе еще вина, Наталия?

– Нет, спасибо.

– Ну а мне не повредит. И тебе тоже, Ян. – Она похлопала его по плечу, проходя мимо по дороге в кухню. – Я думаю, что нам понадобится еще одна бутылка.

Я коснулся ладонью щеки Наталии.

– Со мной все будет в порядке.

Ее глаза встретились с моими.

– Что, если то место, куда она тебя отвезет, вернет Джеймса? – негромко спросила она, чтобы слышал только я. – Ты останешься с ней и забудешь обо мне...

Я крепко поцеловал ее в губы, прерывая поток слов.

– Нат, я люблю тебя.

И я вышел вместе с Эйми, пока никто из нас не передумал. И потом, я устал от зрителей. Я приехал в Калифорнию, чтобы встретиться с Эйми. Именно ее я хотел видеть больше остальных.

* * *

Эйми вела минивэн по боковым улицам, направляясь к автостраде. Она сама оказалась пешкой в игре Томаса, когда он прятал меня, но ладони у меня все равно вспотели. Я не мог справиться с сильным сердцебиением. Эйми так и не сказала мне, куда мы направляемся, несмотря на мои вопросы.

– Увидишь, – отвечала она, борясь со слезами. Я решил, что ей

слишком трудно объяснить. И все же поехал с ней.

Миновав развязку, Эйми вывела машину на автостраду. Она говорила редко, указывая на приметные места то там, то сям. Я не видел ничего, что могло бы иметь для меня значение. По ее тону было ясно, что они ничего не значили и для нее. Ее комментарии должны были лишь заполнить пустоту между нами.

Проехав несколько миль, она свернула на холм и поехала по жилым кварталам. На мгновение меня охватила паника, я решил, что она везет меня на ту лужайку, о которой однажды говорила, что это было их с Джеймсом любимое место, оно много значило для них обоих. Одноединственное место, которое, с моей точки зрения, могло вырвать меня из состояния фуги. Там Джеймс сделал Эйми предложение, и там же на нее напал Фил. Место было эмоционально значимым для всех.

Но мои тревоги рассеялись, уступив место новому приступу паники. Эйми свернула на подъездную дорожку к кладбищу.

Я вцепился в ручку дверцы, точно зная, куда она нас привезла.

Она въехала на парковку и заглушила двигатель.

– Нам сюда. – Эйми указала через лужайку, потом открыла дверцу, вышла из машины и быстро пошла по траве, не оглядываясь на меня.

Я выбрался из салона и двинулся за ней. Пройдя метров двадцать пять, Эйми остановилась. Она указала на гранитный могильный камень.

Джеймс Чарльз Донато Любимый сын

Затем шли даты рождения и смерти.

Я сунул руки в карманы. Мне следовало бы рассердиться, глядя на надгробие, или почувствовать некую связь с женщиной, стоявшей возле меня. Мужчина, которым я когда-то был, потерял все. Вместо этого я испытывал острый страх перед тем, что Наталия окажется права. Узнаю ли я ее, когда вернусь в дом Тирни?

Я перевел взгляд с могильного камня на машину, потом обратно и сглотнул подступившую панику.

– Здесь что-то похоронено?

Эйми невесело хмыкнула. Звук вышел жестоким и наполненным ненавистью.

– Гроб, полный мешков с песком. – Это была часть замысла Томаса, чтобы имитировать мою смерть, объяснила она. И мне пришлось напомнить себе, что вся история Эйми не известна. Если судить по тому,

что рассказал мне накануне Томас, она и все остальные, кто был близок Джеймсу, узнали самый минимум из того, что им нужно было знать.

– Оставить тебя в Мексике было для меня очень трудно. Но я поступила правильно.

Сквозь кроны деревьев пробивалось послеполуденное солнце. Тени листьев танцевали на ее одежде. Теплый свет подчеркивал линии профиля и отражался в слезах, смочивших тонкую кожу под глазами.

– Я люблю Джеймса. Я всегда буду любить его. И почти всегда он обращался со мной очень хорошо. Но вот в конце... – Ее голос прервался. Она провела пальцем под глазом и неловко хмыкнула. – Ты знаешь, что произошло.

– Как бы мне хотелось, чтобы я мог извиниться за него. – Мне хотелось избить Джеймса до полусмерти за то, о чем он ее попросил. Как он посмел просить, чтобы любовь всей его жизни молчала о том, что произошло между нею и Филом, до тех пор, пока Томас и Управление по борьбе с наркотиками не закончат спецоперацию?

Эйми поджала губы.

– Есть три причины, по которым я все же смогла простить Джеймса. – Не поднимая руки, она растопырила три пальца. – Во-первых, мне нужно было оставить прошлое позади. Во-вторых, Джеймс был всегда предан мне. Он защищал меня и тогда: он сделал то, что, по его мнению, позволило бы ему держать Филадельфию на расстоянии от меня. Но, Карлос... – Эйми подняла голову. В тени цвет ее глаз стал пронзительно-голубым. – Я хочу верить, что Джеймс мертв. Он мертв для меня.

От долгого вдоха моя грудь поднялась и опала.

– Это третья причина?

Эйми втянула губы, как будто сдерживая эмоции, рвущиеся наружу, и кивнула.

– Не знаю, что бы я сделала или как бы чувствовала себя, если бы ты снова стал Джеймсом. Это пугает меня. Я никогда не говорила об этом Яну, но я знаю, что он тоже об этом думает.

Я сделал два шага назад, потом один вперед. Как бы поступил Джеймс? Пожалуй, он сразу вернулся бы домой. Привез бы он мальчиков с собой или оставил бы их?

– Ты сказала, что Джеймс не был похож на своих братьев. Если не считать того, как он решил ситуацию с Филом, был ли он хорошим человеком?

– Я бы не провела столько лет с ним, если бы он был плохим. Было кое-что в его прошлом, нечто такое, что случилось еще до их переезда в

Калифорнию, когда мы были детьми, о чем он мне не рассказывал. Я думаю, что с Филом он поступил так потому, что ему было стыдно. Но я бы доверила ему свою жизнь даже после того, что случилось на лужайке.

– Мои сыновья... если со мной что-то случится...

– Джеймс разозлится, ему будет больно. У него появится ощущение, что все его кинули, но детей он никогда не оставит.

Эйми построила новую жизнь с Яном, с мужчиной, которого, как я чувствовал, она глубоко любила. Что с ними случится, когда Джеймс вернется? Попытается ли он вернуть Эйми? Он уже оставил Эйми, но сделал это непреднамеренно. Ему, вероятно, никогда не приходило в голову, что он не вернется на свою свадьбу.

А как насчет Наталии? Отступится ли она или станет бороться за него? Джеймсу она будет не знакома.

– Ты бы бросила Яна ради Джеймса?

– Я правда не знаю. Но я вот что тебе скажу. Чтобы мы с Яном были по-настоящему счастливы, я не могу жить рядом с Джеймсом. У нас слишком много общего прошлого. Ян верит мне, но я знаю, что он будет страдать, и это нечестно по отношению к нему. – Она положила руку на живот. – И это нечестно по отношению к нашему ребенку.

– Ты беременна?

– Да, – негромко ответила Эйми, и уголки ее губ опустились. Она посмотрела на надгробный камень. Возможно, все те годы, когда они с Джеймсом встречались, она мечтала объявить ему эту новость. Они бы поженились, она бы родила ему детей. Но вот он стоит рядом с ней, и это не совсем он, а она ждет ребенка от другого мужчины.

Ее глаза заблестели, и я попытался придумать, как поступить. «Для нее это, должно быть, чертовски трудно. Мне не следовало приезжать». Вместо этого я распахнул объятия:

– Иди сюда.

После короткого замешательства она прислонилась ко мне. Я обнял ее, и она заплакала на моем плече.

Бриз зашелестел среди деревьев, захрустел ветками, подхватил волосы Эйми. Солнце выхватило рыжие пряди в ее кудрях, и неожиданно, держа ее в объятиях, я вдруг захотел быть с Наталией с такой силой, какой никогда прежде не испытывал. Крепко прижать ее и дать обещание, что я никогда не отпущу ее. Что я никогда не покину ее и никогда не забуду.

Но следом пришло осознание невыносимой реальности. Да, я мог это пообещать Наталии, но нарушать это обещание буду уже не я.

Вскоре Эйми высвободилась из моих рук.

– Это, должно быть, гормоны. – Она вытерла мокрые щеки.

Я чуть кивнул:

– Мои поздравления.

Она протянула ко мне дрожащую руку, но тут же уронила ее вдоль тела. Потом указала на надгробный камень.

– Как бы там ни было, – сказала Эйми с тоскливым вздохом, – мне хотелось, чтобы ты понял, как я себя чувствую. А показать это я могла только одним способом. Я знала, что это надгробие поможет мне оставить прошлое в прошлом. А Джеймс – это мое прошлое. Я должна отпустить его.

* * *

На другое утро Наталия улетела в Лос-Анджелес, а я отправился в Оахаку. Мы почти не говорили о нашем общении с Эйми, Яном, Кэтрин и Хью, но в ту ночь мы яростно любили друг друга до самого утра. Я утопал в ней, убежденный в том, что это поможет запечатлеть ее в своей душе, и я не смогу ее забыть, когда я выйду из состояния фуги. Разве может Джеймс не почувствовать, как сильно я любил ее?

В самолете я заказал текилу и прикончил ее тремя глотками. Она проложила горячую дорожку по моему горлу и успокоила урчащий желудок. Но текила никак не подействовала на тупую боль в голове, мучившую меня с момента встречи с Томасом.

Пока мы летели через границу с Мексикой, мой мозг анализировал прошедшие два дня. Томас удивил меня в аэропорту и шокировал, рассказав о том, как он помог правительствам двух стран за несколько недель или даже дней спрятать меня у всех на виду. Потом Томас подверг меня гипнозу, чтобы я вспомнил несколько часов из своего путешествия. Он был уверен, что я кое-что видел, и хотел получить эту информацию. Был еще неловкий ланч у Тирни и яростное желание Яна защитить свою жену. На его месте я бы чувствовал то же самое.

Потом мои мысли вернулись к тем словам, которые Эйми сказала на прощание. По дороге к машине она остановила меня нежным прикосновением к руке.

– Джеймс хотел детей, – заговорила она. – Из него получился бы замечательный отец. Он был предан тем, кого любил, он будет защищать тех, кого любит. Джеймс сделает все, что потребует, чтобы защитить их. Он сделал это для меня. Но, Карлос... – Эйми крепче вцепилась в мою

руку. От страха на ее щеках цвета слоновой кости выступил румянец, синева больших, широко распахнутых глаз стала глубже. – У Джеймса и Фила осталось незаконченное дело. Когда-нибудь Фила выпустят из тюрьмы, и я не удивлюсь, если он отправится искать Джеймса. Он будет очень зол, будет считать, что его обманули, не только вытеснив из семейного бизнеса, но и лишив тех лет, которые он проведет в заключении. Фил будет смотреть на это так и использует все что угодно и кого угодно, чтобы причинить боль Джеймсу. Что бы ты ни делал, держи своих сыновей подальше от него.

За иллюминатором самолета над сухими коричневыми холмами Мексики проплывали облака. Я уезжал из дома со страхом, что не смогу доверить Джеймсу своих сыновей. И хотя возвращался я с уверенностью, что из него получится хороший отец, что он даже полюбит Джулиана и Маркуса так, как я люблю их сейчас, я все же не был уверен, что могу полностью доверять ему. Я не был уверен, что он сможет обеспечить мальчикам безопасность.

Черт подери, с теми знаниями, которые у меня теперь были, я не был уверен в том, что я смогу обеспечить их безопасность.

Глава 23

Джеймс

Настоящее время

28 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Джеймс и Марк вернулись в магазин игрушек и художественных принадлежностей, где купили масляные и акриловые краски, кисти, холсты и походные мольберты. Потом они вернулись в дом Наталии. Джеймс остановил машину на подъездной дорожке позади грузовичка, повидавшего немало соленой воды. В кузове были видны три доски для сёрфинга. Джулиан бросал мяч в кольцо вместе с пожилым мужчиной с длинными спортивными ногами и жилистой фигурой. Гейл Хейз, ушедший на покой сёрфер мирового класса и владелец «Хейз Боардс». Этот человек – дед его сына. Его тесть.

И именно его Карлос ударил в лицо на своей свадьбе.

Впервые Джеймс был благодарен провалу в памяти.

Гейл поймал отскочивший мяч Джулиана и отправил его в корзину, когда Джеймс заглушил мотор. Гейл прищурился, глядя на машину. Джеймс захлопнул дверцу, и Гейл целеустремленно направился к нему.

«Боже. Надеюсь, что все обойдется», – мрачно подумал Джеймс. Он расправил плечи и протянул руку. Ему, наверное, надо представиться еще раз, а потом извиниться за свое второе «я».

– Мистер Хейз, я...

– Джеймс, да, я знаю. – Гейл одной рукой пожал ладонь Джеймса, а другой вцепился в его руку выше локтя. Кожа у него была морщинистой, под соломенно-серыми усами открывались пожелтевшие от старости зубы. Джулиан провел мяч у него за спиной, прислушиваясь к разговору. Гейл подбоченился, пошире расставил ноги и опустил голову, чтобы видеть Джеймса, несмотря на слепящее солнце. – Нат сказала мне, что ты ничего не помнишь о последних семи годах.

Джеймс поднял на лоб солнцезащитные очки. Глаза мгновенно заслезились от яркого дневного света, отражавшегося от светлого асфальта.

– За исключением последних шести месяцев, я вообще ничего не помню.

Гейл усмехнулся:

– Тогда мы отлично поладим. Хотя обидно, – он несильно схватил Джеймса за руку, – что ты не помнишь Ракель.

Удары мяча Джулиана замедлились. Он отвернулся, как будто ему было все равно, но Джеймс знал, что мальчик внимательно слушает.

– Она – мать моих сыновей, и по одной этой причине я всегда буду ей благодарен.

Гейл кивнул и похлопал Джеймса по руке:

– Моя дочь была хорошей женщиной.

За спиной у Джеймса хлопнула дверца машины, и Гейл вытянул шею, чтобы увидеть, что там происходит. Зеленые глаза такого же оттенка, как у Наталии, расширились.

– А это что за очаровательная любительница пляжного отдыха?

Джеймс обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как покраснела его мать.

Марк повис на дверце джипа:

– Она папина мама.

Удары мяча прекратились. Джулиан вытаращил на брата глаза:

– Не глупи, Марк. Она была нашей соседкой.

– Это правда. Я слышал, как *rará* называл сеньору Карлу мамой.

Джулиан повернул голову к Джеймсу и свирепо уставился на него.

У Джеймса упало сердце. Он выругался сквозь зубы. Марк слышал его слова. И оказался достаточно большим, чтобы сложить один и один. Джеймс увидел, как у Джулиана кровь отлила от лица, как он нагнулся, чтобы поднять мяч. На его лице произошла быстрая смена эмоций – недоверие, страх, гнев и потом самое худшее. Предательство. Джеймс хорошо знал это чувство.

Тело Джулиана напряглось. Он кинул мяч в Джеймса, ударив его по ребрам.

Тот заворчал, предпочитая принять на себя удар гнева Джулиана. И прижал мяч к груди.

– Ты придурок! – выкрикнул Джулиан и со всех ног побежал на пляж.

– Ты не пойдешь за ним? – спросила Клэр. Ее голос стал тонким и высоким от страха.

– Через минуту. Он давно злится на меня. Ему надо немного

выпустить пар.

Джеймс отдал мяч Гейлу, выпустив его из пальцев. Мать пристально посмотрела на сына.

– Возможно, это к лучшему, – вынесла она вердикт. – Рано или поздно они бы все равно узнали. Мне следовало бы самой сказать им...

Джеймс поднял руку, останавливая ее:

– Как случилось, так случилось. А теперь мне нужно пойти и поговорить со своим сыном.

* * *

Джеймс нашел Джулиана на пляже метрах в ста от дома. Тот сидел в тени пальмы, сгорбившись, положив руки на колени и спрятав голову в руках. С долгим вздохом Джеймс уселся рядом с сыном. Потом развязал шнурки на ботинках и вытряхнул песок. Сняв носки, сунул их в ботинки и зарылся пятками в песок в поисках прохладных гранул внизу.

Джулиан поднял голову. Вытер мокрое лицо ладонью и отвернулся. Дышал он прерывисто, плечи тряслись.

Джеймс подавил инстинктивное желание обнять сына. Ему скоро двенадцать, он становится подростком. Вместо этого Джеймс поднял и принялся рассматривать сухой лист.

– Почему... – прохрипел Джулиан, вытирая рукой под носом. – Почему ты не сказал нам, что она наша бабушка?

Джеймс покрутил лист.

– Потому что я не знал. Я не мог вспомнить, кто она, а она мне ничего не сказала. Не думаю, что она что-либо говорила Карлосу, потому что ни одно слово в его дневниках не дало мне понять, что сеньора Карла – это моя мать. – Джеймс тщательно подбирал слова. Ему хотелось, чтобы Джулиан воспринимал его и Карлоса как одного человека. Ему хотелось, чтобы мальчик видел в нем своего отца, поэтому и поступать он должен так же. Как Наталия сказала ему много лет назад и повторила прошлой ночью: «То же самое тело, то же самое сердце и та же самая душа». Подводил только поврежденный мозг, который он изо всех сил пытался отремонтировать.

– Я не знал, что сеньора Карла и моя мать – это одна и та же женщина, пока на прошлой неделе она не появилась в нашем доме.

Джулиан снова вытер нос, потом подобрал ветку и воткнул ее в песок.

– Могу поспорить, что ты на нее разозлился.

– Я до сих пор злюсь, – сказал Джеймс, глядя на океан. Солнце уже миновало зенит. На лбу Джеймса выступил пот, он почувствовал, как капля потекла по спине. – Я злюсь на всю свою семью. Но не на тебя и не на Марка, – уточнил он, когда Джулиан ахнул. – Только на свою мать и братьев. Но знаешь, на кого я злюсь сильнее всего?

Джулиан помотал склоненной головой. Он сильнее надавил на ветку, и та сломалась.

– На себя. – Джеймс много раз принимал неправильные решения, и каждое все дальше уводило его от того будущего, которое он и Эйми распланировали, как дорожную карту. Но с каждой ошибкой он становился все ближе к Джулиану и Марку. – Мне больше всего на свете хочется, чтобы я вспомнил те годы, которые забыл. – Грудь Джулиана сотрясали рыдания. – Мне бы очень хотелось, чтобы я помнил твою маму и все то, что мы с тобой делали вместе.

Слезы градом катились по лицу Джулиана, падали на песок, оставляя впадины. Джеймс осторожно постучал согнутым коленом по колену сына.

– Знаешь что?

– Что? – Джулиан шмыгнул носом.

– Я поступил умно. Я все записал и теперь помню все, что прочел о нашей жизни в Пуэрто-Эскондидо. А пока я читал, в моей голове появлялись картинки, словно настоящие воспоминания.

Джулиан кивнул, обдумывая его слова:

– Почему тебе пришлось измениться?

– Не знаю, Джулиан. Мой разум болен, и я пытаюсь выздороветь.

Джулиан нахмурился:

– Как ты заболел?

Джеймс пожал плечами:

– Не могу вспомнить. Не знаю, что заставило меня забыть о том, что я Джеймс, и не знаю, почему я забыл, что был Карлосом.

Джулиан моргнул, его нижняя губа задрожала.

– Тебе страшно?

– Очень страшно.

– Мне тоже.

Джеймс погладил сына по спине:

– Нам будет легче, обещаю. Я могу отзывать на любое имя, Карлос или Джеймс, но я все равно твой отец. *Yo siempre voy a ser tu papá.* Я всегда буду твоим папой.

Джулиан судорожно вздохнул. Новые слезы потекли, словно прозрачные ручейки по речным камням.

– Мне бы все равно хотелось, чтобы ты все помнил по-настоящему.

– Мне тоже. – И Джеймс говорил честно.

– А ты хотел бы помнить тетю Наталию?

Джеймс свесил руки между коленей.

– Да.

– Ей очень грустно от того, что ты не помнишь. Прошлой ночью я слышал, как она плакала.

Что-то такое дрогнуло в груди Джеймса, чего он не мог объяснить. Он так старался увеличить расстояние между детьми и своими братьями, что у него не было возможности подумать о том, насколько Наталии будет тяжело его присутствие в ее доме, то, что он спит под ее крышей.

– Она тебя любит.

– Я знаю, – негромко ответил Джеймс. И вспомнил то, как она на него смотрела, протягивала руку, желая прикоснуться, то, как ей приходилось спрашивать разрешения обнять его, а не просто обнимать. Она открыла свой дом, дала им убежище, ничего не попросив взамен.

Джулиан принялся чертить пальцем по песку:

– Я скучаю по нашему дому.

Джеймс не знал, как на это ответить. Они никогда не вернутся в Мексику. Его место не там. Но и в Калифорнию он не торопится возвращаться.

– Мы можем остаться здесь?

Джеймс поднял бровь:

– На Гавайях?

– Тетя Наталия хочет, чтобы мы остались.

– Тебе здесь нравится?

Джулиан раскинул руки, как будто обнимая пляж бухты Ханалеи. Он посмотрел на Джеймса так, словно тот сошел с ума. Джулиан вырос на берегу океана. Понятно, что его тянет сюда.

Джеймс взял в руку песок и пропустил сквозь пальцы.

– Здесь довольно мило.

Джулиан зарылся ногами в песок:

– Мне не понравилась Калифорния.

– Эй, я не сказал «нет». Но, прежде чем решить, мы должны узнать еще и мнение Марка.

На мокром лице Джулиана засияла улыбка. Потом он нахмурился, и улыбка исчезла. Он посмотрел на вереницу муравьев, которые поднимались по холмам и спускались в долины рядом с ним.

– Как настоящее имя сеньоры Карлы?

- Клэр Донато.
- Как мне ее называть?
- Почему бы тебе не спросить об этом у нее?
- Почему она нас обманула?
- Она боялась, что я заставлю ее уехать.
- А ты бы это сделал?

Джеймс открыл было рот, чтобы сказать «да», но остановил себя. Он мог сказать Джулиану правду, но тогда сын будет продолжать считать его «плохим парнем». Человеком, который разрывает их семью на части, тогда как в действительности он пытается собрать ее воедино. Потом Джеймс вспомнил, почему он вляпался во все это. Потому что скрывал правду.

- Да, – наконец признался он. – Я бы отослал ее.

Джулиан открыл рот и закрыл его. Джеймс чувствовал, как работает мозг сына.

– Ты отошлешь меня и Марка? – нерешительно спросил он, в его голосе слышался страх.

«Вот оно», – подумал Джеймс и вздохнул. Этого Джулиан боялся все последние шесть месяцев. В нескольких записях Карлос говорил о том, что боится, как бы Джеймс не бросил их. Карлос обсуждал свой страх с Джулианом. Не стоило ему говорить о тяжелом грузе ответственности с маленьким мальчишкой.

Джеймс повернулся к сыну.

– Посмотри на меня, – сказал он и подождал, пока Джулиан поднял голову и вытер глаза. – Я никогда не отошлю вас с Марком. И никогда вас не брошу.

Джулиан всхлипнул и кивнул.

– Я никогда не переставал любить тебя. Даже в прошлом декабре, когда поначалу не мог тебя вспомнить. Я снова полюбил тебя. Ты мой сын, Джулиан. Ты всегда будешь моим сыном.

Джулиан снова судорожно всхлипнул. Его тело дрожало, он плакал. Джеймс привлек сына к себе и просто обнял его.

* * *

Марк ел в кухне, а Наталия убирала продукты в холодильник, когда Джеймс и Джулиан вернулись в дом. Она выглянула из-за дверцы, услышав, что они пришли.

- Я приготовила ланч. – Она кивнула на тарелки.

Джеймс удивленно поднял бровь, посмотрев на Марка: тот за обе щеки уплетал сэндвич с ананасом и колбасным фаршем.

– *Muy bueno*^[24], – воскликнул малыш с набитым ртом.

– Как скажешь, парень. – Джеймс с сомнением посмотрел на сэндвичи.

– *Gracias, Tía Natalya*^[25]. – Джулиан выбрал тарелку и отнес ее на стол.

– Спасибо, – поблагодарил с порога Джеймс. – Я приготовлю ужин.

Она кивнула.

– Я разложила продукты по местам. – Наталия закрутила пакет с хлебом и убрала буханку. – А твоя мама, – она понизила голос, оглядываясь на мальчиков, – вернулась к себе в гостиницу.

Джеймс этому не удивился. Мать была следующей в очереди на разговор по душам и знала об этом.

– Она уехала с моим отцом.

Он сунул руки в карманы.

– В самом деле?

– Он любитель женщин, помнишь? Не беспокойся. – Наталия махнула рукой. – Это платоническое, я уверена. Клэр захотела освежиться, и папа предложил отвезти ее. Сейчас они наверняка уже пообедали, выпили по коктейлю и успели нырнуть в бассейн.

– По-моему, это не платоническое. – Джеймс не знал, что думать о таком развитии событий. Да, его родители никогда не были близки, в последнее время они даже спали в разных концах дома. Но он никогда не думал о том, что его мать могла бы быть с кем-то еще, кроме его отца или дяди – *так, вот об этом не надо*. Джеймс вошел в кухню и заглянул в свой сэндвич. Он не ел консервированный фарш фирмы «Спэм» со времен колледжа, да и тогда съел только потому, что сосед по комнате взял его на «слабо».

– Художественные принадлежности я положила в комнате Марка. Я тебе покажу. – Наталия положила грязные столовые приборы в раковину.

Джеймс пошел за ней по коридору. Она только что приняла душ. Мокрые волосы она собрала в небрежный пучок. Россыпь веснушек на ее плечах казалась каплями краски. Наталия надела свободный топ с открытыми плечами и белые обрезанные шорты. Загорелые, мускулистые и стройные ноги казались бесконечными. Джеймс не мог отвести от них глаз. Его пальцы сжались, как бывало всегда, когда ему нужно было писать. Он хотел написать ее ноги. Он хотел...

– Джеймс!

Он резко поднял голову.

Наталия нахмурилась, и он поежился. В груди стало жарко.

– Что?

– Ты много всего купил. – Она вошла в комнату Марка и открыла шкафчик. Материалы занимали две широкие полки, их было достаточно для того, чтобы занять Марка на несколько недель.

– Да, это точно. – Джеймс смущенно посмотрел на нее.

– Можно подумать, что ты планируешь задержаться. – Наталия закрыла шкафчик, развернулась к нему, прижалась лопатками к дверце и скрестила руки на груди. – Или собираешься сам начать писать.

Джеймс услышал надежду в ее голосе. Он потер затылок и рухнул на край кровати Марка.

– Я хочу проводить время с Марком, когда он будет заниматься тем, что ему нравится. Посмотрим, куда уведет меня живопись.

Наталия посмотрела в окно, убрала завиток за ухо. Ее взгляд сфокусировался вдаль, и она медленно моргнула один раз, два. Потом оттолкнулась от шкафчика и подошла к окну.

– В моей комнате наилучшее естественное освещение. Можешь писать там, – предложила она, не глядя на Джеймса.

Он залюбовался ее профилем. Высокий лоб и женственный изгиб носа. Веснушки украшали переносицу, они рассыпались по щекам, словно осенние листья. Пальцы Джеймса снова согнулись. На этот раз он хотел не только написать ее. Ему хотелось прикоснуться к ней. Прошло больше года с того момента, как он прикасался к женщине. Для мужчины скорее страстного, чем сдержанного, который больше чувствует, чем думает, и умеет соперничать другим, это очень долго. Просто ад.

– Тебе не понравится запах, ты ведь там спишь.

– Верно. Я забыла.

– Я подумал, что мы могли бы писать на веранде. Это не серьезная живопись, просто способ для меня и Марка провести время вместе.

– И для твоей мамы тоже? Ты купил три мольберта.

– Это хороший вопрос. Я никогда не писал вместе с ней.

– Но в Пуэрто-Эскондидо...

– До этого. Ты знала, что она ненавидела мои занятия живописью?

Наталия нахмурилась:

– Разве такое возможно? Она невероятная художница.

– Я узнал об этом только из дневников Карлоса. – Джеймс вспомнил записи о сеньоре Карле и о том времени, когда она писала вместе с

Карлосом. Гнев и печаль смешались, словно краски, когда он сообразил, что некоторые из тех картин, которые он упаковал и отправил в Калифорнию, были написаны ею. Будучи Карлосом, он развесил их на стенах своего дома. А его мать ни разу не повесила ни одну из картин сына.

– У нее были свои причины, которые я теперь понимаю лучше, так как она рассказала об этом Карлосу. Но она сделала все, чтобы я подготовился к карьере в «Донатэ Энтерпрайзес».

– Тогда как же ты писал? Я видела твои работы. Понятно, что ты писал много лет.

– Родители Эйми оборудовали для меня мастерскую в их доме. Я самоучка.

При упоминании Тирни Наталия тревожно поежилась:

– Я с ними встречалась.

Он заглянул ей в глаза:

– Я знаю.

Они смотрели друг на друга какое-то время, пока внимание Наталии не привлекло пятно на полу. Она распустила пучок, мокрые волосы упали ей на плечо. Джеймс тихонько ахнул от ее естественной красоты.

– Ты скучаешь по ней? – Наталия произнесла это с запинкой.

– Да.

– Ты все еще любишь ее?

Он кивнул.

Наталия втянула губы и уставилась на ногти на ногах, покрытые блестящим коралловым лаком.

– Как прошел твой разговор с Джулианом?

Джеймс моргнул из-за перемены темы. Он хотел сказать Наталии, что Эйми отпустила его. Она смогла это сделать, и каждый день, каждую минуту он старается сделать то же самое. Построить новую жизнь на булыжниках предыдущей. Но сейчас момент был неподходящий. Он все еще работал со своими эмоциями.

– Мы хорошо поговорили. Он облегчил душу. Вернее, мы оба.

Наталия снова закрутила волосы. Руки у нее дрожали, губы искривились в улыбке.

– Тогда ладно... гм... Я полагаю, что в твоих отношениях с мальчиками теперь все под контролем. – Наталия повернула голову к двери. – Извини, у меня есть дела. – Наталия повернулась, чтобы уйти.

Джеймс нахмурился, ему не понравилась перемена в ее настроении.

– О! – Остановившись на пороге, Наталия щелкнула пальцами. – Я видела стейки, которые ты купил. Могу помочь тебе с ужином или ты и это

взял под контроль?

– Я буду рад твоей помощи, – ответил Джеймс, вставая. Он сделал несколько шагов по направлению к ней. – Наталия, что не так?

Нижняя губа у нее задрожала, и она подняла руку, останавливая его.

– Мне нужно поработать, – прошептала Наталия и ушла.

Джеймс услышал быстрые шаги ее босых ног по коридору, потом шум раздвижной двери, ведущей на веранду. Наталия не пошла в кабинет, где он спал прошлой ночью. Вместо этого она выскочила на улицу и убежала от него.

Глава 24

Карлос

Три года назад

11 июля

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Небо было пятнисто-голубым. На улице тени появлялись и исчезали, а в помещении лампы обеспечивали яркое освещение всей мастерской. Идеально для смешивания красок. Я добавил на палитру небесно-голубой и изумрудно-зеленый, смешал обе краски с капелькой титановых белил, чтобы смягчить тон, и глубоко вдохнул. Запахи пигментов, пряная смесь бензина, мокрой земли и цветов магнолии наполнили пазухи моего носа. От них к голове прилила кровь.

«Кайф художника», – подумал я и фыркнул.

Цвет оказался не совсем верным, поэтому я добавил с ноготь небесно-голубого пигмента. Меня охватило тепло удовлетворения, когда я увидел, как краски смешиваются в тон, которого я хотел добиться.

Тонкие руки обвилились вокруг моей талии, скользнули по ребрам к груди. Длинные изящные пальцы расстегнули одну пуговицу, потом другую, нырнули в разрез моей рубашки и погладили кожу. Сердце гулко билось под этими блуждающими пальцами. Кровь пульсировала где-то в центре, дыхание вырывалось короткими вздохами. Я застонал.

К моей спине между лопатками прижались губы. Тепло ее дыхания проникало сквозь ткань рубашки. Я повернулся в ее объятиях и посмотрел в глаза того же цвета, что и пигмент на моей палитре.

– Эйми!

– Поцелуй меня, – попросила она, и я сделал это.

Она закончила расстегивать мою рубашку, я опустил застежку «молнии» на ее платье. Одежда упала на пол, и мы опустились следом за ней. Я перевернулся на спину, поднял Эйми на себя. Она целовала мою грудь, спускаясь все ниже, следуя за полоской волос ниже пупка. Я откинул

голову назад, глаза закрылись. «Боже, какой у нее потрясающий рот».

И это было все, о чем я мог думать, что я мог чувствовать. Но мне хотелось смотреть.

Приподняв голову, я открыл глаза. Эйми исчезла, и я оказался вовсе не в своей мастерской.

Вместо этого я смотрел в ствол ружья, которое держал мой старший брат. Я увидел, как шевелятся его губы, и едва разобрал слова.

«Вставай!»

«Вставай, или Эйми будет следующей».

Казалось, мне на лицо приземлилась куча кирпичей. Тошнота задергалась в желудке, словно пловец-одиночка, подпрыгивающий на сильных волнах. Поверхность подо мной поднималась и опускалась. Я ухватился за веревку, свисавшую рядом, и попытался подняться. Боль пронзила плечо, метнулась вниз по руке. Я вскрикнул и упал на колени. В поле моего зрения то появлялись, то исчезали белые кроссовки. Чьи-то руки поставили меня на ноги. Губы прижались к моему уху.

– Плыви! – И я сначала полетел, потом ушел под воду. В кости проник оглушающий холод, заставляя меня бить ногами. Одна рука молотила по воде. Я должен был добраться до Эйми. Я должен был вернуться домой.

«Я хочу попасть домой».

Я внезапно проснулся, хватая ртом воздух.

«Сон. Это всего лишь сон».

Я спустил ноги с кровати и сел, обхватил голову руками. Вдавил пальцы в кожу, дожидаясь, чтобы успокоилось сильно бьющееся сердце. Помассировал виски, пытаюсь унять головную боль. Она редко покидала меня, лишь становилась незаметнее. Голова горела, как и длинный тонкий шрам на бедре.

Моя рука скользнула по этому шраму, и тьма на последней картинке, которую я увидел во сне, разошлась в стороны, словно кожа на бедре. Мимо свистели пули, прочерчивая широкие следы на поднимавшихся и опускавшихся волнах и исчезая в них. Разрывающая боль у меня в боку – это следствие того, что одна из пуль попала в цель.

Чьи-то пальцы скользнули по моей мокрой от пота спине. Мурашки приподняли волоски на руках и ногах.

– Тот же сон? – сонно спросила Наталия.

– Ага. – Я встал, хрустнув коленями, чтобы удалиться в ванную и уйти от ее прикосновений. Сердце все еще бешено билось, тело намокло от страха за жизнь другой женщины. Женщины, которую я когда-то любил так же отчаянно, как и воздух, которым дышал.

Я кинул в рот две таблетки аспирина и запил их прямо из-под крана. Вытирая губы, я поймал в зеркале отражение Наталии. Она прислонилась к косяку, скрестила руки на груди.

– Две недели назад, когда я сюда приехала, пузырек был почти полный. – Она кивком указала на аспирин.

Я заглянул в пузырек перед тем, как закрыть крышку. Осталось пятнадцать таблеток. Пора покупать. Но потом я вспомнил, что мы с Джулианом собирались покататься по холмам на горных велосипедах. На обратном пути мне придется заглянуть в магазин.

– Ты уже побывал у врача?

Я повернулся и покачал головой.

– Карлос! – Наталия растянула мое имя, вошла в ванную и строго посмотрела на меня. – Твои головные боли становятся сильнее. При такой скорости, – она потрясла пузырек, в котором загрохотали оставшиеся таблетки, – у тебя в дополнение к головной боли откроется язва.

Я поймал ее в объятия, уткнулся лицом в изгиб шеи.

– Сейчас у меня болит не голова. – Я поцеловал теплую после сна кожу, надеясь отвлечь Наталию. Надеюсь отвлечься самому и отвлечь все мои боли, потому что мозг горел огнем. Этот проклятый сон с каждым разом становился все ярче, и после него головные боли становились все интенсивнее.

Я подхватил Наталию на руки и отнес в постель. Мы упали на простыни. По тому, как она целовала меня, я понял, что она настроена на разговор. Я на него настроен не был. Было три долбанных часа утра, и голова страшно болела.

Наталия мягко оттолкнула мои плечи и поцеловала меня в нос. Я вздохнул, лег на спину, широко раскинул руки и стал смотреть на потолочный вентилятор. Зря я это сделал. Комната завертелась словно карусель, и мои внутренности закружились вместе с ней. Я прикрыл глаза рукой и задышал, пытаясь прогнать кислый вкус во рту.

– Почему ты не хочешь пойти к врачу?

– Мы уже обсудили это, Нат. – Я не хотел, чтобы кто-то копался в моей голове и подвергал меня тестам. Один внезапный сеанс гипноза оставил молотобойца, вколачивавшегося в мой мозг, но не предусмотрел кнопку отключения. У меня не было ни малейшего намерения стать вольным – или невольным – участником последующих сеансов психотерапии.

Наталия откинулась на спину.

– Я готова убить Томаса.

– Я тоже. – Я приподнялся на руке, чтобы посмотреть на нее. Она

прикрыла грудь простыней и взъерошила волосы.

– Я могу помочь тебе найти врача на дом. Он сможет осмотреть тебя прямо здесь, и я буду рядом. Просто на всякий случай, понимаешь?

– Я не хочу, чтобы меня осматривали. – Я встал с постели и подошел к раздвижной двери. На улице было совсем темно, и единственным, что я увидел, было мое отражение в стекле, лицо искаженное и усталое, с глубокими морщинами напряжения и тяжелой складкой поперек лба.

– Не говори врачу, что с тобой на самом деле. Придумай предлог вроде хронической мигрени или чего-то подобного.

– У меня действительно хроническая мигрень.

– А это значит, что тебе нужно сильнодействующее лекарство, чтобы ты перестал глотать аспирин, словно конфеты.

Я покачал головой:

– Нет.

– Возможно, это стресс вызывает головные боли. Ты не думал о приеме препаратов от депрессии?

– Никаких лекарств, – сказал я, резко взмахнув рукой. – К ним слишком быстро привыкаешь.

Наталия выразительно посмотрела на меня. Хотя аспирин сам по себе не вызывал привыкания, мы оба знали: я настолько рассчитываю на него в борьбе с болью, что это уже почти зависимость.

Наталия посмотрела на потолок. Я ее раздражал. Я раздражал сам себя. Она опустила руки на колени.

– Я понимаю, почему ты не путешествуешь, понимаю, почему ты не хочешь идти к врачу. Но одно моему пониманию не поддается. Почему ты настаиваешь на том, чтобы жить с болью, когда можно что-то предпринять. Подумай о своих сыновьях.

– Я думаю. – Я протопал к письменному столу, на котором заряжался мой ноутбук. – Я думаю о них и об их будущем с отцом, который в любую секунду может их забыть. С человеком, которому, возможно, все время придется быть в бегах вместе с ними.

– Этого ты не знаешь, Карлос. Прошло несколько лет, а по твою душу так никто и не явился. Думаю, никто в этом картеле не знает, кто ты такой, как и о том, что Джеймс жив.

– Пока нет. – Фил все еще сидел в тюрьме и все еще считал меня мертвым. *Что случится, когда он узнает правду?* А инстинкт подсказывал мне, что однажды это случится.

Наталия раздраженно вздохнула:

– Скажи мне, как тебе помочь. Я хочу помочь тебе.

«Выходи за меня замуж. Усынови моих детей. Убеги с ними как можно дальше, чтобы Джеймс или кто-то другой из семьи Донато не смогли найти их».

– Послушай, я устал. Я не хочу говорить об этом прямо сейчас. – Я резко дернул провод зарядного устройства и схватил ноутбук.

– Куда ты?

Я развернулся в дверях, услышав нотку паники в ее голосе. Наталия встала на колени, вцепилась в простыню обеими руками так, что побелели костяшки пальцев. На долю секунды мне захотелось бросить ноутбук и нырнуть обратно в постель. Уверить нас обоих в том, что все будет замечательно. Но это были бы пустые обещания, которые я не мог сдерживать.

– Я иду вниз. Делать записи.

Наталия продолжала цепляться за простыню.

– Я не люблю спорить. Пожалуйста, не уходи. Возвращайся в постель. – Она похлопала по подушке рядом.

– Ложись спать. Я всего лишь иду в кухню. – Я закрыл за собой дверь, оставив маленькую щелку, прошел мимо комнаты Маркуса, потом мимо комнаты Джулиана.

– Папа!

Я вернулся к двери в его комнату и заглянул туда. Ночник «Капитан Америка» отбрасывал неяркий голубой свет, сгоняя тени в угол.

– Уже утро? – Джулиан сидел в кровати и тер глаза.

– Почти. У нас осталось еще несколько часов до восхода солнца.

Он рухнул обратно на подушки.

– Я собираюсь обогнать тебя на горном велосипеде.

– Уверен, что у тебя получится. Поспи немного.

Джулиан зевнул.

– Спокойной ночи, *papá*.

Я спустился по лестнице в кухню и включил ноутбук. Пока шла загрузка, я разобрал вчерашнюю почту, добавив последние журналы в стопку у дальней стены. В газете не нашлось статей, которые, по моему мнению, могли бы заинтересовать Джеймса, поэтому я отправил их в мусорный бак.

Как только ноутбук был готов к работе, я загрузил в облако около двадцати фотографий, которые сделал накануне – снимки мальчиков и Наталии на футбольном матче Джулиана, потом добавил их в папку с фотографиями за этот месяц. У меня были папки для всего: для фото, журнальных статей, финансовых отчетов, официальных документов и

других важных инструкций. Я ежедневно записывал, что я делал, кого я любил (Наталию и своих сыновей), кому я доверял (Наталии) и кому не доверял (Томасу и Имельде). Все было в безупречном порядке. Потому что сеанс гипноза, которому меня насильно подверг Томас, вызвал не только головные боли. Он пробудил Джекилла для моего Хайда. Мое второе «я» пробивалось на поверхность, и я не сомневался, что у меня осталось не так много времени.

* * *

– Сбавь скорость.

Джулиан низко пригнулся к рулю и входил в поворот. Я ехал позади, подстраиваясь под его темп. Дорога вокруг подножия холма была в основном мощеной, и мы проезжали по ней много раз. Для восьмилетки Джулиан был бесстрашным велосипедистом.

Я догнал его, поехал рядом.

– Полегче. Держи все под контролем.

На следующем повороте Джулиан чуть нажал на тормоз.

– Неплохо.

Ветер завывал в наших шлемах. Над головой сверкало солнце, поджаривая нам спины. У меня с подбородка капал пот. Мы рано начали, но утро уже было жарким, сухим и пыльным. Хорошо, что нам осталось всего лишь километра два и все вниз с холма. Мы неплохо потрудились. Время, которое я проводил наедине с Джулианом, было замечательным, и я бы ни за что от этого не отказался. Но, черт побери, я никак не мог уехать от кошмара прошлой ночи. Я как будто все еще был там. Пульсирующая, отупляющая боль в черепе вызвала тошноту, а направленное на меня ружье напугало до смерти.

Я подал знак, что пора остановиться и выпить воды, и мы съехали на площадку на обочине.

Джулиан выпил свою воду и с наслаждением вздохнул.

– Мы можем поехать по тропе? – спросил он, имея в виду грунтовую дорожку, которая в некоторых местах шла параллельно дороге. Тропа была узкой, с дерном и разросшейся зеленью.

– Думаешь, ты с ней справишься? – Мы проехали уже больше пяти километров, и часть дистанции дорога шла вверх, была грунтовой или вымощенной булыжниками.

Джулиан указал на себя обеими руками:

– Эй, я самый быстрый гонщик в команде.

– Так и есть. – Его желание соревноваться всегда поражало меня. Я выпил еще две таблетки аспирина, и у меня вдруг закружилась голова. Меня качнуло в сторону, я едва не уронил велосипед.

– Десять из десяти. – Джулиан оценил мою неловкость.

– Ха-ха. – Я потряс головой, чтобы туман рассеялся, и посмотрел на часы. Меньше чем через двадцать минут мы будем возле нашей машины.

Джулиан прокрутил переднее колесо велосипеда.

– Готов?

– Ага. Но поезжай медленно. – Туман в голове не рассеивался, и меньше всего мне хотелось упасть и улететь в кусты. Если такое случится, Джулиан ничего не услышит.

Посмотрев сначала в одну сторону, потом в другую, Джулиан пересек дорогу и примерно в двадцати метрах ниже по холму исчез за поворотом на грунтовую тропу.

Я поставил бутылку с водой обратно в держатель, вскочил на свой велосипед и пересек дорогу. В следующее мгновение я уже сидел на бульжниках, опустив голову между колен.

Какого... черта?

Боль пронзила меня, когда я поднял голову. Я застонал. Череп ощущался как арбуз, разбившийся пополам на горячей мостовой.

Я огляделся. Велосипед лежал на дороге рядом со мной, Джулиана нигде не было видно.

– Джулиан! – завопил я, вставая. – *Джулиан!*

Где же он?

Я крутился посреди дороги, меня охватила паника.

– Джулиан! – снова крикнул я. Потом я вспомнил о машине. У нас с Джулианом была договоренность, что мы встретимся возле нее, если вдруг потеряем друг друга.

Я быстро оседлал велосипед и помчался вниз с холма, наматывая километры. Джип был припаркован на грунтовой площадке у начала дороги, и Джулиан скорчился возле заднего колеса. *Слава богу!* Я на ходу прыгнул и побежал к нему. Велосипед ударился о бампер машины, и последние несколько ярдов я проскользил.

– Джулиан! – Я упал рядом с ним на колени. – Тебе больно?

Он поднял голову. Слезы текли по его перепачканному лицу, оставляя следы, похожие на отпечаток шин в грязи.

– Ты знаешь мое имя?

– Что это значит? Разумеется, я знаю твое имя.

– Но там ты этого не знал. Ты отключился сразу после того, как наорал на меня.

Все нервные окончания заледенели. Я перестал дышать и долго, казалось, целую вечность смотрел на него. Потом я судорожно глотнул побольше воздуха и вцепился ему в плечи с той же силой, с какой в меня вцепился ужас.

– Что я сказал? – Джулиан подавил всхлип. – Что я сказал? – заорал я.

– Ты спросил, кто я такой. А когда я сказал, что я Джулиан и что я твой сын, ты сказал... Ты сказал... – Он разрыдался и не мог произнести больше ни слова.

Мои пальцы впились в его плечи.

– *Что* я сказал?

– Ты сказал, что у тебя нет сына.

Глава 25

Джеймс

Настоящее время

28 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Джеймс стоял у двери кабинета Наталии, решая, следует ли ему войти. Она определенно вернулась. Он слышал, как она говорит по телефону. Ему была невыносима мысль о том, что это он огорчил ее. Джеймс не знал, как сделать так, чтобы она почувствовала себя лучше, но ему хотелось снова увидеть быструю полуулыбку на ее лице. Голос Наталии звучал громче и решительнее. Она вела переговоры о цене на что-то, поэтому не стоило ее беспокоить.

Джеймс вернулся в комнату Марка, взял краски, кисти, чистые холсты и походные мольберты, а потом направился на веранду. Джеймс прошел мимо Джулиана, устроившегося на диване в гостиной. На голове у Джулиана были наушники, ноги он положил на подлокотник, пальцы порхали по экрану телефона. Разноцветный пляжный мяч в ожидании лежал у него на животе.

Увидев отца, Джулиан снял наушники и протянул ему телефон:

– Этот тип все время шлет мне сообщения. Пишет, что он дядя Томас. Хочет, чтобы ты ему позвонил.

Джеймс сложил все необходимое для занятий живописью на кофейный столик и взял телефон сына. Он сразу же узнал номер Томаса. Стоит ли удивляться тому, что его брат ведет себя так низко и пытается добраться до него через сына. Это была именно та тактика принуждения, в которую, по мнению Карлоса, не должны быть вовлечены его сыновья.

Но Джеймс тоже был в этом виноват. Он игнорировал Томаса. Он решил позвонить Томасу позже, иначе тот скоро появится на пороге дома Наталии.

– Ты звонил ему или писал в ответ? – спросил Джеймс у сына.

– С нашего приезда сюда я отправил сообщение только Антонио.

Джеймс просмотрел переписку мальчика с его другом, потом внес Томаса в черный список и вернул телефон Джулиану.

– Больше он тебя не побеспокоит, – сказал Джеймс, запоздало подумав о том, что следовало бы сделать то же самое на собственном телефоне.

Джулиан сунул телефон в карман и постучал мячом по своим согнутым коленям.

– Что происходит между тобой и братом? Он кажется милым. То есть со мной и Маркусом он был милым.

– Когда это было?

Джулиан театрально закатил глаза:

– В прошлом декабре, когда дядя Томас навещал нас. Вы, ребята, только и делали, что орали друг на друга. А я-то думал, что круче сеньора Мартинеса никто не ругается.

Сеньор Мартинес был отцом одного из приятелей Джулиана. Ругательства с его губ слетали с такой же легкостью, с какой мяч катался по полю.

Но эти первые недели декабря были худшими в жизни Джеймса. Он не чувствовал такой ярости по отношению к своей семье с тех пор, как Фил напал на Эйми. Если бы тогда Фил ударил Джеймса по голове чуть сильнее, он бы... Уф! Джеймс даже представлять не хотел, что бы тогда случилось.

Он вздохнул, выпуская гнев, вернувшийся вместе с воспоминаниями, и опустился на диван рядом с Джулианом. Прижавшись спиной к подушкам, Джеймс уставился в потолок. Джулиан выпрямился и обнял свой мяч. Джеймс повернул голову и посмотрел на сына:

– Прошлой зимой между нами все было непросто.

Джулиан кивнул.

– Ты кое-что знаешь о моей потере памяти. Когда-нибудь, когда ты станешь старше, я расскажу тебе, почему я потерял память.

– Почему не сейчас? Мне почти двенадцать.

Джеймс подался вперед:

– Ты же смотришь новости. В мире есть очень страшные люди, и со мной произошло кое-что страшное.

От страха лицо Джулиана потемнело, как будто нашло облако эмоций.

– Что?

Джеймс задумался о том, как много можно ему рассказать.

– Мой брат знал, что я потерял память, но не сказал мне, кто я на самом деле.

Брови Джулиана сошлись на переносице. Он подбросил мяч один раз,

потом еще.

– Может быть, он пытался спрятать тебя от страшных людей? Может быть, он хотел присматривать за тобой, как ты всегда просишь меня присматривать за Маркусом, чтобы он не натворил глупостей или не сделал себе больно? Дядя Томас – твой старший брат. Старшие братья обычно присматривают за младшими.

Джеймс оценил ответ сына:

– Знаешь, ты довольно смысленный парень.

Джулиан кинул мяч, и Джеймс поймал его.

– Эй!

Он держал мяч так, чтобы Джулиан не мог его достать.

– Только не в доме. – Джеймс положил мяч на пол.

В комнату вошел Марк. Крошки хлеба и пятна от сока украсили его рубашку, словно брызги краски. Майонез остался на подбородке. Марк увидел принадлежности для живописи, и его лицо просияло.

– Ты собираешься писать красками, *рарá*?

– Да. Хочешь со мной?

– *Sí!*

– Пойди, вымой лицо и руки. Я буду ждать тебя на задней веранде.

Марк побежал в ванную.

– Хочешь порисовать с нами? – спросил Джеймс у старшего сына.

Джулиан сморщился.

– Вот уж нет, приятель. – Он снова надел наушники, достал телефон и начал переписываться с друзьями.

* * *

Если не считать уроков рисования в колледже, Джеймс никогда ни с кем вместе не работал. И, кроме Тирни и новых друзей, которые часто бывали в доме у Эйми, никто не знал об увлечении Джеймса. Живопись всегда была для него одиноким приключением. Он никогда не обсуждал свои работы, и кроме картин, которые Тирни повесили в своем доме, а потом тех, которые он повесил в их с Эйми доме, Джеймс никогда не выставлял свои работы.

Но мечтал об этом.

Он представлял, что у него есть мастерская, что он учит других тому, чему научился сам, и совершенствует свое мастерство. Он представлял свои картины выставленными в галереях. И мечтал о том, что будет писать

красками вместе со своими детьми, чей талант он будет поощрять, а не подавлять.

Став Карлосом, он осуществил свои мечты. Сможет ли он сделать это снова? Он подумал о пустующем торговом помещении в Принсвилле. Пуэрто-Эскондидо не был его домом, а Калифорния не стала домом для его сыновей. Джеймс не был уверен, что она остается домом и для него. Возможно, они смогли бы начать новую жизнь на Гавайях.

Джеймс обернулся. Его взгляд пробежал по двору и переместился на пляж. У них уже есть фундамент на Кауаи. Наталия – член семьи. Она – тетья его сыновей и его свояченица. Она была его любовницей.

Мысли устремились к Эйми, его единственной настоящей любви, и Джеймс почувствовал глухую боль в груди, как будто налетел старым синяком на острый угол мебели. Сможет ли он снова влюбиться в кого-то, когда все еще любит Эйми?

Карлос хотел, чтобы он влюбился в Наталию. Он отточил каждую фразу и тщательно выбирал слова в этом проклятом дневнике, чтобы Джеймс проникся симпатией к женщине, с которой ему только предстояло познакомиться. *Но полюбить ее?* Джеймс не видел для этого возможности, пока Эйми все еще жила в его сердце.

Джеймс готов был признать, что завидовал Карлосу, потому что тот проводил время с Наталией. Он завидовал и его таланту художника, который не позволял Джеймсу вернуться к своему собственному искусству. «Сегодня это прекратится», – подумал он. Он собирался писать с той свободой, которой никогда не позволял себе ранее, и планировал научить своего сына поступать так же. Больше никаких прятков.

Джеймс установил мольберты в углу веранды, поставил перед ними два стула. Он как раз раскладывал тюбики с краской и кисти, когда появился Марк.

– Что ты собираешься нарисовать, *papá*?

– Мы собираемся, – поправил его Джеймс, протягивая ему несколько кисточек, – нарисовать вот эту пальму, самую высокую. – Он указал на другой край двора.

Рот Марка чуть округлился, когда он рассматривал пальмы разных размеров.

– Я никогда раньше не рисовал пальму.

Уголки губ Джеймса приподнялись. Марк рисовал животных, лодки и грузовики.

– Сейчас самое лучшее время, чтобы начать. Как ты думаешь?

– Я могу нарисовать птичек на пальме?

– Конечно, почему нет? А теперь посмотри на оттенки зеленого. Какие краски нам взять? – Джеймс жестом обвел тюбики с краской.

Марк сморщил кончик носа. Между бровями пролегла складка, и на мгновение Джеймс увидел в своем сыне Ракель. Это было первое физическое сходство, которое он сумел заметить между сыном и женщиной, на которой женился шесть лет назад. Она была такой же красивой, как и ее сестра, и Джеймс пожалел о том, что у сына не будет возможности познакомиться с матерью.

Марк выбрал тюбики с кадмием и цветом крушины и показал их отцу.

– Замечательный выбор. – Джеймс положил руку на плечо сына и подвинул ему стул.

Марк сел и принялся болтать ногами.

– Ты собираешься учить меня тому, чему ты учил других детей в своей мастерской?

Джеймс поднял глаза от палитры, на которой смешивал краски:

– Я учил детей?

– Много детей.

Он не помнил, что читал хоть строчку о детях в мастерской Карлоса, но эта новость его обрадовала. Даже в состоянии фуги Джеймс остался человеком, которым можно восхищаться: преданный отец, верный супруг, уважаемый житель общины. Возможно, он сможет стать таким снова.

– Да, я собираюсь учить тебя тому, чему я учил их.

Марк широко улыбнулся, и связь, которую Джеймс начинал чувствовать между ними, укрепилась.

* * *

Спустя несколько часов пальма была нарисована, и они начали рисовать тропическую птицу. Вернулись Клэр и Гейл. Смех матери зазвенел в доме, и Джеймс напрягся. Потом он понял, что его мать хихикает, и обернулся, ища ее взглядом. Никогда в жизни он не слышал, чтобы мать хихикала. Смех стал громче, когда она открыла раздвижную стеклянную дверь и вышла к ним на веранду.

За ее спиной Джеймс увидел, как Джулиан подошел к Гейлу и спросил, могут ли они покататься на сёрфе. Клэр направилась к Джеймсу, закрывая от него Джулиана. Щеки у нее порозовели, а улыбка смягчила черты обычно встревоженного лица. Клэр остановилась за спиной у Марка и полюбовалась его картиной.

– Очень красиво, – похвалила она и повернулась к Джеймсу.

Он затаил дыхание, как будто ожидал комплимента, и тут же вспыхнул, когда ее глаза сузились, а губы скривились.

Джеймс отвернулся, молча снося ее любопытство, что еще больше вывело его из себя. Он постукивал ручкой кисточки по бедру и смотрел на горизонт. Глянцевый голубой и белесый желтый окрасили небо. Вода сверкала, словно декоративный белый кварц. Солнце опустилось ниже, и вскоре холодные тона согрелись до фиолетового и оранжевого. Джеймс подумал о Наталии. Она хотела, чтобы он написал закат.

Клэр прищелкнула языком, и у Джеймса одеревенела спина.

– Бывало и лучше.

Он швырнул кисть на край мольберта.

– Я немного заржавел. – Джеймс встал, поправил шорты, отодвинул стул и опустил использованные кисточки в банку с терпентином.

– Я еще не закончил, – сказал Марк и принялся работать быстрее.

– У тебя есть время, чтобы закончить. А мне пора готовить ужин.

Джеймс снял с мольберта свою картину и поставил на ее место чистый холст. Джулиан и Гейл шли через двор с досками для сёрфинга под мышкой. Джеймс окликнул их, и они обернулись.

– Мы вернемся через час, – крикнул в ответ Гейл.

Джеймс помахал им рукой, потом вернул стул на место перед мольбертом и пригласил мать сесть.

Она уставилась на стул, потом медленно подняла глаза на сына:

– Ты хочешь, чтобы я занялась живописью?

Джеймс повернулся к столу, взял новую коробку с принадлежностями для живописи и протянул ее матери. Лицо Клэр побледнело, и он догадался, о чем она думает. Коробка была почти точной копией той, которую Эйми подарила ему на двенадцатилетие. Той самой, которую Клэр заставила его вернуть.

Ее пальцы метнулись к верхней пуговице блузки, губы чуть приоткрылись. Джеймс чувствовал, что ей хочется писать, но она не знает, как поступить. Возможно, они никогда не поговорят о том, что было между ними, и не будут настолько близки, как она была близка с Карлосом. Джеймс сомневался и в том, что сможет простить ее. У них не те отношения. Но он сможет держать перемирие между ними. Коробка с принадлежностями для живописи – это его белый флаг, а великолепные кисти, которые она подарила ему на прошлой неделе, были ее белым флагом.

– Марк хочет рисовать вместе с тобой, – сказал Джеймс.

– *Sí, Señora...* – Марк запнулся, кисть с каплей краски остановилась перед холстом. Он перевел взгляд с Клэр на Джеймса, потом обратно.

Чувствуя его замешательство, Джеймс обратился к матери:

– Как мальчикам тебя называть? Бабуля?

Ее глаза в ужасе расширились.

– Боже, нет. Нет! – Она отмахнулась от этого слова и заставила себя улыбнуться. – Лучше нонна^[26]. Зови меня нонной, – обратилась она к Марку, вырывая коробку из рук Джеймса.

Джеймс сунул руки в карманы и опустил голову, чтобы спрятать улыбку.

– Нонна, – с сильным акцентом повторил Марк, пробуя слово на язык.

– Это по-итальянски, – объяснила Клэр, открывая коробку.

Марк провел кистью по холсту, оставляя голубой след.

– Я итальянец?

– Да. А еще ты мексиканец.

Марк выпрямился.

– В самом деле? Радикально, приятель, – повторил, копируя своего деда.

Клэр скорчила гримасу, Джеймс фыркнул и оставил их писать красками.

В кухне Джеймс вынул из холодильника стейки и выбрал в кладовке специи. Он разложил куски мяса на рабочем столе, чтобы они согрелись до комнатной температуры, потом отправился на поиски картошки. Ее он нашел в корзине на полу кладовки. Джеймс как раз чистил картофель в раковине, когда в кухню пришла Наталия.

– Как насчет салата и овощей в дополнение к мясу и картошке?

– Звучит замечательно. – Джеймс улыбнулся.

Они работали в тандеме, их руки соприкасались, когда Наталия мыла рядом с ним помидоры, и он остро чувствовал каждое ее движение. Как она перестала резать их, когда он потянулся через нее за ножом. Как затаила дыхание, когда он положил руку ей на поясницу, прося отодвинуться, чтобы он мог достать миску. Он ловил ее аромат, легкую эссенцию мандарина, уникальный, но в то же время наполнявший его странным чувством знакомого, которое он не слишком хорошо понимал. Разум ее не помнил, но, возможно, помнило тело, что, вероятно, и объясняет, почему он через такое короткое время почувствовал себя так легко с ней.

Наталия неожиданно повернулась, толкнув его под локоть. Крышка от мельницы для специй, которую он пытался открутить, выпала из его пальцев.

– Прости, – пробормотала Наталия, когда они оба нагнулись за крышкой. Наталия подняла ее и дрожащими пальцами уронила Джеймсу в ладонь. Их взгляды встретились, и она отвела глаза.

Меркнувший солнечный свет отбрасывал теплое сияние на ее веснушчатую щеку. Волосы были палитрой красных и золотых тонов, в сочетании создававших тот медный оттенок, который он решил написать. Он больше не мог сопротивляться и дотронулся до ее волос.

Она затаила дыхание и отпрянула.

Рука Джеймса упала.

Наталия встала. Джеймс поднялся медленнее, чувствуя в ней новое напряжение.

– Ты в порядке?

Она схватила нож и разрешила еще один помидор. Лезвие громко стукнуло о доску. Наталия отрезала еще кусок.

– Сегодня мы потеряли контракт, – сказала она через минуту. – Обычно я чувствую, когда такое может случиться. – Закончив резать помидоры, она бросила нож в мойку, сполоснула руки и чуть обсушила их посудным полотенцем.

Джеймс отложил нож и развернулся к Наталии лицом. Он оперся о край стола.

– Я могу чем-то помочь? – Джеймсу хотелось больше узнать о том, что Наталия делает в течение дня. Больше того, что он прочел в дневниках.

– Нет, все уже сделано. – Наталия сложила полотенце и посмотрела на часы духовки. – Сколько у нас времени до ужина?

Джеймс посмотрел на мариновавшиеся стейки.

– Около сорока пяти минут.

Наталия подняла дрожащую руку и пригладила волосы.

– Я пойду, приму душ. – Наталия вышла из кухни, пролетев мимо него с такой быстротой, что он ощутил ветер.

Его взгляд упал на порезанные помидоры. Их сок собирался на разделочной доске. Пучок салата-латука остался нетронутым, цукини лежали в пакете. Наталия забыла о салате и овощах, что-то прогнало ее с кухни, и Джеймс ни минуты не сомневался, что быстрая смена ее настроения никак не была связана с потерянным контрактом.

Глава 26

Карлос

Три года назад

21 июля

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Я окунул кисть в кадмиевый желтый и попытался сосредоточиться на финальных мазках картины, которую заказал местный ресторан. Еще один закат, чтобы дополнить три уже имеющихся в отдельном обеденном зале: *El otoño*, *El invierno* и *La primavera*. Осень, зима и весна. Через несколько недель, как только холст высохнет, я привезу заказчику *El verano*^[27].

На лбу выступил пот, рубашка взмокла. Кондиционер работал все время, но в мастерской было жарко, как в аду. Я обмахнулся полами рубашки. Головная боль тоже не помогала, хотя она уже не ощущалась, как удары кувалдой. Я все-таки пошел в больницу за рецептом после того, как отключился на прошлой неделе. Врач объяснил отключение сознания головокружением и обезвоживанием, а головные боли – стрессом. Но я не рассказал ему всю историю, поэтому десять дней спустя все еще терпел эту пытку.

Несладко приходилось и Джулиану. После того случая он каждый день спрашивал, помню ли я, что он мой сын, только усиливая то, чего я всегда боялся. Джеймс не захочет возиться с Джулианом и Маркусом, потому что не будет считать их своими детьми.

Так как я был упрямым, как осел, – это слова Наталии, не мои, – и отказывался что-либо выяснять, она связалась с доктором Эдит Файнштейн, нейропсихологом из США. Наталия, как смогла, описала врачу мое состояние и упомянула отключение сознания и ночные кошмары, которые не выходили у меня из головы во время поездки с Джулианом. Не имея возможности меня осмотреть, доктор Файнштейн только сказала, что мои кошмары были диссоциативными воспоминаниями, и я испытал возвращение в прошлое. Травмирующие эмоции, которые воскресил

ночной кошмар, могли спровоцировать такое возвращение. И те десять пугающих минут я был другим человеком. Я мог быть Джеймсом или кем-то совершенно другим. Я просто не был собой.

Их разговор продолжался более часа. Доктор Файнштейн объяснила какие-то вещи, которые мы уже знали. Мое состояние было результатом психологической травмы, а не физического повреждения. Именно поэтому я мог говорить, читать и писать по-испански. Я мог пробегать марафонскую дистанцию, не помня о том, как тренировался. По этой же причине я мог писать, как профессиональный художник. Потому что Джеймс все это умел. Единственным, чего не хватало, было прошлое, накрепко запертое в моей голове. Вот почему люди в моем состоянии с такой легкостью начинали новую жизнь. В моем случае это был шаг в жизнь, которую создали для меня.

Доктор Файнштейн спросила Наталию, заинтересован ли я в лечении. Гипнотерапия способна освободить воспоминания, и я могу вернуться в жизнь Джеймса. Когда Наталия отказалась, врач отметила, что, как бы я ни решил действовать дальше, у меня может не оказаться выбора. Мой мозг сам решит, когда он будет готов излечиться. Он поймет, когда я буду готов снова встретиться со стрессами и травмами, которые спровоцировали мое состояние. Переключение может произойти сегодня, завтра или через несколько лет. И переход к моему прежнему «я» будет быстрым.

Прежде чем закончить разговор, доктор Файнштейн дала последний совет. Я принял это как предупреждение, которое заставило меня ранними утренними часами документировать мельчайшие подробности моей жизни. По словам врача, на каком-то уровне я почувствую, когда буду готов встретиться с моими демонами. Участившиеся ночные кошмары и их все большая ясность, а теперь еще и отключение сознания могли указывать на то, что мой мозг готовится. Доктор Файнштейн посоветовала Наталии как важному для меня человеку – Наталия так ей и представилась – самой эмоционально и психически подготовиться к этому. Когда произойдет мой переход, наша жизнь будет серьезно нарушена. Скорее всего у меня начнется сильная депрессия, я буду испытывать печаль и стыд. Могут быть нарушения настроения, суицидальные порывы и склонность к агрессии.

«Отлично. Я стану придурком. Вот и еще один повод для беспокойства», – подумал я, отбрасывая кисть в сторону.

По деревянному полу у меня за спиной зашуршали сандалии. Запах солнцезащитного средства с кокосом окутал меня до того, как руки Наталии обвились вокруг. Она положила подбородок мне на плечо. Я поднес ее предплечье к губам, ощутил соль и горький вкус лосьона.

– Я не хочу уезжать от тебя. – В ее шепоте послышалась тревога.

– Так оставайся. – Я развел ее руки в стороны и поставил перед собой. Благодаря табурету, на котором я сидел, наши глаза оказались на одном уровне.

Наталия сцепила пальцы у меня на затылке. Большие пальцы поглаживали голову.

– Ты же знаешь, что я не могу.

Встречи, поездки, большие сделки, которые надо заключать. Турнир в Южной Африке. Визит к младшему брату. Наталия ненадолго вернется в Пуэрто-Эскондидо в сентябре, потом еще раз в ноябре, на турнир по сёрфингу. Между этими визитами у нас будут сообщения и разговоры по телефону. До сентября казалось так далеко, особенно когда мне хотелось только одного – обнимать ее и целовать. Глубоко опускаться в ее тепло. Жениться на ней и убедить усыновить моих детей.

Я поцеловал ее, мучительно нежно и упоительно медленно. Я почувствовал жжение от металлического привкуса ее лекарственного бальзама для губ, но мне было наплевать. В этот поцелуй я вложил все, что чувствовал к ней. Любовь, сострадание и страхи. Ее пальцы впились в мой затылок, живот прижался к моему животу, торопя меня поцеловать ее глубже, овладеть ею еще раз, прежде чем она сядет в самолет.

– Выходи за меня замуж, – прошептал я, прижимаясь к ее губам. Нат заскулила, и я попросил снова. – Пожалуйста, выходи за меня.

Ее губы отпустили мои. Она прижалась лбом к моему лбу и прошептала мое имя. Я просил ее не в первый раз.

– Ты любишь меня? – Мне была ненавистна пустота в моем голосе.

Наталия отступила из моих объятий, и мои руки упали на колени. Холодный воздух закружился в том месте, где она стояла. Мой взгляд заскользил по ней, а она заинтересовалась каплями краски на полу. Наталия скрутила волосы в жгут. По ее лицу пробежали смущение и неуверенность. Я поднял ее подбородок, и мы какое-то время смотрели друг на друга.

– Нат, ты любишь меня?

– Да. Всем сердцем.

– Тогда почему ты не хочешь выходить за меня? – спросил я. Потом внезапно вспомнил о ее шрамах, боевых ранах, о которых я никогда не спрашивал, решив, что однажды ей хватит храбрости самой рассказать мне. Я достаточно долго ждал. Она говорила мне, что принимает противозачаточные таблетки. Возможно, было что-то еще. – Ты можешь иметь детей?

Она застыла:

– Надеюсь, да.

– А твои шрамы?

Она нахмурилась:

– Мои шрамы?

Я провел большими пальцами по ее животу от бедра до бедра.

– Тебе сделали операцию? – Ее мать умерла от рака яичников. – Ты была больна?

Мне бы не понравилось, если бы она скрыла от меня такое, окажись это правдой. Я должен был знать.

– Больна? – Наталия посмотрела на мои руки, обхватившие ее бедра. – Я получила это, когда каталась на сёрфе. – Теперь пришла моя очередь хмуриться. – Волна выбросила меня на острые камни, мне было семнадцать. Они разорвали кожу, было чертовски больно, но это не имеет никакого отношения к тому, что я не выйду за тебя.

– В чем тогда дело? – Я практически прорычал вопрос, взбешенный ответом.

Все ее тело поникло.

– Я хочу выйти за тебя, правда, хочу. Просто... я боюсь, что ты женишься на мне только ради детей.

– *Dios*, Нат. – Она думала, что я не хочу ее. – Я люблю тебя. Это тебя я хочу каждую проклятую секунду дня. Мне не нужен никто другой.

– Это ты сейчас так говоришь.

Мои руки отпустили ее. Я встал с табурета и отошел на шаг в сторону. «Боже, я идиот».

– Ты боишься, что я хочу быть с Эйми?

– Это логичный страх, Карлос. Ты убежден в том, что fuga закончится. Ты убежден и в том, что Джеймс откажется от твоих сыновей, что он не сможет защитить их от твоей семьи. Если мы поженимся, то я окажусь точно в таком же положении, как Джулиан и Маркус. Я боюсь, что ты просто оставишь позади и меня.

– Нат... – Мой мир рухнул. Она отвернулась и выглядела такой же потерянной и несчастной, каким чувствовал себя я. Жизнь оказалась чертовски несправедлива, потому что Нат была права. Я схватился за голову.

Ее телефон завибрировал, напоминая о встрече. Она посмотрела на время.

– Я должна идти. – Наталия отложила телефон, потом долго смотрела на меня. Она протянула руку и дотронулась до моей небритой щеки. Я поймал ее руку, прижался губами к ладони, не отпуская ее.

– Пусть Джеймс решает, чего он хочет, – сказала Нат, встречаясь со мной взглядом, когда я отпустил ее руку.

Я резко покачал головой.

– Я не могу на это пойти. Плевать на то, что рассказала мне Эйми. Я не вижу парня, которого она описала. – Я все-таки хотел привязать Наталию к себе. Я заскрипел зубами и отвернулся.

– Эй! – Она мягко оттолкнула меня прикосновением пальцев. – Если он откажется от мальчиков или решит, что не сможет уберечь их от своей семьи, тогда да, я усыновлю их. Я предоставлю им дом. Ты можешь записать это в дневник, чтобы Джеймс знал.

Обеими руками я обхватил ее лицо и поцеловал с каким-то отчаянием.

– Спасибо, – прошептал я. – Спасибо.

Я бы взял все, что она захотела мне предложить.

– Я люблю тебя, Карлос.

Я крепко обнял ее:

– Я всегда буду любить тебя.

Она пробормотала мне на ухо два слова, потом попрощалась, высвобождаясь из моих объятий. Я схватил ее за руку, но пальцы Наталии выскользнули из моей ладони, когда она попятилась. Дверь за ней закрылась, оставив меня наедине с картинами и тем, что она прошептала в ответ на мои слова о любви.

Надеюсь, будешь.

Глава 27

Джеймс

Настоящее время

28 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Они поужинали на веранде под темнеющим небом, окруженные насыщенным ароматом барбекю. За едой дети оживленно болтали с бабушкой и дедушкой. Гейл и Джулиан обсуждали, как они скользили по волнам, а Марк делился своими первыми впечатлениями от работы «взрослыми» красками. Между идеально приготовленными стейками и мороженым на десерт Клэр веселила сидевших за столом рассказами о своих поездках в Италию. Она научилась мастерски торговаться, сбивая цены на мебель. Наталия хранила молчание, лишь изредка улыбкой или коротким восклицанием реагируя на подвиги Джулиана или Маркуса, которыми те делились с остальными. Джеймс обратил внимание на то, что она намеренно села между его сыновьями. Он специально поставил тарелку Наталии рядом со своей, чтобы иметь возможность поговорить с ней. Но она переставила тарелку на другое место, когда он ушел к грилю за стейком для Гейла.

После ужина Наталия поцеловала детей, пожелав им спокойной ночи, и сбежала в кухню. Джеймс отвел сыновей в комнаты и уложил в постель. С Джулианом они ударились кулак в кулак, и старший сын ограничился фразой «Увидимся утром, пап». Марк хотел, чтобы отец ему почитал. Как и ожидалось, малыш уснул, привалившись к плечу Джеймса, примерно на середине книги. В следующий раз он начнет читать с этого места, чтобы они дочитали до конца.

Гейл повез Клэр обратно в гостиницу, поэтому Джеймс отправился на поиски Наталии. Она все еще была в кухне, споласкивала тарелки. Он встал рядом с ней у мойки, схватил полотенце и вытер кастрюлю, сохнувшую на полке.

Наталия посмотрела на него, ее руки в резиновых перчатках были по локоть в мыльной воде.

– Спасибо, но ты не обязан это делать.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Это я устроил беспорядок.

– Ты готовил, я убираю. Мы так... – Наталия крепко сжала губы и стала тереть тарелку сильнее.

– Мы так всегда делали, – закончил за нее Джеймс, его голос звучал мягко. – И все-таки я был бы рад помочь. – Он отставил кастрюлю в сторону и взял другую.

Наталия положила руки на кастрюлю, останавливая его.

– Я сама. – Она обернулась через плечо. – Почему бы тебе не взять пиво и не расслабиться на веранде?

Подальше от кухни. Возможно, Джеймс не слишком быстро наверстывал те шесть лет, которые выпали из его жизни, но он сразу понимал, когда его не хотят. Его бросили в чужой стране на долгие годы, и он хорошо усвоил этот урок.

Он аккуратно сложил полотенце, отошел и прислонился к кухонному столу. Сложил руки на груди, скрестил лодыжки и стал наблюдать за Наталией. Она терла посуду резкими, угловатыми движениями. На ее щеках, там, где она провела мокрой перчаткой, блестела влага. Наталия торопливо мыла тарелки и отказывалась смотреть на него. Ей явно было некомфортно в его присутствии.

– Хочешь, чтобы мы уехали? – спросил он прежде, чем успел передумать. Он с мальчиками может несколько дней пожить в гостинице. А потом что? Куда они поедут? Никто из них не хотел возвращаться в Калифорнию, но этим, вероятно, дело и кончится. Ему надо начать просматривать участки, выставленные на продажу, раз в родительском доме он ни за что не останется. В нем слишком много воспоминаний, которые Джеймс предпочитает забыть. Тот дом он никогда не любил.

– Нет... Нет, я не хочу, чтобы вы уезжали. – Наталия добавила тарелку в посудомоечную машину. – Просто... – Она потерла лоб тыльной стороной руки.

– Просто что?

– Я так больше не могу. – Она закрыла глаза, и в животе Джеймса появилось тошнотворное ощущение. – Я думала, смогу, но это слишком тяжело. – Наталия сорвала с рук перчатки, бросила их в мойку и оставила Джеймса на кухне, ошеломленного ее внезапным уходом.

Хлопнула входная дверь.

– Нат? – раздался голос Гейла.

По коридору протопали шаги.

– Нат? Что случилось, дорогая?

Джеймс представил, как Гейл кричит ей вслед, стоя в коридоре. Джеймс потер предплечье. Потом, сообразив, что так делает всегда, когда ему нужно принять трудное решение, вместо этого потер лицо. Щетина оцарапала ладони, и Джеймс застонал. Он устал чувствовать себя неприкаянным, а теперь им снова надо уезжать.

Лучше собрать вещи с вечера, чтобы они могли уехать сразу с утра. Чем дольше они останутся, тем тяжелее будет для Джулиана и Марка расстаться с тетей и бабушкой. Уехать с Гавайи – это лучший выход, и это рассердило Джеймса. Его сыновья снова возненавидят его.

Гейл неторопливо вошел в кухню, вертя на указательном пальце ключи. Он внимательно посмотрел на Джеймса.

– Выпить хочешь?

Джеймс вздохнул:

– Да.

Гейл бросил ключи на столешницу и открыл шкафчик.

– Скотч? – спросил отец Наталии, показывая Джеймсу бутылку виски «Макаллан».

– Конечно.

– Когда дело касается женщин, я не самый преданный парень, – сказал Гейл. Джеймс поднял бровь, и Гейл фыркнул. – Ага, Нат рассказывала тебе кое-какие истории?

– Немного, – ответил Джеймс, хотя он достаточно узнал о ее отце, читая дневники.

Из другого шкафчика Гейл достал два низких широких стакана.

– Лед? – Джеймс кивнул, и Гейл направился к холодильнику. – И меня ни в коем случае нельзя назвать знатоком женщин.

– А кто может им быть? – фыркнул Джеймс. Он встречался с Эйми десять лет, и множество раз понятия не имел, почему она на него сердится.

Гейл поднес стакан к диспенсеру для льда, тот ожил, и кубики застучали о стакан.

– Хотя Кайли, мать Нат, – продолжал Гейл, – была моей первой и единственной. Единственной настоящей любовью и единственной женой.

Откручивая пробку на бутылке, он посмотрел на Джеймса.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – предположил Гейл. – Я любил мать Ракели, но это было совсем другое. И с матерями других моих детей тоже не было ничего похожего.

Джеймс не думал о Ракели, но, глядя, как янтарная жидкость льется в их стаканы, он и в самом деле поймал себя на том, что думает вот о чем:

– Вы думаете, мужчина за свою жизнь может любить нескольких женщин?

– Безусловно.

– Я говорю о сильной, всепоглощающей любви, наподобие той, которую вы испытывали к Кайли. – И той, которой он сам любил Эйми.

Гейл закрутил пробку на бутылке.

– Зависит от мужчины и от той женщины, которую он хочет. Мне не так повезло. Но я и не хотел снова найти такую любовь. Это нужно захотеть. Вот здесь. – Он постучал себя по груди и передал Джеймсу стакан. Они чокнулись, Джеймс проглотил половину. Виски обожгло горло, согрело внутренности.

Гейл покрутил лед в своем стакане.

– Я пытаюсь сказать, и у меня это чертовски плохо получается, что...

– Наталия как ее мать, – пробормотал себе под нос Джеймс.

– Что ты сказал?

– Ваша дочь такая же, как ее мать. Ей нужны обязательства.

Наталия не хочет, чтобы ее бросили, чтобы поступили с ней так, как отец поступил с матерями ее сестер и брата. Именно поэтому Наталия всегда уезжала, поэтому не переехала в Мексику и не вышла замуж за Карлоса. Она знала, что, выйдя из фуги, он вернется в Штаты. Оставит ее. Поступит так, как ее отец поступал с женщинами.

Гейл долго смотрел на Джеймса. Глотнул из стакана, не отрывая взгляда.

– Возможно, Нат тебе пока чужая, и тебе странно быть с ней. Но то, что ты не с ней, что вы не говорите друг с другом, не прикасаетесь друг к другу, не целуетесь и все такое, все это кажется странным всем, особенно Нат. Пусть мы с тобой не виделись со дня свадьбы Ракели, но Нат говорила о тебе долгие годы. И много говорила. И теперь ей больно.

Джеймс посмотрел на плавающий в стакане лед.

– Я знаю. – Он мог бы ударить себя за то, что не догадался об этом раньше.

– Нат понимала, что настанет день, когда ты не вспомнишь ее. Но думать и проживать – это разные вещи. Ну, как волны за порогом этого дома. Они, возможно, звучат одинаково, но, когда встаешь на доску, каждая из них ведет себя по-разному.

Джеймс вспомнил отрывок о том, как Карлос впервые встретился с Эйми и узнал о фуге. Он был оскорблен, испытывал противоречивые

чувства. Ему было неинтересно узнать больше о своем настоящем «я» или о своих отношениях с Эйми, что типично для людей в состоянии диссоциативной фуги. Страх потерять нынешнее «я» был осязаемым, и Карлос пришел в ужас. Он не мог вспомнить Эйми и не хотел ее вспоминать. И это оттолкнуло ее.

То же самое могло произойти с Наталией.

Его сыновья будут опустошены, если она не захочет их видеть, потому что ей слишком тяжело выносить присутствие Джеймса. Ситуация с Наталией отличается от ситуации Карлос–Эйми. Карлос подготовил его к этому. Он оставил для Джеймса страницы, полные желаний. Он невероятно подробно описал женщину, которую любил, и подарил это Джеймсу, в надежде, что он сможет снова найти эту любовь. Но может ли мужчина любить женщину, когда он все еще любит другую?

– Ты любишь Наталию? – спросил Гейл.

– Да, – ответил Джеймс.

– Я не слишком хорошо понимаю, что у тебя происходит вот тут, – Гейл покрутил пальцем у виска, – но я думаю, что ты все еще любишь ее вот здесь. – Он положил ладонь на сердце. – Этому твоему мозгу надо просто вылечиться и наверстать упущенное.

– Именно это я и пытаюсь сделать, сэр. – Поэтому Джеймс сюда и приехал.

– Что ж, ладно. – Гейл поставил пустой стакан в мойку. – С сентиментальными разговорами покончено. Я свое сказал. Пора на боковую. Этот твой сын – просто чертенок на волнах. Измотал меня сегодня.

– Спокойной ночи, Гейл. – Джеймс проводил его до входной двери, чтобы запереть за ним.

– И вот еще что. – Гейл остановился на пороге. – Если у тебя есть чувства к Наталии, то иди к ней. – Он посмотрел вдоль коридора. – С остальным разберешься потом.

* * *

После того как Гейл ушел в свой коттедж у въезда на участок, Джеймс оказался у двери в комнату Наталии. Опустив голову, приложив ухо к двери, он негромко постучал в дверь костяшкой указательного пальца. Джеймс не придумал, что сказать. Решил, что они поговорят, обсудят, как сделать так, чтобы их отношения заработали – какими бы ни были эти

отношения, – чтобы ему не пришлось снова срывать детей с места.

Он постучал снова, на этот раз чуть громче. Наталия не ответила, поэтому он чуть приоткрыл дверь, гадая, в комнате ли она вообще. Она могла выйти из дома, чтобы пройтись.

– Наталия! – тихонько позвал Джеймс.

Он вошел в комнату, глаза постепенно привыкли к полумраку. В комнате было темно, если не считать тонких полосок света от двери в ванную. Отлично, Наталия готовится ко сну, а он нарушил ее уединение, чтобы поговорить о том, как продлить свое пребывание в ее доме. Он почувствовал себя хамом и собирался уже уйти, когда заметил Наталию. Она съежилась в кресле в дальнем углу комнаты, сидела, поджав ноги. На ее скулах, словно слой свежей краски, блестела влага.

Теперь Джеймс действительно почувствовал себя мерзавцем. Он заставил ее плакать.

– Наталия? – Джеймс сделал еще шаг вперед.

Наталия обожгла его свирепым взглядом, и Джеймс остановился. Вытерев слезы со щек, Наталия встала с кресла и ушла в ванную. Свет на мгновение затопил комнату, дверь распахнулась и тут же закрылась. Джеймс удрученно вздохнул. Ему были не рады. Он направился к выходу, когда шум заставил его обернуться. Наталия стояла на пороге ванной и смотрела на него. Бумажным платочком она промокнула уголки глаз.

– Прошу прощения, – сказал Джеймс. – Мое появление здесь беспокоит тебя.

– Здесь – это в моем доме или в моей комнате?

Уголок его губ дрогнул.

– И то, и другое.

Она вздохнула, протяжно и тоскливо, руки упали вниз.

– Не могу сказать точно, сколько раз я представляла, как ты стоишь тут. И вот ты здесь. – Наталия приподняла руку. – И смотришь на меня так, как будто мы только что познакомились.

У Джеймса дрогнуло сердце. Потребность утешить ее толкнула его вперед.

– Наталия...

Она подняла руку, останавливая его.

– Пока ты жил в Мексике, а я была здесь, я столько ночей представляла, что мы в кои-то веки занимаемся с тобой любовью в *моей* кровати. – Наталия закрыла глаза. – Я отчаянно желала быть с тобой, а ты даже не взял меня за руку.

Ее дыхание прервалось, и она закусила нижнюю губу. Глаза

увлажнились, по щеке потекла слеза, потом еще одна.

– Я говорила себе, что смогу с этим справиться, что, если ты выйдешь из фуги, я смогу быть твоим другом. Я помогу тебе наладить отношения с детьми и буду рядом на тот случай, если понадобится тебе. И знаешь что? – Наталия пустыми глазами посмотрела в окно, выходящее на пляж. – Я привыкла покорять пятнадцатифутовые волны на сёрфе, но это ерунда по сравнению с тем, что случилось вчера.

– А что случилось вчера? – смущенно спросил Джеймс.

Наталия подняла голову, и ее сверкающие зеленые глаза встретились с глазами Джеймса. Она вглядывалась в него так, как будто он был навсегда потерян для нее.

– Самым трудным в моей жизни оказалось пожать тебе руку в аэропорту и вести себя так, будто мы только что познакомились, хотя мне хотелось лишь одного – броситься в твои объятия. Я не видела тебя с ноября, и это убивает меня. – Она ударила себя кулаком в грудь. – Убивает, что ты не поцеловал, не обнял меня. Обычно ты обнимал меня так, словно боялся отпустить. Боже... – Наталия судорожно вздохнула. – Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне. Я просто хочу, чтобы ты меня обнял. – На последнем слове ее голос дрогнул.

Джеймс тоже отчаянно хотел обнять ее. Она разрушала его. Но он не тот, кого она действительно желала. Он не ее Карлос. Она ему не безразлична, но он не любил ее. Не любил так, как любил Карлос. Джеймс сомневался, что сможет любить так снова.

– Прости меня, Наталия. Мне очень, очень жаль, что я не тот мужчина, которым ты хотела меня видеть.

Когда эти слова сорвались с языка, Джеймс почувствовал, что извиняется за куда большее. За то, что потребовал от Эйми никому не рассказывать о нападении Филадельфии. За то, что погнался за Филом в Мексику, никого не попросив о помощи. За то, что увез сыновей из их родной страны. И за то, что не помнил, как сильно он когда-то любил Наталию.

Переполненный собственными эмоциями – гневом, отчаянием, горем и стыдом – Джеймс позволил своему взгляду скользнуть к двери, выходящей на веранду. Боже, он повел себя как придурок, придя в ее комнату, но теперь ему нужно было выбраться отсюда. Пробежаться, завопить, разбушеваться.

– Я, пожалуй, пойду. – Не стоило даже пытаться исправить то, что было между ними не так, он с треском провалился в налаживании отношений.

– Я люблю тебя, Джеймс, – сказала Наталия, когда он схватился за

ручку двери. – Я любила тебя, когда ты был Карлосом, и я люблю мужчину, которым ты стал сейчас.

Его рука задрожала, ударилась о ручку. Он отпустил ее и повернулся к Наталии. Она стояла посреди комнаты с залитым слезами лицом, пальцы комкали мокрым бумажным платочек.

– Ты великолепный человек и замечательный отец. Я знала, что ты таким будешь.

«Иди к ней!»

Голос раздался в голове, и на безумную долю секунды Джеймс подумал, не голос ли это Карлоса.

Наталия печально улыбнулась, и эта улыбка как будто расставила все по своим местам. Карлос подарил Джеймсу воспоминания в виде записей. «Я – это ты», – написал он.

И тут до него дошло. Джеймс и *есть* ее Карлос.

Тремя большими шагами Джеймс пересек комнату и схватил Наталию в объятия. Она вскрикнула, сжалась от резкого, неожиданного прикосновения. Потом ее руки обвились вокруг него, и он почувствовал, как она растаяла. Он уткнулся лицом во впадинку между ее плечом и шеей, чуть согнулся, как будто был ее убежищем, и застонал, выплескивая свою тревогу. Так много времени прошло с того момента, когда он кого-то обнимал или кто-то хотел обнять его.

Его руки заскользили по ее спине, и он почувствовал, что Наталию бьет дрожь. Они оба дрожали. Громкие, хриплые рыдания сотрясали ее тело, пальцы утонули в его волосах, а он просто обнимал ее. Потом провел губами по плечу, по шее и добрался до раковины ее уха. Это ощущение, когда любящая женщина прикасается, обнимает и ласкает его, потрясло Джеймса до глубины души. На глазах выступили слезы.

Наталия прижалась губами к его плечу. Сквозь рубашку он чувствовал ее жаркое дыхание, потом ее зубы прикусили кожу над воротником. Он застонал, когда это ощущение распространилось по мышцам. Джеймс вдохнул ее – отчетливый, теплый аромат и соленый, мускусный запах возбуждения, – и ему вдруг захотелось только одного: обладать ею. Она была *нужна* ему.

Ее губы заскользили по его телу. Она прошептала его имя – *Джеймс*, – и, помоги ему господи, его сердце забило быстрее, кровь отхлынула вниз. Каждая его частичка вспыхнула, словно сухой лес после многолетней засухи.

– Я хочу тебя, я так сильно хочу тебя. – Наталия снова потянула его за рубашку.

– Знаю, детка. – Но рубашку он не снял.

– Поцелуй меня, – прошептала Наталия у самых его губ. И он поцеловал. Это он себе позволил. И это его едва не убило.

Каждая строчка из дневника, описывавшая, каково это – целовать Наталию, бледнела по сравнению с реальным поцелуем. Джеймс желал ее с отчаянием мужчины, который долгие годы был одинок, с желанием мужчины, который так много потерял.

Но он начал свои отношения с Эйми со лжи и полуправды. Он годами хранил секреты и, в конце концов, все разрушил. Как бы он ни стыдился своей семьи и своего собственного поведения, прежние ошибки он не совершит. Что бы ни произошло между ним и Наталией, во что бы ни вылились их отношения, это должно начаться правильно. Она должна узнать, какой он на самом деле, а не то, что она узнала о нем через Карлоса. И ей нужно знать, что он сделал.

Джеймс взял в ладони лицо Наталии и замедлил их поцелуй. Она всхлипнула, а когда он поднял голову, она заморгала, сбитая с толку. Губы ее были мягкими и распухшими, и ему потребовалась вся сила воли, чтобы не прильнуть к ним снова.

– Что случилось? – Она старалась поймать его взгляд. Судя по всему, Наталия нашла ответ и сникла. – Ты не хочешь меня.

– Нет, дело совсем не в этом. Я хочу тебя. Неужели ты не чувствуешь, как сильно я хочу быть с тобой? – Он улыбнулся уголком губ и крепче прижал ее бедра к себе.

Глаза Наталии метнулись налево, потом направо, она заглянула в каждый из его глаз по отдельности.

– Тогда почему ты не... – Она не договорила, поняв. Ее плечи опустились, и она как будто стала на пару дюймов меньше ростом. Подняв дрожащую руку, Наталия сжала пальцами ткань его рубашки. – Это слишком рано. – Она разгладила рубашку рукой.

Джеймс прижал ее руку к своему сердцу.

– Не могу поверить, что говорю это, и мое тело в ярости от того, что я остановился, но да, мне нужно больше времени.

– О... кей, – прошептала Наталия и опустила глаза. Отказ потушил страсть, от которой ее щеки еще несколько секунд назад полыхали румянцем.

Джеймс притянул ее к себе, уложил голову себе на плечо. Его пальцы зарылись в ее роскошные волосы.

– Я не говорю «нет», Наталия. Мне просто нужно во всем разобраться. Дай мне еще немного времени, чтобы все наладить между нами.

Джеймс медленно просыпался, вспоминая о предыдущем вечере. За свою жизнь он спал с тремя женщинами, но мог вспомнить только одну. Эйми. Что касается Ракели, он не слишком много знал о ней, и это причиняло ему боль, потому что она была матерью его сыновей. В то время записи в дневнике не были такими подробными, какими они стали после того, как Карлос узнал о своей настоящей личности. Джеймс понял только одно: когда-то он очень сильно любил Ракель, их взаимное влечение было мгновенным и всепоглощающим.

Мысли Джеймса перешли к ее сводной сестре Наталии. Большую часть ночи они провели на веранде, пили пиво и разговаривали. Она рассказала ему о своих страхах. Как бы сильно ей ни хотелось выйти замуж за Карлоса и стать матерью для Джулиана и Маркуса, она боялась взять на себя обязательства. Ее приводила в ужас перспектива того, что Джеймс станет считать ее еще одной обузой или препятствием, которое не позволит ему вернуться домой, когда он выйдет из состояния фуги. Он обязательно разведется с ней ради Эйми. Потому что Джеймс любил эту женщину.

Когда Наталия спросила, Джеймс рассказал, что виделся с Эйми всего лишь на прошлой неделе и что решение не бороться за нее стало самым трудным в его жизни. Но это было правильное решение. Эйми двигалась дальше, любила другого мужчину и была за ним замужем. Джеймс поделился с Наталией своим прошлым, которое он скрывал от Эйми. Рассказал о позоре своей семьи, когда община и церковь на Восточном побережье отвернулись от них из-за того, что его мать полюбила своего единокровного брата и родила от него ребенка. Именно поэтому его семья переехала в Калифорнию. Они хотели начать все сначала там, где никто не знал о семейном скандале и унижении. Джеймс рассказал и о том, как в него и в Томаса вбивали необходимость никогда на людях не признавать Филадельфию братом.

Было уже начало четвертого, когда Наталия заснула в своем шезлонге. Джеймс отнес ее в кровать, но, когда он повернулся, чтобы уйти, она схватила его за руку.

– Пожалуйста, останься.

Джеймс остался, растянулся на постели, Наталия свернулась калачиком рядом с ним. Его рука обнимала ее, рука Наталии лежала у него

на сердце, так они и уснули. Проснулся он там же. Было не больше шести часов утра, и ему оставалось только гадать, почему он не спит. Он медленно открыл глаза, пытаясь найти часы, когда ощутил пинок в бок.

Джеймс охнул и широко открыл глаза. В комнате царил желтовато-серый полумрак. Внутренние часы подсказали ему, что шести часов еще нет, скорее пять тридцать. Сунув руку под простыню, он принялся искать того, кто его разбудил, и наткнулся на маленькую ступню. Джеймс заглянул под простыню. Между ним и Наталией, лежа на спине, раскинулся Марк. Рот у него был широко раскрыт, лицо спокойное. Малыш крепко спал.

Джеймс опустил простыню и откинулся на подушку. Его взгляд нашел Наталию на другой стороне кровати. Она лежала на боку, сложив под щекой руки, и смотрела на него. Наталия робко улыбнулась и прошептала:

– Доброе утро.

Джеймс перевернулся на бок, стараясь не разбудить Марка.

– Доброе утро.

Его беспокоило, что Наталия будет этим утром смотреть на него совершенно другими глазами. Накануне он рассказал слишком много. И то, что он ей рассказал – как он обращался с Филом, когда они были детьми, как отнесся к его нападению на Эйми, как до сих пор носит с собой ее помолвочное кольцо – могло повлиять на ее отношение к нему. У Наталии было время перевернуть их разговор, поэтому Джеймс ответил осторожной полуулыбкой.

– Я не собирался так долго не давать тебе спать.

– Все в порядке. Спасибо за разговор.

– Спасибо за то, что выслушала. – Он улыбнулся, и Наталия улыбнулась в ответ. Джеймс не мог вспомнить, когда просыпался с ощущением чистой совести. Он понял, что это связано с тем, что он был откровенен с Наталией. Интересно, их отношения всегда были такими, открытыми и честными? Никаких секретов. – Между нами всегда так?

Загорелая кожа между ее бровями сморщилась, и Наталия несколько раз моргнула.

– Нет, – прошептала она с еле заметным колебанием, как будто обдумывала свои слова. – Обычно, когда мы были вместе, мы были неистовыми, как будто не могли насытиться друг другом за то время, которое у нас оставалось. Я приезжала на несколько недель, поэтому нельзя было сказать, что мы не виделись. Скорее это ты понимал, что время Карлоса может закончиться. Несмотря на это, между нами все было хорошо. По-сумасшедшему хорошо. – Она дернула угол подушки.

Джеймс долго выдерживал ее взгляд, потом широко улыбнулся:

– Спасибо. Но я спрашивал не об этом.

Ее лицо покраснело.

– Нет?

Джеймс обвел рукой их, лежавших на кровати.

– Это всегда так? Ребенок обязательно приходит к нам в кровать? Я не помню, чтобы читал об этом, – пошутил он, приподнимая простыню, чтобы показать спавшего под ней Марка. Реакция Наталии была очаровательной, а щеки приобрели прелестнейший розовый оттенок.

Она уткнулась лицом в подушку и застонала:

– Мне так неловко.

Джеймс фыркнул и легко толкнул ее в плечо:

– Честно говоря, я подозревал, что между нами все было просто на зависть. Не забывай, я все очень подробно записывал в дневнике.

– Я знаю, – со стоном произнесла Наталия, не поднимая лица от подушки.

– Полагаю, мое желание поговорить прошлой ночью застало тебя врасплох.

– Да.

Джеймс не смог удержаться и снова пошутил:

– Мы тратили больше времени на постель, чем на сон, так? – Он догадался и о том, что в их совместные ночи она была под простынями голый, а не полностью одетой, и они часами вели совершенно другие «разговоры».

Затылок Наталии поднялся и опустился. Она что-то пробормотала, слова Джеймс не совсем разобрал. Кажется, она сказала, что спать он не любил. Наверное, потому что у Карлоса часто случались ночные кошмары, его мучили невыносимые головные боли.

– Посмотри на меня.

– Не-а.

– Нат, – ласковое обращение свободно слетело с его языка. Джеймс дотронулся до ее плеча.

Она перекатилась на бок, и Джеймс приподнялся на локте, чтобы посмотреть на нее сверху. Его рука легла ей на затылок, большой палец провел по линии роста волос на виске.

– Серьезно, по утрам всегда так спокойно? Мы спали меньше трех часов, но я чувствую себя более отдохнувшим, чем за последние несколько месяцев. *Лет*, – со смешком добавил он.

– Раньше ты плохо спал, поэтому нет, ничего похожего не было. Но мне это нравится. А тебе?

– Да, очень. – Его большой палец перебрался на ее губы, то же самое проделал и его взгляд. Джеймс подумал о том, чтобы поцеловать ее, но тут им обоим сурово напомнили о том, что они в кровати не одни. Марк заворочался под простыней, и его локоть ударил Наталию в грудь.

Глаза у нее стали круглые, как блюдца.

– Ох. – Наталия потерла нежное место.

– Поворачивайся сюда, сынок. – Джеймс подтащил Марка ближе к себе. – В котором часу он сюда пробрался?

– В четыре тридцать, думаю. – Наталия зевнула. – Сегодня мне точно потребуется вздремнуть днем.

– Я с тобой, – зевая, ответил Джеймс. И тут ему пришло в голову, что его слова можно интерпретировать по-разному. Он смущенно улыбнулся. – Я хотел сказать, что мне тоже не помешает вздремнуть днем.

Она негромко рассмеялась:

– Я поняла. Можешь прийти сюда и лечь вместе со мной.

Они смотрели друг на друга. В комнате стало светлее, птицы возвестили о начале дня. Их руки встретились над спящим Марком.

– Спасибо, – сказал Джеймс.

– За что?

– За то, что не отказалась от меня и убедила меня не отказываться от них.

– От твоих сыновей?

Он кивнул.

– В Мексике.

– Я знала, что ты их полюбишь.

– Безоговорочно.

Джеймс нагнулся к Наталии, чтобы поцеловать. Пронзительный звон разрушил это мгновение. Джеймс замер. Марк застонал под простыней.

– Прости. – Наталия перевернулась на другой бок. – Я жду звонка с материка.

Нахмурившись, она посмотрела на экран и ответила на звонок вопросом. Ее взгляд метнулся к Джеймсу прежде, чем она передала ему телефон.

– Это тебя. Томас.

Глава 28

Карлос

Семь месяцев назад

27 ноября

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Сеньора Карла как будто страдала от влажной жары, и это было необычно. Больше всего ее утомляла толпа. Летом Джулиан убедил ее приехать во время *Fiestas de Noviembre*^[28], поэтому Карла передвинула свой приезд в Пуэрто-Эскондидо на несколько недель.

Torneo de surf должен был состояться в эти выходные. Туристы заполнили пляжи, улицы и рестораны. Надеюсь дать ей передышку от шума соревнований, автомобилей и погоды, я пригласил Карлу провести остаток дня, занимаясь живописью. К сожалению, мой кондиционер находился на последнем издыхании, и вентиляторы под потолком лишь гоняли застоявшийся горячий воздух.

Карла смотрела поверх чистого холста, глаза у нее потускнели, кожа покраснела. Она обмахивалась своей блузкой из яркого льна цвета фламинго и промокала влажные лоб и шею сложенным полотенцем. Карла раздраженно вздохнула, отложила в сторону все еще чистую кисть и подошла к окнам. Несколько мгновений она смотрела на суетящихся внизу людей, потом открыла окно. Воздух, пропитанный запахом вяленой рыбы, гниющих фруктов и пота, ворвался в мастерскую, втянутый измученным кондиционером. Громкие крики, звонкий смех, музыка и рев газующего мотоцикла нарушили тишину студии.

Лицо Карлы сморщилось от отвращения. Она захлопнула окно.

– Тебе нравится здесь жить, Карлос?

– *Sí.* – Я покрутил кончик кисти в ультрамариновой краске и провел голубую линию поперек холста. Маленькая рыбацкая лодка, плывущая в море голубизны, постепенно оживала.

Карла изучала меня с другого конца комнаты, как будто собиралась

попросить позировать ей для следующей картины. Я выгнул бровь. Карла принялась обмахиваться полотенцем.

– Почему ты здесь живешь? Это ужасное место.

– Ужасное? – со смехом переспросил я.

– Ты всегда здесь жил?

Я открыл было рот, чтобы ответить «нет», но передумал. Кисть, насыщенная краской, застыла на расстоянии дюйма от холста. Рука задрожала, и мне пришлось опустить кисть.

Карла ждала моего ответа. Кроме Наталии, Имельды и Томаса, больше никто в Пуэрто-Эскондидо не знал о моем прошлом и о диссоциативной фуге, которой я страдал. Даже мои сыновья. Томас предупредил, чтобы я никому не открывал свою настоящую личность. По причинам, которые я не мог объяснить – возможно, потому что Карла когда-то открыто рассказала мне о своих отношениях с живописью, – мне захотелось поделиться с ней своей историей.

– Могу я доверять вам?

– Что за странный вопрос? Да, можешь. Я – твоя... – Она замолчала и указала на себя. – Я – твой друг.

Я долго смотрел на нее, размышляя, потом кивнул.

– Вы – мой друг, и я благодарен вам за дружеское общение, – сказал я и признался: – Раньше я жил в другом месте. В Калифорнии, если быть точным.

Карла еле слышно ахнула. Ее пальцы взлетели к вырезу блузки, затеребили пуговицу размером с жемчужину.

– Со мной произошел несчастный случай, и я не могу вспомнить ничего о том, как я там жил, о людях, которых я знал. Я ничего не помню о себе. Мое настоящее имя Джеймс. – Я коротко рассказал ей о своем состоянии.

Покрасневшие от жары шея и грудь Карлы побелели, словно мел. Она чуть покачнулась. Я схватил табурет и тремя шагами преодолел разделявшее нас расстояние. Карла устроилась на сиденье и вцепилась в мою руку.

– Почему бы тебе не вернуться в Калифорнию? Ты здесь чужой.

– Джеймс тут чужой, а я – нет. Как и мои сыновья. – Я осторожно снял ее руки, чувствуя, что и сам перегрелся. По спине тек пот, рубашка липла к влажной коже. Я подошел к дальней стене и повернул термостат. – Здесь наш дом, – сказал я, раскинув руки, чтобы обозначить эту комнату и город вокруг нас, и вернулся к Карле.

– А твоя семья в Калифорнии? Ты по ней не скучаешь? Ты наверняка

должен скучать по матери. – Последнее слово она прошептала.

– Трудно скучать по человеку, которого я не помню.

Губы Карлы приоткрылись, и, отвернувшись, она уставилась в окно.

– Что касается моих братьев, – продолжал я, придвигая табурет и садясь с ней рядом, – то им я не доверяю. Я не доверяю и Джеймсу.

Карла повернулась ко мне:

– Как можно хоть кому-то доверять, если ты не доверяешь себе?

– Я не знаю человека, которым был.

– Уверена, что твоя мать отчаянно скучает по тебе и хотела бы, чтобы ты вернулся домой.

– Я не думаю, что она знает о моем воскресении. Если же знает, то где она?

– Ты не хочешь поехать и выяснить?

– Нет, – слишком резко ответил я. Каждая новая вещь, которую я узнавал о своем прошлом, ставила меня на шаг ближе к возвращению моей настоящей личности. К этому я никогда не буду готов.

Я вернулся к своему холсту, опустил грязные кисти в терпентин и закрутил крышки на тюбиках с краской. Лоб пронзила резкая боль. Я застонал. Крепко зажмурившись, я надавил указательным и большим пальцами на уголки глаз.

Потом услышал скрип табурета и шелест одежды.

– Головные боли вызваны твоим состоянием? – раздался голос Карлы рядом со мной.

Я уронил руку и посмотрел на нее.

– Думаю, да, – согласился я, хотя у меня не было подтверждения врача. Возможно, головные боли стали следствием гипноза, которому меня подверг Томас.

Карла нахмурилась:

– Они становятся сильнее.

– Некоторое время мне удавалось с ними справляться, но в последнее время они усилились. Голова болит сильнее, чаще и... – Мой голос прервался. Я схватил кисть и забарабанил ручкой по столу.

– И что? – подбодрила меня Карла.

– Я должен рассказать о себе Джулиану.

– Зачем?

– Он должен знать, что делать, когда я забуду, что он мой сын, и что случится, если я не захочу быть его отцом.

Карла побледнела еще на два тона. Губы зашевелились, пытаюсь произнести слова.

– Наталия усыновит Джулиана и Маркуса, – добавил я, предваряя ее вопрос. – Они будут жить у нее.

– На Гавайях?

Я кивнул.

Лицо Карлы стало непроницаемым, я не смог расшифровать ее реакцию. Затем ее взгляд заметался по студии и остановился на сумочке. Карла подошла и взяла ее.

– Извини меня, я пойду домой отдохнуть.

Я смотрел ей вслед, когда она шла к выходу.

– Карла!

Ее длинные костлявые пальцы ухватились за ручку двери, Карла чуть повернула голову в моем направлении.

– Что-то не так? Я чем-то расстроил вас?

Карла посмотрела на меня. Женщина, с которой подружилась моя семья и которую мои сыновья считали бабушкой, исчезла. На ее месте появилась та, с которой мы познакомились на пляже пять лет назад.

– Я в полном порядке. Просто в этой студии слишком жарко и некомфортно. – Она вышла, и дверь мягко закрылась за ней.

Глава 29

Джеймс

Настоящее время

29 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи и Сан-Хосе, Калифорния

Из-за нехватки времени Джеймс торопливо собирался. Наталия вошла в комнату с двумя кружками дымящегося кофе, когда он вышел из ванной. Джеймс бросил несессер с туалетными принадлежностями в упакованный чемодан.

– Когда у тебя рейс?

– В восемь сорок пять. – Оставалось два часа.

– О! Нам надо спешить. – Наталия поставил кружки. – Дорога до аэропорта займет не меньше сорока пяти минут.

– Я вызвал такси.

– Ты уверен?

Неуверенность в ее голосе заставила Джеймса поднять глаза от «молнии» на чемодане. Наталия потерла руки. Ее взгляд метнулся к чемодану. Она закусила нижнюю губу, и Джеймс медленно выпрямился.

– Я вернусь, – негромко сказал он.

– Я знаю, это просто... – Наталия отвернулась и провела пальцем по краю кружки с кофе.

– Просто что?

– Мне должно быть стыдно за то, что я напугана?

Он мог бы написать книгу о стыде.

– Нет. – Потому что он сам был напуган. – Поверь мне, я вернусь. Мои сыновья значат для меня слишком много. Ты... Я хочу снова увидеть тебя. Очень хочу.

– Я тоже хочу тебя увидеть, но не это меня встревожило. Как много Карлос написал в дневнике о моем разговоре с доктором Файнштейн?

– Достаточно, я полагаю. Текста было много. Я и сам говорил и

встречался с некоторыми медицинскими экспертами.

– Тогда ты знаешь, что fuga может вернуться.

Их глаза встретились.

– Да.

Пусть как исключения, но все же были задокументированы такие случаи, когда у человека был не один эпизод fugи, а множественные. Он опять приходит в себя с чистой страницей в голове, а у тех, кто с ним рядом, остаются только воспоминания о том, каким он был, и боль в сердце. Вот почему один из психологов, который оценивал состояние Джеймса, рекомендовал лечение. В его голове воюет не только страх, который испытывал в ночных кошмарах Карлос, когда Фил угрожал убить Эйми. Эта картинка может быть символом куда более серьезной проблемы из прошлого, возможно, из детства, которую похоронил его мозг.

И вот Джеймс бежит прямо к человеку, который, по его мнению и по мнению Томаса, стал спусковым крючком для состояния fugи. Они оба верили, что Фил пытался убить Джеймса. Но Филу надо было в этом признаться, и, к счастью для него, Джеймс почти ничего об этом не помнил.

Меньше чем через двадцать четыре часа после освобождения Фил появился в «Донато Энтерпрайзес». Он был уже там, когда Томас приехал в офис. Поначалу Томас решил, что Филу нужна работа. Но Фил искал Джеймса и был преисполнен решимости найти его. Он не сказал Томасу зачем, а когда Томас предложил втроем поужинать, Фил не пришел в восторг от этой идеи. У него дело к младшему брату, и только к нему. Вот почему Джеймсу нужно было попасть в Калифорнию до того, как Фил прилетит на Гавайи.

Наталия быстро заморгала и отвернулась. Джеймс чувствовал ее отчаяние как свое собственное, прямо в центре груди. Воображаемый кулак сжал пульсирующее сердце. Джеймс пересек комнату и обнял Наталию.

– Я вернусь, – прошептал он ей в волосы.

– Я боюсь не того, что ты не вернешься. Я боюсь, что ты забудешь вернуться.

Тот же кулак уронил его сердце в желудок.

– Если со мной что-то случится, когда я увижусь с братьями...

Наталия покачала головой.

– Не говори так. Я верю, что с тобой ничего не случится.

Джеймс откинулся назад, чтобы посмотреть на нее. Она сморгнула слезы.

– Нат, дорогая, когда я в последний раз подумал так о Филе, я потерял шесть с половиной лет. Когда я в последний раз подумал так о Томасе, он

подверг меня гипнозу без моего согласия. – Ему нужен был реалистичный взгляд на ситуацию. Он должен был подготовиться морально и эмоционально. То же самое относилось и к Наталии. – Мои сыновья, Нат... Ты должна оберегать их вместо меня. И если я не вернусь...

– Вернешься. Ты найдешь свой путь. Я верю. Вспомни Стича. Ты моя охрана.

Семья.

Где никого не забывают и не оставляют.

Губы Джеймса скривились.

– Ты часто цитируешь фильмы Диснея.

Наталия сумела улыбнуться сквозь слезы:

– Я обеспечу безопасность твоим сыновьям.

– Ты нас бросаешь?

Джеймс и Наталия отпрянули друг от друга. В дверях застыл Джулиан. Как много он услышал? Достаточно, если судить по палитре эмоций, искажавших его лицо: недоверие, гнев и неприятие.

Предательство.

Руки Джулиана сжались в кулаки. Он перевел взгляд с Наталии на чемодан на кровати и вверх на Джеймса.

– Я знал, что ты нас бросишь. Ненавижу тебя. Я хочу, чтобы вернулся мой прежний папа. – Джулиан бросился бежать. Джеймс услышал, как хлопнула дверь, выходящая на задний двор.

На подъездной дорожке раздался сигнал автомобиля. Подъехало такси. Джеймс обеими руками пригладил мокрые от душа волосы. Он посмотрел на чемодан, потом пошел за Джулианом.

– Джеймс! – Наталия преградила ему путь. – Ты опоздаешь на самолет. Я поговорю с ним и объясню, почему ты уезжаешь. Я скажу ему, что ты вернешься.

– Он тебе не поверит. – Джеймс сдернул чемодан с кровати. – Джулиан поверит, что я вернусь, только когда я вернусь.

– Тогда сделай все, чтобы вернуться. – Наталия протянула ему запечатанный конверт.

– Что это?

– Письмо для тебя. От тебя.

У него натянулась кожа на затылке.

– От меня?

– Ты заставил меня пообещать, что я отдам его, если ты вернешься ко мне.

– Ты его не читала?

– Нет, но ты однажды рассказал мне о нем. Так как мы оба знаем, что существует пусть и минимальная, но вероятность того, что ты снова все забудешь, возможно, это письмо поможет тебе найти обратную дорогу к нам. А теперь иди. Такси ждет.

Джеймс коснулся ее щеки, провел пальцем по подбородку и уронил руку. Он вышел из комнаты, оставляя позади Наталию, своих сыновей и, может быть, свои воспоминания.

* * *

Джеймс позвонил Джулиану сразу, как только самолет приземлился в Сан-Хосе. Звонок переключился на голосовую почту, поэтому Джеймс отсоединился и отправил сообщение: **Позвони мне.**

Наталии он тоже отправил сообщение. Она тут же ответила. Он был готов расцеловать свой телефон.

Мы в отеле «Сент-Реджис», плаваем и едим ланч с папой и Клэр.

Как дети? — спросил Джеймс.

Маркус – отлично. Гоняется за папой в бассейне. Джулиан ни с кем не разговаривает, но он здесь.

Наталия прикрепила к сообщению фото Джулиана в шезлонге с наушниками на голове, уткнувшегося в свой телефон. Это значило, что сын видел его сообщение. Джеймс проверил. Точно, сообщение было прочитано.

Пришло новое сообщение.

Я забыла сказать, что люблю тебя. Я люблю тебя.

Джеймс смотрел на сообщение. Эйми регулярно писала ему эти слова, и он всегда отвечал в том же духе, потому что любил ее больше всего и всех в своей жизни. Она была для него одной-единственной. Наталия была ему небезразлична, но, черт побери, он по-прежнему носил с собой помолвочное кольцо Эйми.

При этой мысли он почувствовал, что кольцо в кармане обжигает его, как будто платина расплавилась, напоминая о том, что оно все еще здесь. Больше шести месяцев он не расставался с ним, не брал с собой только в

душ, на пробежку и на море. Кольцо было при нем и прошлой ночью с Наталией. Какой мужчина так поступает?

Мужчина, который не готов забыть свое прошлое, это точно.

Большие пальцы рук застыли над клавиатурой телефона, и Джеймс наконец набрал сообщение, прежде чем сунуть телефон в карман.

Позвоню тебе вечером.

Джеймс взял такси. Он не хотел возвращаться в дом своих родителей, но до встречи с Томасом и Филом в ресторане было еще два часа. Джеймс вошел в душный дом через переднюю дверь, бросил свой чемодан и ручную кладь в прихожей и направился в кухню, чтобы выпить воды.

Он прошел через гостиную и уголком глаза заметил какое-то движение.

– Господи Иисусе. – Сердце Джеймса забилося в горле.

На кожаном диване развалился Томас со стаканом виски со льдом. Джеймсу незачем было нюхать напиток, чтобы понять, что это «Джонни Уокер».

– Я нашел непочатую бутылку в библиотеке. Думаю, она осталась от папы.

Тогда она простояла там довольно долго, их отец умер более семи лет назад.

– Какого черта ты тут делаешь? – «И как ты вошел?» Джеймс ведь поменял эти чертовы замки.

Томас лениво отхлебнул виски.

– Ты вспомнил хоть что-то о том дне в Мексике?

Серьезно? Так вот для чего все это?

– Кое-что.

– Это поможет мне?

– Сомневаюсь.

Томас присвистнул:

– Как неудачно.

Джеймс сделал несколько шагов вперед. С каждой секундой ему становилось неуютнее:

– Фернандо Руис за решеткой. Его картель больше не угрожает моей жизни, если вообще когда-то угрожал. К делу Управления по борьбе с наркотиками мне больше нечего добавить, потому что это дело закрыто. Какая теперь разница, помню я или нет?

Грудь Томаса поднялась от глубокого вдоха, потом он заговорил

медленно, подчеркивая каждое слово, повышая голос с каждой фразой:

– Я хочу знать, что произошло на той чертовой лодке и какую роль сыграл Фил. Потому что я хочу, чтобы Фил снова отправился в тюрьму. Я хочу, чтобы мама перестала с ним общаться. Я хочу, чтобы он убрался из нашей жизни.

По спине Джеймса пополз холодок.

– Где Фил?

Томас заглянул в свой стакан, покачал его.

– Томас! Где Фил?

Зазвонил телефон. Джеймс посмотрел на экран и увидел лицо Джулиана. Джеймс ответил на звонок, и его взгляд тут же метнулся к Томасу. В ту же секунду тот произнес:

– На Кауаи.

А Фил уже приветствовал его в трубке:

– Джимбо, давно не болтали.

Настоящее время

30 июня

«Боже, мы разминулись в воздухе».

Джеймс мерил шагами заднее крыльцо. Ему хотелось разразиться проклятиями, настолько он был отвратителен самому себе. Страх сжирал его заживо. Снова ошибка, как будто шесть с половиной лет в состоянии фуги не стали достаточным уроком. Джеймс снова сел в самолет, погнался за Филом через полмира, оставив своих любимых в тысячах километров, без защиты.

После нескольких звонков, которые сразу отправились на голосовую почту, и еще большего числа оставшихся без ответа сообщений, Джеймс наконец дозвонился до Наталии. Слава богу, она и мальчики были дома, а не в гостинице «Сент-Реджис», где, как показывало приложение «Найди мой телефон», оставался мобильник Джулиана.

– Как к Филу попал его телефон?

Джеймс услышал, как Наталия зовет Джулиана. Она вернулась к разговору через несколько секунд:

– Он говорит, что случайно оставил его в номере Клэр. Твоя мать отвела туда его и Маркуса, чтобы они приняли душ и переоделись. Мы

ужинали в ресторане отеля.

Но теперь они были дома. Слава богу.

– Ты хочешь, чтобы я съездила туда и забрала его?

– Нет! – воскликнул Джеймс, его сердце бешено стучало. – Определенно нет. И завтра туда не езди. Кстати, запри двери и окна. Обещай, что вы останетесь в доме, пока я не дам о себе знать. Не позволяй моей матери приезжать к вам. Скажи ей, что ты и мальчики будете весь день заняты. Я не хочу, чтобы она привезла с собой Фила.

– Кстати, почему он здесь? Что ему нужно от тебя?

– Я не знаю. – Джеймс обхватил себя за шею. – Он хотел встретиться со мной, как только узнал, что я жив.

– Это лишено смысла. Почему он просто не позвонил? И откуда он узнал о тебе? Ты говорил мне, что Томас ему об этом не рассказывал. Он не хотел, чтобы кто-то знал, как он смог обеспечить тебе безопасность в Мексике.

– Томас мне это и сказал.

– Ты ему веришь?

На обдумывание ответа Джеймсу потребовалась всего секунда.

– Нет. Нисколько.

– А могла твоя мать сказать Филу?

– Она отреклась от него. Насколько мне известно, они не общаются.

– Что ж, теперь общаются. – Наталия подтвердила очевидное.

Джеймс вздохнул.

– Единственное, чего может хотеть Фил, это месть. Как и я, он зол. Мы оба потеряли несколько лет, потому что я повел себя как идиот, когда пошел в тот бар, хотя он предостерегал меня от этого.

– Ты бы никогда не оказался в том баре, если бы Фил не злоупотребил своим положением в «Донато». Ты бы никогда не полетел в Мексику, если бы он не напал на Эйми. Да, ты зол, но в этом виноват Фил, а не ты.

– Я не позволю Филу снова причинить боль тем, кто для меня важен. Просто пообещай мне, что вы останетесь дома, пока я не дам знать о себе.

– Джеймс, человек, который только что вышел из тюрьмы и которого никто здесь не ждал, не собирается делать ничего такого, что отправит его обратно за решетку. И ни один человек, задумавший отомстить своим братьям, раз уж он их ненавидит, не побежит к своей мамочке, которая любит этих самых братьев.

Томас вышел к нему на крыльцо.

– Мне пора. Пожалуйста, пообещай мне, что вы останетесь дома.

– Обещаю. Будь осторожен, Джеймс. Я люблю тебя.

Джеймс знал, что она хочет услышать от него эти же слова, но он не мог сказать их, пока не мог.

– Увидимся завтра.

– Утром я первым делом забронировал для нас места на прямой рейс до Гауаи, – сказал Томас Джеймсу, когда тот закончил разговор. – Мы приземлимся в десять и будем в «Сент-Реджис» к одиннадцати, максимум к одиннадцати тридцати.

Джеймс постукал телефоном по деревянным перилам. Он прокрутил в голове свой разговор с Наталией. Ее вопросы были эхом его собственных. Томас убедил его, что Фил ненавидит своих братьев и разберется с Джеймсом, как только узнает, что тот жив. Томас не сомневался, что Фил пытался убить Джеймса. Но Филу это не удалось, и если Джеймс все вспомнит, то у Томаса будут улики, чтобы отправить Фила обратно в тюрьму.

Но если Фил хотел заставить Джеймса замолчать, зачем устраивать встречу? Почему просто не появиться у него на пороге?

– Что происходит, Томас? Что ему нужно?

– Ответ на этот вопрос находится в твоей голове. Но если ты спрашиваешь меня, то Фил собирается предпринять все возможное, чтобы не вернуться обратно в тюрьму, даже если для этого придется запугать тебя и твою семью. Ладно, давай немного поспим. Завтра мы с ним разберемся. Сейчас ничего с этим поделать нельзя.

Джеймс посмотрел вслед Томасу, который пошел в дом. Он не был уверен в том, что согласен с братом по поводу угроз или попытки убийства. Возможно, это инстинкт, но были еще слова Наталии. *Что за мужчина побежит к своей мамочке?*

Определенно не тот, кто намерен мстить.

* * *

Джеймс раскачивался вперед и назад. Мир вокруг него качался, в воздухе пахло соленой водой, гниющей рыбой и засохшей кровью. Нос пульсировал, глазам было так больно, что Джеймс не мог их открыть.

Хриплый голос прошептал ему на ухо:

– Джеймс, просыпайся.

Кто-то потряс Джеймса за плечо. Он застонал. Мотор взревел громче. Звук завибрировал в костях. До слуха доносился плеск воды. Волосы у Джеймса были мокрыми, одежда тоже.

– Мы почти на месте, – снова раздался бестелесный голос. – Просыпайся. Приготовься. Они собираются заставить меня убить тебя. Тебе надо будет прыгнуть, когда я скажу, и плыть изо всех сил, потому что от этого зависит твоя чертова жизнь. Давай, Джеймс. Просыпайся... твою мать... просыпайся. – Новый толчок в плечо. – Подумай об Эйми. Представь, что я лежу на ней.

Джеймс застонал. Ему казалось, что он заревел. Кровь закипела от ярости.

– Ага, подействовало. Теперь просыпайся, вставай и разозлись как следует. Только так ты сможешь выжить.

– Скажи ему, чтобы он встал, – донесся до него другой голос, еще более хриплый.

– Я говорю, Сал.

Фил.

– Вставай. – Нога, обутая в сапог, ткнула Джеймса в бок. Сал, один из представителей картеля, который был в том баре.

Джеймс заворчал. Он открыл глаза и попытался подняться, держась за канат. Боль пронзила руку, и Джеймс рухнул на колени. Чьи-то руки подхватили его и поставили на ноги. Он покачнулся и схватился за борт лодки. Лодка качалась на волнах. Желудок болтался между ребрами, как гамак. Джеймс сделал несколько глубоких вдохов, чтобы его не вырвало, потом поднял глаза и уперся взглядом прямо в дуло ружья, которое держал его старший брат.

– Да пошел ты... – сплюнул Джеймс.

– Не-а, братишка. Туда пойдет твоя невеста, когда я ею займусь.

Сал посмотрел на часы:

– Мы опаздываем. Пристрели его, и отваливаем.

Сердце Джеймса застучало в горле. Ружье покачнулось. Взгляд Джеймса поднялся вверх по руке, держащей оружие, и встретился со взглядом брата, которого на людях нельзя было называть братом. Что-то промелькнуло в глазах Фила. Лицо исказила быстрая эмоция. В ту секунду, когда Джеймс понял, что это сожаление, губы Фила шевельнулись и произнесли одно слово. «Плыви».

– Давай уже. – Сал схватился за ружье. Оно выстрелило.

Джеймс не стал раздумывать. Он перевалился через борт спиной вперед и упал в глубокую голубую воду. Мимо пролетали пули, оставляя длинные сердитые следы на воде. Одна впилась ему в бедро, и он дернулся. Боль была сильнее, чем от кожаного отцовского ремня.

Ремень ударил еще раз и еще, потом рука крепко схватила его за

волосы и развернула голову назад. Вместо лица Фила, искаженного сожалениями, Джеймс смотрел в покрытое пятнами, потное лицо своего отца, Эдгара Донато. Этот человек любил свою жену вопреки унижению и стыду, которые она навлекла на всю семью. Он не ушел от нее еще и потому, что ему нравилось солидное положение в «Донато Энтерпрайзес» и наследство, которое получают его сыновья.

– Что ты ей сказал? – крикнул он в лицо Джеймсу.

Он говорил об Эйми, девочке, с которой Джеймс познакомился днем. Губа у Джеймса все еще была опухшей и болела после того, как он пропустил удар этого придурка Робби. Но теперь, когда Джеймс полулежал на отцовском столе со спущенными до щиколоток штанами, боль внизу спины перекрыла боль разбитой губы.

– Я ничего ей не сказал, клянусь.

– Я тебе не верю. – *Шлеп.* – Не выношу лжецов, а я вижу, что ты мне лжешь. – *Шлеп.*

Удар ремня отозвался в позвоночнике, зубы завибрировали.

Джеймс не мог больше терпеть. Задница у него горела огнем, и он уже потерял счет ударам. Он гадал, насколько глубокими будут рубцы на этот раз. Джеймс определенно чувствовал запах крови.

Ремень коснулся поврежденной кожи, и Джеймс всхлипнул.

– Ой! Хватит. Хо... хорошо. – Он подавился криком. Он скажет отцу что угодно, только бы прекратить истязание. – Она спросила, сколько у меня братьев. Я показал ей два пальца. Я не хотел. Это была случайность. Потом я сказал ей, что у меня один брат. Честное слово, сэр. Я сказал ей, что у меня только один брат.

Отец занес руку с кожаным ремнем. Джеймс зажмурился и собрался с духом. Он подумал, может ли человек потерять сознание от боли. Господь свидетель, он больше не вынесет. Он услышал свист ремня прежде, чем почувствовал его. От удара Джеймс упал на колени.

– Прекрати! Прекрати его бить.

Джеймс посмотрел вверх. Фил стоял над ним и смотрел в лицо Эдгару.

– Мы *братья*, нравится тебе это или нет. И мы всегда будем братьями. Ненавидишь ты меня. Вот меня и бей.

Отец Джеймса отшвырнул ремень в сторону.

– Ты мне отвратителен. Убирайтесь с моих глаз. Оба.

Фил нагнулся, чтобы помочь Джеймсу встать, но тот оттолкнул его руку. Следовало бы поблагодарить брата, но Джеймс чувствовал только унижение. Он сам поднялся на ноги и натянул штаны. Господи, как же ему хотелось, чтобы он никогда не заставлял маму с дядей Грантом. Он

ненавидел их и ненавидел Филадельфия. Из-за него отец наказывал их с Томасом. Зачем Филадельфию понадобилось искать свое свидетельство о рождении и находить доказательства? Из-за Филадельфия они переехали в Калифорнию. Из-за Филадельфия отец избил Джеймса. Во всем был виноват Филадельфия.

– Ты мне *не* брат, – сказал ему Джеймс. – Держись от меня подальше.

«Держись от меня подальше».

– Проснитесь, сэр.

«Держись от меня подальше».

– Просыпайтесь!

Джеймс вздрогнул и проснулся. Он заморгал и поднял глаза на женщину, которую никогда раньше не видел. Он не узнавал ни ее, ни то, что его окружало.

– Кто вы? – задыхаясь, спросил он.

Она нахмурилась.

– Где я?

Глава 30

Карлос

Семь месяцев назад

29 ноября

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

«Как можно хоть кому-то доверять, если ты не доверяешь себе?»

Вопрос Карлы преследовал меня два дня.

Когда я впервые узнал правду о своем состоянии, я ни минуты не сомневался в том, что всегда буду Карлосом. Я уже девятнадцать месяцев был в состоянии фуги, когда появилась Эйми. Правда заключалась в том, что я отрицал свое состояние. Я еще не осознал серьезность своего положения.

Проходили дни и месяцы, и, словно туман над океаном на восходе солнца, исчезала уверенность. После отключения сознания и разговора Наталии с доктором Файнштейн, стало ясно, что мой мозг постепенно выздоравливает. Вопрос был не в том, выйду ли я из состояния фуги, а в том, когда, как и где это случится.

Неизвестность пугала меня.

Я верил, что Наталия вырастит моих сыновей. Она обеспечит им безопасность и воспитает вдали от семьи Донато, если, спаси господи, Джеймс – вернее, я – не захочет взять на себя ответственность.

Я верил, что Джулиан присмотрит за своим братом. И верил, что в своей бунтарской, предподростковой манере он не только поможет мне снова осознать отцовство, но и сделает так, что я снова захочу стать отцом. И в этом поможет его тетя.

С того дня, когда я очнулся в больнице, я мало чему верил, кроме своего искусства. И я не верил никому, кроме своих сыновей и Наталии.

«Ты тот же человек, – снова и снова повторяла мне Наталия. – То же самое тело, то же самое сердце... Та же душа».

Головные боли перестали реагировать на лекарство. Как заметила

Карла, они стали чаще и сильнее. То же самое происходило и с ночными кошмарами. От них мой желудок завязывался в узел, а сердце трепыхалось почти до самого утра.

Мне пора было рискнуть. Пора было поверить в себя. Пришло время поверить в то, что человек, которым я стану, будет поступать правильно.

Я открыл сейф, который купил специально. В него я положил свое свидетельство о браке, свидетельство о смерти Ракели и свидетельства о рождении сыновей. Потом добавил диск с медицинскими заключениями и результатами обследований, ключи, пароли к моему ноутбуку, компьютерам в галерее и аккаунтам в Интернете, несколько флешек с другими важными документами, а также дневниковые записи. Я сложил в сейф все, что могло мне помочь понять, кто я, как попал в Мексику, как жил и кого любил. Квинтэссенцией последнего был один из моих самых любимых снимков: Наталия рука об руку с мальчиками на фоне пляжа Сикатела.

Наконец я написал письмо и адресовал его Джеймсу. Незаклеенный конверт и помолвочное кольцо Эйми я положил сверху. Потом с тяжелым сердцем и с молитвой я закрыл крышку, установил код – дата рождения Джулиана – и отправился на поиски своего старшего сына.

Мне надо было рассказать ему свою историю. Я должен был объяснить ему, как себя вести, когда я забуду, что я его отец. И мне придется рассказать, как научить меня снова быть отцом.

* * *

Наталия ждала меня за домом. Она сидела на невысокой кирпичной стене лицом к океану, подняв голову к ночному небу. На чернильном холсте сверкали звезды, особенно яркие при молодой луне. Бриз, налетавший с воды, поднимал ее волосы, буйную шевелюру, в которой мне хотелось затеряться. Я залюбовался ею, впитывал каждый изгиб, чтобы не забыть ни одной детали, когда буду описывать свой день. Нат все еще была в бикини после послеполуденного пребывания на мексиканском солнце. Бирюзовые завязки выглядывали из-под белого льняного пляжного халата, обнимая ее шею, словно руки любовника.

Я подумал о нашем будущем, гадая, сколько раз я еще смогу посмотреть на нее *своими* глазами. Увижу ли я ее снова? Она собиралась завтра улететь домой, чтобы до рождественских каникул завершить проекты этого года.

Нахлынувшие эмоции подтолкнули меня к ней. Почувствовав мое

присутствие, Наталия повернулась ко мне и улыбнулась. Ее пальцы сплелись с моими.

– Как все прошло?

Ветер ударил меня в спину, взъерошил ей волосы. Я поймал завитки, прилипшие к ее влажным губам, и убрал их за ухо, позволив своим пальцам задержаться на изящной линии ее шеи. Мой взгляд скользил следом за пальцами, когда они опустились к впадине ключицы и пробежались по округлостям ее груди.

– Он подавлен, – ответил я. Джулиан плакал, я тоже плакал. Я оставался с ним, пока он не уснул беспокойным сном.

– У него появятся вопросы, когда он все осознает. – Наталия раздвинула колени, чтобы я встал между ними.

– Я отвечу на любой его вопрос. – Я легко поцеловал ее в лоб, и ее пальцы нажали на мои бедра, прижимая меня. – Я люблю тебя, Нат.

– Я тоже люблю тебя, Карлос. И всегда буду любить тебя, любого тебя.

У меня защипало глаза. Лицо напряглось, когда я попытался сдержать эмоции, еще не остывшие после долгого разговора с Джулианом. Прижав руку Наталии к сердцу, я прошептал у самых ее губ «то же сердце» и поцеловал ее. Между поцелуями я рассказал ей о тех вещах, которые положил в сейф.

– Я написал самому себе два письма. Одно я положил в сейф, другое отправил по почте тебе.

– Мне?

– Не вскрывай его. Сохрани для Джеймса.

У Наталии перехватило дыхание, и она напряглась под моими блуждающими руками.

– Что в нем написано?

Я поцеловал ее в шею, ощутил соленый вкус ее кожи и произнес молитву о том, чтобы, в конце концов, у нас двоих и у моих сыновей все получилось.

– В нем написано, – начал я, развязывая тесемки ее бикини, – «Дорогой Джеймс...»

Я пересказывал то, что написал в письме, и любил ее, надеясь, что это не в последний раз.

Глава 31

Джеймс

Настоящее время

30 июня

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Томас выглянул из-за стюардессы, склонившейся над Джеймсом.

– Страшный сон? Ты побеспокоил других пассажиров.

Стюардесса положила руку ему на плечо:

– Хотите кофе?

Джеймс расправил мятую рубашку и выпрямился в кресле.

– Да, это было бы замечательно. – Он почти не спал предыдущую ночь и вырубился, как только самолет взлетел.

Томас показал Джеймсу свой пустой стакан из-под «коровой Мэри».

– Пойду за добавкой. – Брат прошел в начало салона первого класса, оставив Джеймса приходить в себя после дезориентации.

Руки у него дрожали, пульс частил. Этот кошмар был тяжелым. Он долгие годы не вспоминал о своем отце и встречах с ремнем. Хорошо забытые воспоминания, подумал Джеймс, пытаюсь найти в ручной клади свой телефон. Пальцы нащупали конверт, который Наталия дала ему перед отъездом.

На конверте было написано его имя. Странно, что почерк Карлоса отличался от почерка Джеймса, хотя, впрочем, этого следовало ожидать. У них был разный стиль и в живописи. Края конверта потерлись, как будто его хранили в ящике с другими вещами. Или, возможно, Наталия много раз брала его в руки, гадая, представится ли ей возможность отдать конверт Джеймсу.

Он разорвал конверт и развернул лист бумаги. Наверху была эмблема «Эль-Студио дель Пинтор», художественной галереи, которую он продал в Пуэрто-Эскондидо. На бумаге было аккуратно выведено именно то, о чем говорила Наталия. Это было письмо *ему от него*. Пока Джеймс читал, его

руки продолжали дрожать, а сердце устремилось к тому, кто в какой-то момент понял, что его время подходит к концу.

Дорогой Джеймс!

Когда ты вышел из состояния фуги и понял, что потерял больше, чем годы воспоминаний, ты наверняка разозлился на мир и возненавидел своих братьев. Ты любил Эйми и, вероятно, ненавидишь меня. Я тот парень, который отказался от лечения. Я не хотел вспоминать, кем я был, потому что для этого нужно было забыть, кем я стал. Но я медленно начинаю принимать то, что скорее всего я выйду из фуги и снова стану тобой. Я наконец понял, что есть нечто большее, чем ненависть к самому себе и стыд за то, что не смог защитить Эйми от Фила. Есть что-то еще в твоём прошлом, потому что я часто вижу это в ночных кошмарах. Должно быть, это и объясняет, почему фуга продлилась так долго.

Я настаиваю, чтобы ты разобрался с прошлыми ошибками, простил тех, кто сделал тебе больно, и обрел мир внутри себя. Пойми, что, несмотря на потери, выиграл ты намного больше: у тебя два невероятных и талантливых сына, женщина, которая годами была рядом с тобой и любит тебя больше всего на свете, свобода выражения в творчестве. Может быть, ты уже это сделал. И, может быть, ты уже нашел дорогу домой. В конце концов, ты же читаешь это письмо.

К.

* * *

Джеймс вставил в прорезь ключ, который мать оставила ему у администратора. Замок щелкнул, и он открыл дверь в апартаменты Клэр.

Фил расположился на диване, положив руку на спинку. На брате была персиковая рубашка с гавайским рисунком, белые шорты и шлепанцы. Фила, всегда самого высокого и стройного среди них троих, заметно изменила тюрьма. Глубокие морщины прорезали лицо, редко видевшее солнце. Он прибавил в весе, обзавелся брюшком, а волос на голове стало меньше. В тех, что остались, появилась седина. Он потягивал желтый коктейль со сливками и голубым бумажным зонтиком и улыбнулся, когда увидел братьев.

Джеймс не знал, каких ощущений он, собственно, ждал от встречи с Филом. Ярость, охватившая его, когда он увидел старшего брата лежащим на Эйми, была логичной. Как был бы логичным и ужас, леденивший Джеймсу кровь, когда Фил направил на него ружье и приказал плыть. Слава богу, Джеймс еще со времен колледжа пробегал марафонскую дистанцию и тренировался для триатлона. Иначе он никогда ни за что не выжил бы. Он понял бы и враждебность. Из-за того, кем и чем был Фил, отец не раз устраивал ему порку. Эдгар Донато с успехом вбивал враждебность к Филу в Джеймса и Томаса.

Но угрызений совести Джеймс точно не ожидал. Фил не просил, чтобы его родили, и хотел лишь одного: чтобы его уважали и считали членом семьи. Он не раз пытался взять на себя роль старшего брата, а Джеймс насмеялся над ним. Чем меньше он взаимодействовал с Филом, тем меньше было шансов совершить ошибку и думать о нем как о брате. Это избавляло задницу от рубцов.

Фил, каким он стал теперь, это результат того, что с ним сделала семья. Все лишнее – гнев, склонность к насилию и злоба – это доспехи, которые он носил, чтобы не только выжить в этой семье, но и ясно и громко заявить о том, что он о них думает.

– *Hola, amigos*^[29]. – Фил поднял свой стакан и погрозил Джеймсу пальцем. – Ты точно понял, что я сказал. Я слышал, ты провел шесть лет в Мексике. И знаю, что тебе там понравилось. Но если говорить серьезно, то это слишком долго.

– Чего ты хочешь, Фил? – требовательно спросил Томас, опередив Джеймса.

– Чего я хочу? – Фил посмотрел на них обоих. Он медленно сделал глоток и поглубже уселся на диване. – От тебя – ничего. – Его глаза сузились, когда он посмотрел на Джеймса.

– Тогда зачем ты заставил нас приехать сюда?

– Это не он. Это я. – Клэр вошла в номер, словно царственный матриарх, которым она и была.

– Добро пожаловать на семейную психотерапию в стиле Донато, – осклабился Фил. – Это большое долбаное воссоединение семьи.

– Заткнись, Филипп. – Клэр в ворохе разноцветного шелка села на диван напротив него. Она пригладила тунику на ногах. – Доктор Брэкмен будет здесь через тридцать минут. Он – семейный психотерапевт с отличными рекомендациями. Он прилетел сегодня утром по моей просьбе.

– Да ты, черт побери, шутишь? – Томас сорвал пиджак и бросил его на спинку кресла. Его слова и тон точно отражали чувства Джеймса. Томас

закатал рукава сорочки и направился к бару. Пиджак соскользнул на пол.

– Томас, следи за своими выражениями. – Клэр поправила декоративные подушки у себя за спиной. – Ваш отец умер более семи лет назад, Господь упокой его душу, и с тех пор мы ни разу не собирались всей семьей. Я была не в восторге от его позиции по многим вопросам и от его методов воспитания. Нам необходимо это обсудить. Прошла целая вечность с тех пор, как мы разговаривали.

– Вечность – это слишком мало. – Томас налил себе скотч, выпил и снова наполнил стакан. Потом поднял бутылку и бровь, глядя на Джеймса.

– Нет, спасибо. – Джеймс поднял пиджак Томаса. Из кармана выпал бумажник. Джеймс положил пиджак на спинку кресла и отошел с бумажником к окну.

– Я должна кое-что сказать, Томас, и ты меня выслушаешь, – это был приказ матери. – Я никогда не была согласна с тем, как ваш отец обращался с Филом. Он ваш брат. Но я любила вашего с Джеймсом отца так же сильно, как любила твоего отца, Фил. Я обожала брата, он стал для меня идолом, как вы, должно быть, знаете. Когда я росла, он учился сначала в пансионе, потом уехал в колледж. Когда он вернулся домой, между нами пробежала искра. Мы оба почувствовали...

– Боже, мама, прекрати! – Томас рубанул рукой воздух. – Я не думаю, что кто-то из нас хочет это слышать. Я точно не хочу. Я хочу знать вот что: где ты, черт возьми, была, когда отец нас бил?

За спиной у Джеймса Томас продолжал сыпать вопросами, а мать жаловалась. Почему ее сыновья не могут поладить? Почему они продолжают причинять друг другу боль?

Потому что слишком много всего было в прошлом. Их никогда не учили относиться друг к другу с уважением. Их учили прямо противоположному.

Джеймс открыл бумажник Томаса, в котором оказалось удостоверение сотрудника Управления по борьбе с наркотиками. Почему его это не удивило? Для Томаса это идеальное положение. Прятаться у всех на виду, как однажды он сказал Карлосу.

За окном раскинулся полумесяц бухты Ханалеи. Люди усеяли пляж, напоминая брызги желтой краски на белом песке. Хотя ему не было видно, Джеймс знал, что в дальнем конце бухты стоит дом Наталии, спрятанный за пальмами. Она там, с его сыновьями, они его ждут.

Джеймсу больше всего на свете хотелось быть с ними, особенно теперь, когда нарастало напряжение между братьями и матерью. Их голоса зазвучали громче, каждый пытался перекричать другого. Джеймс понимал,

что они должны все принять и двигаться дальше, оставив позади то, как они общались друг с другом раньше. Но в настоящий момент у него в приоритете сыновья. Он хотел построить для них жизнь здесь, на Гавайи. Ему хотелось узнать женщину, которая оставалась с ним рядом, даже зная, что однажды он забудет ее. Они – его *охана*.

Но на сердце было тяжело, и Джеймс все еще не был уверен, что сможет ответить Наталии такой же любовью, какую она давала ему, ничего не требуя взамен. Джеймс думал о том, достоин ли он еще одного шанса со своими сыновьями после всего того, через что им пришлось пройти из-за него. За прошедшие годы он совершил слишком много ошибок.

Одной рукой он потер натянутые мышцы плеча, другую опустил в карман. Кончик пальца наткнулся на помолвочное кольцо Эйми. Джеймс поднес бриллиант к свету. В платиновой полоске искаженно отразилась комната за его спиной. Пока Джеймс смотрел, как Томас ругается с Филом и с матерью, все прояснилось.

Если бы на прошлой неделе Эйми сказала, что она хочет выдвинуть обвинения против Фила, Джеймс сделал бы все, что было в его силах, чтобы брата настигло правосудие, которого он заслуживал. Джеймс и сейчас сделал бы это. Но Эйми простила его за то, как он повел себя в той ситуации. Она оставила это позади.

Как ему сделать то же самое? Он принял слишком много решений, о которых теперь сожалел. В юности он ненавидел Фила, хотя ему следовало любить своего брата. Долгие годы лгал Эйми. Не доверил Томасу решить проблему с Филом. И отправился за Филом в Мексику. Это была самая большая ошибка. Та, которая стоило ему всего, та, о которой Джеймс никогда не сможет забыть.

Он не был уверен, что сможет принять эти ошибки, и это заставило его вспомнить письмо Карлоса. Слова побежали у него в голове, и между строчками Джеймс нашел ответ. Если ему нужно простить других, чтобы двигаться дальше, то для начала нужно простить самого себя.

– Он практически обанкротил «Донато» и пытался убить Джеймса, – кричал Томас матери. – И ты ждешь, чтобы я вел себя так, будто ничего не случилось?

– Что сделано, то сделано. Мы уже потеряли слишком много, – взмолилась Клэр.

– Я спас Джеймса, – произнес Фил в свое оправдание.

– Чушь собачья!

– Он прав.

Три пары глаз уставились на Джеймса. Фил широко улыбнулся. Томас

поперхнулся.

– Ты вспомнил.

– В последнее время я вспоминал какие-то отрывки. Да, я помню. – Джеймс сжал в кулаке кольцо. – Я жив, потому что Фил предупредил меня и сказал, когда прыгать. В лодке был еще один парень. Он-то и стрелял в меня.

Лицо Томаса исказило разочарование. Подбоченившись, он уставился на лохматый белый ковер.

– Ты абсолютно уверен, что это был не Фил? – спросил Томас после долгого молчания. – А как насчет той комнаты в баре? Ты слышал или видел что-нибудь?

– Я не видел и не слышал ничего такого, что могло бы помочь твоему расследованию, если ты спрашиваешь об этом. Они надели мне на голову мешок и превратили меня в боксерскую грушу, задавая вопросы о расследовании, о котором я почти ничего не знал. Я не представлял для них никакого интереса. Поэтому они меня выбросили.

Плечи Томаса поникли, его лицо превратилось в маску скорби. Ему незачем было прятать Джеймса.

– Но я стал свидетелем кое-чего важного.

Томас поднял голову, на лице появилось выражение ожидания, почти нетерпения.

Джеймс посмотрел на Филадельфию.

– Рискую собственной жизнью, мой старший брат спас меня. Почему, Фил? Почему ты не пристрелил меня?

Фил облизал губы. Его глаза метнулись к матери, потом вернулись к Джеймсу.

– Я не мог этого сделать. Ты мой брат. – Фил посмотрел на Томаса и Джеймса, потом встретился взглядом с матерью. – С тех пор как я узнал, что ты моя мать, я просто хотел быть твоим сыном. – Клэр негромко ахнула, и Фил повернулся к Томасу: – Да, я разорил «Донатто Энтерпрайзес», но я никогда не хотел, чтобы кого-то убивали. Мне только хотелось, чтобы ты почувствовал ту же потерю, какую почувствовал я, когда не унаследовал компанию своего отца. Джеймс, я клянусь, – сказал Фил, снова глядя на Джеймса, – когда-нибудь я возьму тебе все. Я даже извинюсь перед Эйми. – Дрожащей рукой он поставил свой стакан на стол. Это был первый признак уязвимости, который заметил Джеймс с тех пор, как Фил увидел своих родителей в сарае для дров.

Пальцы Филадельфии сжались в кулак, и его лицо снова скрылось под обычной маской. Он вытянул руку в сторону и театрально поклонился.

– Это, леди и джентльмены, и есть то, что я называю прогрессом в отношениях. Мама, твой психотерапевт будет доволен. – Фил посмотрел в глаза Джеймсу, и его взгляд был искренним. – Спасибо за то, что вспомнил.

Джеймс пересек комнату и отдал Томасу бумажник. Их взгляды встретились, и они поняли друг друга. Джеймс будет хранить секрет старшего брата. Если Джеймс рос, желая стать художником, то Томас всегда хотел быть агентом. По крайней мере, Томас придумал способ совмещать работу в Управлении по борьбе с наркотиками и следить за делами «Донато Энтерпрайзес». Потом Джеймс положил на кофейный столик помолвочное кольцо Эйми. Клэр ахнула:

– Это кольцо ты подарил Эйми? Она никогда не была тебя достойна.

– Нет, мама, – ответил Джеймс, направляясь к двери. – Это я не был достоин ее. Но я пытаюсь стать лучше.

Клэр повернулась к нему:

– Куда ты идешь?

– Домой, к своей семье. Ах да, и еще одно. – Джеймс щелкнул пальцами, когда подошел к двери, потом указал на Фила. – Прошу прощения за то, как я обращался с тобой, когда мы были детьми. Но если ты посмеешь позвонить или написать Эйми, зайти в ее кафе, или появиться одновременно с ней в одном и том же долбаном продуктовом магазине, или хотя бы произнести ее имя, я подам на блюде твои яйца местному полицейскому управлению.

Возможно, он так и сделает после того, как обсудит это с Эйми.

Джеймс тихо закрыл за собой дверь, направляясь к выходу из отеля и оставляя позади всех тех сумасшедших, которые составляли семью Донато.

* * *

Джеймс остановился возле торгового центра в Принсвилле. Он сфотографировал в витрине табличку о сдаче в аренду пустующего торгового помещения, потом зашел в магазин художественных принадлежностей и купил много всего, включая очень большой холст. Позже он закажет еще. И разузнает все о местных школах и возьмет документы для регистрации.

К дому Наталии он подъехал уже ближе к вечеру. Джеймс позвонил заранее, и они ждали его на подъездной дорожке. Марк рванул к отцу, прежде чем он вышел из такси. Джеймс обнял сына крепко-крепко.

Водитель такси открыл багажник с покупками Джеймса.

- Вау! – Марк выскользнул из отцовских рук.
- Это зачем? – спросила Наталия, когда он выгрузил холст.
- Я должен написать закат.

Она поймала его взгляд, потянула себя за кончики волос, и глаза у нее увлажнились.

– Правда?

– Правда. – Джеймс притянул ее к себе и крепко поцеловал, удивленный тем, как успел соскучиться по ней за такое короткое время.

Он поднял голову. Ему хотелось посмотреть на женщину, которая повела себя совершенно невероятно. Ее лицо застыло от эмоций, и она легонько ткнула его в плечо.

– Черт, ты заставил меня плакать.

– Тогда, может быть, мне не стоит писать закат?

– О нет! Ты напишешь мне закат. Я ждала этого годами, и я не отпущу тебя, пока ты не закончишь.

– А что, если я не собираюсь никуда уезжать?

Удивление на ее лице было почти комичным, а потом она расплакалась. Ее эмоции глубоко тронули Джеймса, и у него самого перехватило дыхание.

– Иди сюда, Нат.

Он притянул ее к себе, и она крепко обняла его.

Через ее плечо Джеймс увидел Джулиана, который опасливо наблюдал за ними.

– Дай мне секунду, – шепнул Джеймс на ухо Наталии.

Джулиан медленно кидал баскетбольный мяч и не спешил подходить ближе. Джеймс наблюдал за старшим сыном и его внутренней борьбой. Был ли отец честен, когда говорил, что никогда не оставит его?

Джеймс сообразил, что не стоит давить на Джулиана. Он попросил Марка взять большой холст. Тот закачался от его тяжести, и Наталия захихикала. Джеймс подошел к Джулиану и раскрыл объятия:

– Иди сюда, сын.

Джулиан сделал шаг, бросил мяч, поймал, потом сделал еще один шаг. Его крепко сжатые губы задрожали, когда он наконец отшвырнул мяч в сторону и пошел к Джеймсу.

– Я люблю тебя, папа.

Эпилог

Клэр

Шесть месяцев назад

17 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Клэр Донато устала от давящей жары Пуэрто-Эскондидо и бесконечной вереницы муравьев, марширующих вверх по стенам ее дома. Она устала от солнечных ожогов и песка, который всегда оказывался в самых неподходящих местах. Она устала от того, что внуки называют ее сеньора Карла. Какое ужасное имя. Она и сама не знала, почему его выбрала. Это была импровизация. Клэр не собиралась общаться с сыном и внуками. Ей хотелось только понаблюдать, увидеть собственными глазами то, в чем наконец-то признался Томас. Ее младший сын был жив, но ради его безопасности ему надо было прятаться у всех на виду. «Не подходи к ним, не общайся», – говорил ей Томас, как будто сам был агентом ФБР.

Что ж, она поддерживала игру Томаса достаточно долго. Клэр устала от вранья, это внушало ей отвращение. Ее сын Джеймс – хотя он пока еще не знал, что он ее сын, потому что жил под смешным именем Карлос – вернул в ее жизнь живопись. Самое малое, что могла сделать хорошая мать, это оказать ответную услугу. Пришла пора вернуть Джеймса домой.

Клэр проконсультировалась со специалистом, и тот сказал, что Джеймсу нужно встретиться со стрессором, который спровоцировал состояние фуги. Если Томас был прав, то Фил был для Джеймса стрессором. Джеймсу нужно было встретиться со своим братом, потому что гипноз не сработал. Клэр говорила Томасу, что гипноз не поможет, но тот ей не поверил. Из-за его идиотского плана она могла вообще больше никогда не увидеть своих внуков. Карлос не доверял семье Клэр. Он хотел, чтобы Наталия усыновила его детей. Клэр не могла этого допустить. Никогда.

Она включила ноутбук, запустила скайп и ответила на звонок из

мужской колонии в Калифорнии. Она ненавидела эти звонки, заранее оговоренные и ограниченные по времени. Но она мать. И ей важны все сыновья. Ей только хотелось, чтобы все они поладили.

Когда соединение было установлено, она поздоровалась с Филом, потом извинилась и ненадолго вышла из комнаты. Ей нужно было выпить воды. В Пуэрто-Эскондидо ужасно жарко, и у нее пересохло в горле.

Но в кухню Клэр не пошла. Вместо этого она притаилась в коридоре и ждала, когда придет Карлос. Она позвонила ему несколько минут назад и пожаловалась на то, что плохо работает Wi-Fi. Она сказала, что ей нужна его помощь.

Да, это была ложь, но она лгала ради благополучия своей семьи. Джеймс потом еще скажет ей «спасибо».

Эпилог

Карлос

Шесть месяцев назад

17 декабря

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

Карлос вошел через стеклянную раздвижную дверь.

– Сеньора Карла! – позвал он.

Негромко играла классическая музыка. Вазы со свежими цветами с местного рынка украшали комнату и отдавали свой аромат искусственно охлажденному воздуху, к которому примешивался слабый химический запах красок. Карла, видимо, недавно работала над картиной.

– Карла! – снова позвал Джеймс. Он услышал приглушенный шум в соседней комнате, как будто карандаш постукивал по письменному столу.

Джеймс прошел на звук через гостиную в кабинет. Карлы там не было, но ее ноутбук работал. Джеймс быстро проверил Wi-Fi, потом оставил Карле записку. Он уже опаздывал на встречу с новым клиентом. Мэр заказал картину для городской ратуши.

Карлос поводил «мышкой» и понял, что скайп открыт на текущем звонке. На экране появился мужчина в оранжевом комбинезоне, он сидел, откинувшись на спинку кресла и положив ногу на стол. Он смотрел в потолок, пальцы барабанили по подлокотнику.

Где же Карла? Она не могла уйти далеко, раз видеосвязь не была прервана. Судя по всему, она заставил свой Wi-Fi работать и без помощи Джеймса. Может быть, мужчина с экрана знает, куда ушла Карла.

– *Hola!*^[30] – сказал Джеймс.

Звонивший опустил подбородок и прищурился, глядя на экран. Потом ошеломленно нахмурился. Потом его рот приоткрылся.

– Джеймс?

Карлос отпрянул назад. Он вдруг ощутил странную пустоту в желудке, как будто кто-то вытащил затычку из раковины.

Мужчина в оранжевом комбинезоне с громким стуком опустил ногу на пол, нагнулся вперед, его лицо и плечи заполнили экран. Он радостно воскликнул:

– Это действительно ты!

Взгляд Карлоса зацепился за фамилию, напечатанную на комбинезоне мужчины. Донато, Ф.

Фил.

Имя взорвалось в голове Карлоса. Ужас, горький и токсичный, заполнил пустоту в его внутренностях.

Фил присвистнул, шлепнул ладонью по столешнице. Его изображение на экране покачнулось, сцепленные ладони прикрыли нос и рот.

– Ты жив. Ты жив, черт подери.

Карлос подвигал челюстью. Его руки сжались в кулаки, страх превратился в ярость, которую он не мог понять. Боль вонзилась в голову, лишая равновесия. В глазах заплясали искры.

– Томас, сукин ты сын. – Фил как будто обращался к самому себе. Он ткнул пальцем в экран. – Он сказал, что ты мертв. Иисусе, это же чудо, что ты выжил, ведь мы были так далеко от берега. Ах, черт, я велел тебе прыгать, но думал, что это конец. У тебя была каша вместо лица. Они тебя здорово обработали. Сал, этот хрен, который был с нами в лодке, он взял мое ружье. Он выстрелил в тебя, парень. Он выстрелил в тебя!

Фил продолжал молоть какой-то вздор, он даже вскочил с кресла, чтобы ближе нагнуться к экрану. Глаза Карлоса выпучились, боль в них была нестерпимой. Он покачнулся.

Фил ударил себя в грудь.

– Я не собирался стрелять. Я не думал тебя убивать. Ни в коем случае, парень. Пусть ты всю нашу жизнь и обращался со мной, как с дерьмом, я бы никогда не убил тебя. Братья так не поступают. Я велел тебе плыть. Я подсказал, когда тебе нужно прыгнуть. Я спас твою задницу, я спас тебя. Сал бы тебя убил. Но не я. Я не мог нажать на спусковой крючок. Я просто не мог. – Брызги слюны летели на экран, придавая его губам неестественный блеск. Он плюхнулся обратно в кресло и испустил вздох. – И потом мама надрала бы мне задницу, если бы я причинил тебе вред, особенно после того, что я проделал с Эйми. Да, чувак, моя ошибка. Но, блин, вся семья меня доводила. Я устал от того, что вы, ребята, обращались со мной, как с дерьмом. Ты же меня понимаешь, правда?

Тошнота заклокотала у Карлоса внутри. Он согнулся в поясе, уперся руками в бедра, начал размеренно дышать и задохнулся.

– Рад видеть тебя, парень, – говорил между тем Фил. – Правда, правда,

рад.

Карлос поднял голову и из своего полусогнутого положения свирепо уставился на ноутбук. Фил, прищурившись, взгляделся в крошечную камеру.

– Ты выглядишь иначе. Тебе поправили лицо, пластическая хирургия, как у гонщика Икс в «Спиди-гонщике». Черт, у тебя вместо лица была каша, когда я видел тебя в последний раз. Глаз почти закрылся. Как ты плыл в таком состоянии? Слушай, как ты вообще до берега добрался?

Грудь Карлоса поднималась и опускалась. Пальцы впились в колени.

Фил почесал щеку.

– Черт подери, потрясающе, парень. Я все еще не могу поверить, что вижу тебя. Все это время я думал, что ты умер, а тут вот он ты, собственной персоной, отдыхаешь с мамочкой. Кстати, почему ты там? – Он ахнул. – Ты все это время был в Мексике?

Карлос заскрипел зубами. На коже выступили капли пота. Мышцы свело. Все тело сотрясала дрожь. Он выпрямился во весь рост и уставился на экран ноутбука.

Фил присвистнул:

– Парень, ты выглядишь разъяреннее, чем бык на корриде. Должно быть, ты здорово на меня злишься. Но послушай, – он поднял обе руки, – я изменился. Я несу полную ответственность за все, включая и то, что я проделал с твоей невестой. – Он пошевелил пальцами, потом откашлялся. – Упс, с бывшей невестой. В то время у меня был некоторый беспорядок с головой. – Фил указал на свой висок, потом сцепил пальцы. – Скажу тебе вот что. Когда я отсюда выберусь, я все тебе компенсирую. Я перед тобой в долгу. Ты помог мне увидеть свет, образно говоря. Я найду тебя, и мы сможем...

Карлос взревел. Он схватил ноутбук и швырнул его в окно. Стекло разлетелось.

Задыхаясь, сжав кулаки, Джеймс безумными глазами обвел комнату. Домой. Ему надо домой.

А это место не было его домом.

Эпилог

Джеймс

Настоящее время

31 июля

Ханалеи, Кауаи, Гавайи

Джеймс наполнил еще одно ведерко и перевернул его, потом медленно снял ведро, чтобы мокрый песок сохранил форму.

– Еще одно вот сюда, *rará*. – Марк указал на дальний угол замка, который они строили вместе.

– Держи, сынок. – Джеймс насыпал песок в ведерко сына.

Когда они построили вторую башню, Джеймс вытянул шею и поглядел в океан, где Наталия и Джулиан занимались сёрфингом. Из-за далекого шторма волны были высокими. Идеально для сёрфинга, сказал Джулиан.

Вероятно, это последняя возможность заняться сёрфингом в этом сезоне. Они прожили у Наталии больше месяца. Благодаря хорошему спросу на недвижимость в Силиконовой долине, дом в Лос-Гатосе продали быстро, причем за куда более высокую цену, чем просил Джеймс. Пора бы начать искать кондоминиум, но ему было так приятно жить у Наталии. Джеймс еще несколько недель назад перенес свои вещи в ее комнату, и она хотела, чтобы они переехали к ней насовсем. Им нужно было сделать следующий шаг в своих отношениях, и Джеймс хотел сделать это поскорее. Потому что мысли о будущем с Наталией согревали ему сердце и вызывали боль – приятную боль.

Обустройство галереи должно было начаться через несколько недель. Завтра мальчики отправятся в школу. Вскоре их время во второй половине дня будет занято не играми на пляже и сёрфингом, а домашними заданиями и футбольными тренировками. Даже Марк, который шел в первый класс, проявил интерес к футболу.

Джеймс глубоко вдохнул океанский воздух. За короткий промежуток времени он сменил имя, знакомых, дом, страну, но стиль жизни его детей

остался прежним. Они вернулись к привычному распорядку, и это его вполне устраивало.

Джулиан и Наталия заработали руками, направляясь к самому опасному участку приближающейся волны. Вода вздыбилась под ними, и они синхронно вскочили на ноги и направили свои доски вниз, по внешней стороне вздыбившейся волны. Джеймс встал, чтобы посмотреть. Он затаил дыхание. Наталия однажды сказала о сёрфинге, что это лучшие ощущения на свете. Если не считать секса, разумеется. Это все равно что оказаться на вершине мира и стать частью океана одновременно.

– Это ваша жена?

Джеймс посмотрел вниз и с удивлением увидел стоящую рядом с ним миниатюрную женщину. Ее летнее платье из белого хлопка развевалось на ветру, танцевало вокруг щиколоток. Она придерживала рукой широкополую шляпу, чтобы ее не унесло ветром. Большие круглые солнцезащитные очки в белой оправе защищали глаза от послеполуденного солнца. Платиновые волосы развевались вокруг лица. Женщина улыбнулась, и Джеймс почувствовал, что улыбается в ответ.

– Пока нет. – Он снова повернулся к океану. – Может быть, когда-нибудь.

И от этой мысли стало тревожно, тепло и спокойно одновременно.

Джеймс подумал о письме, которое ему написал Карлос. Его слова часто возвращались совершенно неожиданно, ненавязчиво напоминая о том, какая благословенная у него сейчас жизнь. Карлос пожелал, чтобы он смог вернуться в объятия Наталии. И Джеймс сделал это. А еще он наслаждался тем, что снова влюблялся в нее.

– Кажется, вы умеете видеть будущее, – поддразнила его женщина.

– Намного лучше, чем собственное прошлое, – пошутил он, не ожидая, что незнакомка его поймет.

– Я знаю, как помочь людям заново вспомнить прошлое.

По спине Джеймса пробежал холодок, слегка выбив его из колеи.

– Кто вы? Психолог? – Он знал, что нуждается в лечении, но неужели это настолько очевидно?

Губы женщины тронула загадочная улыбка.

– Я – друг.

– Бабушка! Я нашла краба. Иди, посмотри!

Женщина в шляпе улыбнулась.

– Это моя внучка. – Она кивком указала на маленькую девочку, возившуюся там, где прибой целовал песчаный берег. Малышка снова помахала бабушке рукой.

– Иду, – откликнулась она и сунула руку в боковой карман. – Думаю, вы знаете человека, которому это может пригодиться, Джеймс. Он меня искал. – Женщина протянула ему визитную карточку лицевой стороной вниз.

Джеймс напрягся при звуке собственного имени и посмотрел вслед женщине, которая присоединилась к своей внучке. Нахмурившись, он перевернул карточку.

Лэйси Сондерс

Психотерапевт, консультант.

Убийства, пропавшие люди и нераскрытые тайны.

Помогу вам найти ответы, которые вы ищете.

– Папа! Папа! Ты видел?

Джеймс поднял голову и улыбнулся Джулиану. Джеймс сунул карточку в карман, где она исчезла, но он про нее не забудет. Джулиан и Наталия с досками под мышкой с трудом шли по песку, направляясь к нему и Марку. Усталые и мокрые, они бросили доски и сели.

– Он меня победил, – засмеялась Наталия и повалилась на песок, широко раскинув руки.

Джеймс подкрался к Марку, схватил его за талию и посадил к себе на плечи. Марк завизжал и начал брыкаться. Джеймс засмеялся и с извивающимся Марком на плечах и счастьем в сердце присоединился к своей семье.

От автора

В январе 2016 года CNN сообщила, что в Мексике опубликованы данные о войне наркокартелей, которая велась в стране с 2006 года. По крайней мере, восемьдесят тысяч человек были убиты между 2006 и 2015 годами.

Наркокартели продолжают сражаться за территории, и многие связанные с наркотиками смерти не попадают в сводки. Еще больше людей пропали без вести или просто исчезли. Хотя в Мексике действует программа защиты свидетелей, только в 2012 году президент Фелипе Кальдерон принял меры по расширению этой программы. Для защиты жертвам преступлений и свидетелям разрешено получать документы на новое имя.

Слова благодарности

Этот роман для всех читателей книги «Лазурь на его пальцах», для всех, кто путешествовал вместе с Эйми, отправившейся на поиски Джеймса и самой себя. Спасибо, что вы прочли ее и разделили мою страсть к этим героям. Я надеюсь, что вам понравится история Джеймса, и вы сможете вздохнуть с облегчением. У него и его сыновей наконец началась счастливая жизнь.

Общество писателей – это удивительная штука. Всегда найдется эксперт, готовый помочь. Я благодарна писателям и адвокатам за их знания, за то, что они подсказывали мне нужный ресурс. Кейси Корбит, Мэтт Найт и Кэтрин Маккензи, спасибо за то, что вы отвечали на мои безумные вопросы, от отмывания денег с помощью торговли и конфискации собственности до опеки над детьми, иммиграции и зарубежных законов об усыновлении. Все ошибки мои, и сделаны они ради того, чтобы информация превратилась в роман.

Я благодарна моему дорогому другу и критику Орли Кониг-Лопес. Спасибо за звонки и электронные письма во время мозгового штурма, когда я искала идеи для этого романа. Я благодарна Мишель Монтгомери. Спасибо за то, что вы познакомили меня с Мэттом Найтом и его постами в *Sidebar Saturdays*.

Я благодарна Ladies of the Lake и the Tiki Lounge, ваш энтузиазм и поддержка никогда не переставали удивлять меня. Я благодарна за каждое сообщение, электронное письмо и звонок по скайпу. Благодаря вам я пишу.

Я благодарна Келли Мартин, спасибо вам за редакторские подсказки, за телефонные звонки с «радостными новостями» и электронные письма, полные эмоций. Они заставили меня оценить, какое удовольствие мне доставляет работа с вами. Я благодарна Габриэлле Дампит. Спасибо за то, что вы присылали цветы, пока я мучилась с синопсисом. Я благодарна Даниэлле Маршалл, Деннелл Катлетт и всей команде издательства Lake Union. Спасибо вам за рекламу и поддержку всех моих проектов.

Огромная благодарность моему агенту Гордону Уорноку и агентству Fuse Luterary за все, что вы делаете для меня, особенно за скриншоты, которые вы мне присылаете в Твиттер с красными «Вау!», когда мои книги поднимаются в рейтингах. Это потрясающе! Это путешествие было невероятным, за что я искренне благодарна.

Спасибо моим родителям, которым я посвятила эту книгу, за веру в

меня. Спасибо, мама, за то, что ты часто вспоминала, как я однажды сказала тебе, что напишу книгу. Этот день настал, и я написала книгу для вас. Люблю вас обоих!

И, наконец, огромная благодарность моему мужу Генри за то, что он не позволял мне отрываться от земли и помогал сохранять рассудок (в каком-то смысле). Люблю тебя и наших детей, Эвана и Бренну.

notes

Примечания

1

Вставай, папа, хватит спать! Я хочу есть (*исп.*).

2

Хочу завтрак! (исп.)

Пролог – перевод Н. Флейшман.

4

Боже! (исп.)

5

Турнир, соревнования по сёрфингу (*исп.*).

6

Извините (*исп.*).

7

Да? (исп.)

Дерьмо! (исп.)

9

Быстро! (*исп.*)

Мексиканский кофе – алкогольный напиток на основе эспрессо (эспрессо, текила, ликер калуа, взбитые сливки).

11

Вот дерьмо (*исп.*).

Еще! Еще! (*исп.*)

Пожалуйста, папа! (*исп.*)

Знамениты на весь мир (*исп.*).

Пои – гавайское кушанье из корня таро.

Пожалуйста (*исп.*).

Спасибо, сенъора Карла (*исп.*).

Тетя Наталия! (*исп.*)

Спокойной ночи (*исп.*).

20

Одну минуту (*исп.*).

Добрый день (*исп.*).

Моя прекрасная американская невеста (*исп.*).

Слово мана использовалось гавайскими шаманами для описания источника силы, позволявшего им совершать на первый взгляд чудесные дела. – *Прим. пер.*

24

Очень вкусно (*исп.*).

Спасибо, тетя Наталия (*исп.*).

Бабушка (*итал.*).

Лето (исп.).

Ноябрьские гулянья (*исп.*).

Привет, друзья (*исп.*).

30

Привет! (*исп.*)